107

7.107

ОСНОВА

1008 (28)

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Кобзáрь, XXVIII—XXXI. **Т. Г. Шевченка.**

II. Дневникъ **Т. Г. Шевченка.**

III. Не такъ ждалося, да такъ склалося, **П. Кузьменка.**

IV. Танський, **Митра Олельковича.**

V. Мои воспоминанія, **Ка—на.**

VI. Стихи **Ст. Руданського, В. Ст. Кулика, А. А. Навроцького, Н. Н. Петрова.**

VII. Отвѣтъ на статью В. Крестовскаго, **Н. И. Костомарова.**

VIII. Кобзарь: Частина поэми: Еретикъ Иванъ Гусъ, XXXII, XXXIII. **Т. Г. Шевченка.**

IX Черноморскіе козаки, **Н. И. Костомарова.**

X. Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? **Ал. М. Лазаревскаго.**

XI. Отвѣтъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ, **П. Лавровскаго.**

XII. Памятное дѣло.

XIII. Акты историческіе и юридическіе.

XIV. Правительственныя постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.

XV. Вісті и мелкія статьи. Листъ зъ Дударівъ, **Б. Познанського,** Зъ Подорожника, **Кузьмы Шаповала,** Погуковщина, **П. П. Чубинскаго,** «Ясная—Поляна,» Южные экспоненты, Механическія заведенія.

XVI. Историческая Библіографія, **Б. И. Межова.**

XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», **Л. М. Ж.**

XVIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.

XIX. О дѣтскомъ языкѣ, **Л. Ященка,** и проч.

XX. Одъ редакціи.

Т. 107.

ОСНОВА

1008 (28)

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

168980

«Добра хочю братьи и Русьскѣй Земли.»
Владиміръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

Центральна Наукова Бібліотека ХДУ
Інв. № 9145/8 ж
ПРОВЕРЕНО ЦНБ 1945

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

59 а

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 22 дня, 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

КОБЗАРЬ.

XXVIII.

И широ́кую доли́ну,
И висо́кую моги́лу,
И вечірнюю годи́ну,
И що сни́лось—говори́лось —
Не забу́ду я́.
Та що́ зъ то́го?.. не побра́лись:—
Розійшли́ся, мовъ не зна́лись...
А тимъ ча́сомъ дороги́і
Літа́ наші молоди́і
Ма́рне пронесли́сь.
Помарніли ми обо́е,
Я—въ нево́лі, ти—вдово́ю,
Не живе́мъ, а тільки хо́димъ
Та зга́дуемъ тії го́ди,
Якъ жили́ коли́сь.

XXIX.

Зійшли́сь, побра́лись, поедна́лись,
Помолоділи, підрости́,
Гаёкъ, садо́чокъ розвели́
Круго́мъ хати́ни. И пиша́лись
Нена́че кня́зі. Діти гра́лись,
Рости́ собі́ та виросга́ли...

Дівча́токъ москалі́ украли́,
А хло́пцівъ въ москалі́ забра́ли,
А ми нена́че розійшли́сь—
Нена́че бра́лись—не една́лись.

XXX.

Не верну́вся изъ похо́ду
Гуса́ринъ — моска́ль.
Чого́жъ мині ёго́ шко́да
Чого́ ёго́ жаль?
Що на ёму́ жупа́нъ ку́ций,
Що гуса́ринъ чорноу́сий,
Що Ма́шою звавъ?
Ні, не того́ мині шко́да;
А марніе моя вро́да
Лю́де не беру́ть;
А на у́лиці дівча́та
Насміха́ющця прокля́ті —
Гуса́ркою зву́ть!..

XXXI.

Титарівна—Немирівна
Гапту́е хусти́ну,
Та коли́ше московщиня́—
Малу́ю дити́ну.
Титарівна—Немирівна
Людьми́ гордува́ла...
А моска́ля—пройди́світа
Ни́щечкомъ вітала!
Титарівна—Немирівна
Почéстного ро́ду...
Виглядáе пройди́світа
Москаля́ зъ похо́ду.

19 октября 1860 р.
С-П-Б.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Четвертый отрывокъ.

9 іюля.

Передъ закатомъ солнца, заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ–оста, прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь въ открытомъ морѣ бросила якорь; а когда подыметъ — Богъ знаетъ. Нордъ-остъ здѣсь господствующій вѣтеръ. Онъ можетъ простоять долго и продлить мою, и безъ того — длинную, неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20 іюля. Грустно, невыразимо–грустно. Впродолженіи ночи я не могъ заснуть: меня грызла и гоняла, какъ на кордѣ, вокругъ огорода, самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ, я пошелъ къ морю, выкупался, и тутъ же, на пескѣ, заснулъ. — Видѣлъ во снѣ покойнаго Аркадія Родзянку въ его веселомъ *Подолѣ*, близъ Хорола; — показывалъ онъ мнѣ свой черезчуръ–затѣйливый садъ, толковалъ о возвышенной простотѣ и идеалѣ въ искуствахъ вообще и въ литературѣ въ–особенности; ругалъ наповалъ грязнаго циника — Гоголя, и въ-особенности *Мертвыя Души* казнилъ немилосердо; потомъ потчивалъ какими-то герметически–закупоренными кильками и своими сальными малороссійскими виршами. — — Разбудилъ меня мелкій тихій дождикъ, и я побѣжалъ на огородъ мокрой курицей.

Говорятъ, о чемъ наяву думаемъ, то́ и во снѣ пригрезится. Это не всегда та́къ. Я, напримѣръ, Аркадія Родзянку видѣлъ одинъ разъ, и то́ случайно, въ 1845 году, въ его деревнѣ — *Веселый Подолъ*, и онъ мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ надоѣлъ своей тупой эстетикой и своими малороссійскими стихами, что я убѣжалъ — — къ его ближайшему сосѣду, и, какъ водится, злѣйшему врагу. Я забылъ даже, что видѣлся когда-то съ сальнымъ стихоплетомъ, а

онъ мнѣ сегодня во снѣ пригрезился. Какая же связь между моими грустными мечтами и между этимъ давно-забытымъ мною человѣкомъ? Капризъ нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И *Оракулъ* сотника Ч——нова едва ли объяснитъ загадку подобныхъ сновидѣній. Пойду однакожъ, на всякій случай, посмотрю въ это зерцало сокровенныхъ таинствъ натуры.

10 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая. Дождь продолжаетъ омывать новую луну. Такія длинныя любезности здѣсь съ нимъ рѣдко случаются. Я недвижимо пролежалъ весь день въ бесѣдкѣ и слушалъ однотонную тихую мелодію, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышку бесѣдки. Принимался нѣсколько разъ дремать, но неудачно. Проклятыя мухи со всего огорода слетѣлись въ бесѣдку и не даютъ покоя. Принимался нѣсколько разъ строить воздушные замки на своихъ будущихъ эстампахъ акватинта — также неудачно. *Гензерихъ* и *Осада Пскова*, Брюлова, мнѣ особенно не удавались. Нужно избѣгать на первый разъ наготы. Нуженъ опытъ и опытъ, а иначе эта очаровательная Брюловская нагота выйдетъ въ эстампѣ — безобразіе. Я не желалъ бы, чтобы мои будущіе эстампы были похожи на парижскій эстампъ акватинта, съ картины *Послѣдній день Помпеи*. Топорный, безобразный эстампъ. Поругано, обезображено геніальное произведеніе.

Въ такомъ скверномъ настроеніи унывающей души вспомнилъ я про *Umnictwo piękne*, Либельта, и принялся жевать: жостко, кисло, приторно, — настоящій нѣмецкій супъ–вассеръ. Какъ, напримѣръ, человѣкъ такъ–важно трактующій о вдохновеніи, простосердечно вѣритъ, что будто бы Іосифъ Вернетъ велѣлъ себя, во время бури, привязывать къ мачтѣ для полученія вдохновенія. Какое мужицкое понятіе объ этомъ неизреченномъ божественномъ чувствѣ. И этому вѣритъ человѣкъ, пишущій эстетику, трактующій объ идеальномъ, возвышенно–прекрасномъ, въ духовной природѣ человѣка. Нѣтъ, и эстетика сегодня мнѣ не далась. Либельтъ, онъ только пишетъ по-польски и чувствуетъ (въ чемъ я сомнѣваюсь), а думаетъ по-нѣмецки, или, по-крайней-мѣрѣ, пропитанъ нѣмецкимъ идеализмомъ (бывшимъ,—не знаю какъ теперь). Онъ смахиваетъ на нашего Жуковскаго, въ прозѣ. Онъ также вѣритъ въ безжизненную прелесть

нѣмецкаго, тощаго для жизни, идеала, какъ и покойный В. А. Жуковскій.

Въ 1839 году, Жуковскій, возвратившись изъ Германіи съ огромною портфелью, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ Мюнхенской школы живописи, нашелъ Брюлова произведенія слишкомъ матеріальными, — придавляющими къ грѣшной землѣ божественное выспреннее искуство, и, обращаясь ко мнѣ и покойному Штернбергу, случившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайдти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ, и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что́ мы увидѣли въ этой огромной, развернувшейся передъ нами, портфели: длинныхъ безжизненныхъ мадонъ, окруженныхъ готическими, тощими, херувимами, и прочихъ — настоящихъ — мучениковъ живаго улыбающагося искуства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей девятнадцатаго вѣка. До какой степени, однакожъ, помѣшались эти нѣмецкіе идеалисты живописцы. Они не замѣтили, что въ архитектурѣ Кленца, для которой они творили свои готическія безобразныя творенія, и тѣни нѣтъ напоминающаго готическую архитектуру. Странное, непонятное затмѣніе!

Umnictwo piękne, Либельта, спряталъ я въ доро́жную *торбу*, и снова привелъ свою фигуру въ горизонтальное положеніе. Что́ дальше будетъ — не знаю.

Незабвенные золотые дни, мелькнули вы свѣтлымъ, радостнымъ сновидѣніемъ передо мною, оставивъ по себѣ неизгладиммый слѣдъ чарующаго воспоминанія. Мы были тогда съ Штернбергомъ едва оперившіеся юноши, и, разсматривая эту единственную коллекцію идеальнаго безобразія, высказывали вслухъ свое мнѣніе, и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича дотого, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича, и хотѣлъ-было уже закрыть портфель передъ нашими носами, какъ вошелъ въ кабинетъ князь Вяземскій и помѣшалъ благому намѣренію Василія Андреевича. Мы продолжали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, перелистывать портфель и были награждены за терпѣніе первоначальнымъ эскизомъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченнымъ перомъ и слегка попятнаннымъ сепіею. За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Б., которые ужаснули насъ своимъ

заученымъ однообразнымъ безобразіемъ. И гдѣ, и изъ какого тлетворнаго источника почерпнулъ и усвоилъ онъ эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желаніе — быть оригинальнымъ такъ страшно обезобразило произведенія неутомимаго Б.? Жалкое желаніе. Грустный результатъ. И этотъ человѣкъ мечталъ еще равняться съ Карломъ *великимъ!* (такъ обыкновенно называлъ Брюлова В. А. Жуковскій.).

Одинъ мой знакомый не-художникъ и даже не-записной, а такъ, просто — любитель изящнаго, смотря на извѣстную картину Б., сказалъ, что еслибы онъ былъ матерью того ребенка, что валяется на первомъ планѣ картины, то онъ не только взять на руки, — боялся бы подойти къ этому маленькому кретину. Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное, и ловко высказано. А другая огромная его картина? Это — толпа безобразныхъ и самыхъ безталанныхъ актрисъ и актеровъ. Я видѣлъ ее въ подмалёвкѣ, и она меня ужаснула. Непріятное, но все-таки впечатлѣніе. Оконченная же эта картина не произвела на меня даже и этого непріятнаго чувства. А вѣдь цѣль ея была уничтожить *Послѣдній день Помпеи*. Колоссальное, но, увы! неудачное намѣреніе.

11 іюля.

Въ полночь перемѣнился вѣтеръ и отошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и легъ спать. Проснулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна, единственная звѣздочка, какъ алмазъ, горѣла высоко на востокѣ. Это должна быть Аврора. Солнце не успѣло выглянуть изъ-за горизонта, — она исчезла. Я весело принялся за свой чайникъ. И когда все было готово для моего утренняго одинокаго пиршества, я очинилъ внимательно перо, развернулъ свой журналъ и — что́ называется — полбуквы не могъ написать: такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось весело! И напившись чаю, и наслушавшись чириканья веселыхъ ласточекъ, отправился въ укрѣпленіе заказать торбу для сухарей и взять второй томъ Либельта; — зашелъ къ М——скому; онъ мнѣ предложилъ стаканъ чаю, отъ котораго я не имѣлъ силы отказаться, потому что чай былъ съ лимономъ — неслыханная роскошь въ этой пустынѣ. За чаемъ сообщилъ онъ мнѣ о начавшемся слѣдствіи надъ женихомъ и невѣстой. Слѣдствіе началось медицинскимъ освидѣтельствованіемъ невѣсты какъ

водится въ присутствіи понятыхъ. При чемъ лекарь острилъ, — что подало поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ надъ женихомъ. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковалъ свою мизерію, взялъ второй томъ Либельта и три оставшіяся сигары, изъ числа тѣхъ 25 сигаръ, что прислалъ мнѣ Лазаревскій вмѣстѣ съ сепіею. Отличныя сигары, — настоящія гаванскія. Возвратившись на огородъ, я, по обыкновенію, до обѣда лежалъ подъ своею любимою вербою и читалъ Либельта. Сегодня и Либельтъ мнѣ показался умѣреннымъ идеалистомъ, и болѣе похожимъ на человѣка съ тѣломъ, нежели на безплотнаго нѣмца. Въ одномъ мѣстѣ онъ (разумѣется, осторожно) доказываетъ, что воля и сила духа не можетъ проявиться безъ матеріи... Либельтъ рѣшительно похорошѣлъ въ моихъ глазахъ, но онъ все-таки школяръ. Онъ пренаивно доказываетъ присутствіе всемогущаго Творца вселенной, во всемъ видимомъ и невидимомъ нами мірѣ, и такъ же хлопочетъ объ этой старой, какъ свѣтъ, истинѣ, какъ-будто это его собственное открытіе.

За обѣдомъ было веселѣе обыкновеннаго: комендантъ подтрунивалъ надъ моими сборами въ походъ, другіе ему вторили болѣе или менѣе любезно, но вообще вся компанія была, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Послѣ обѣда я, также по обыкновенію, заснулъ подъ своей фавориткою — вербою, а передъ вечеромъ надѣлъ чистый китель, соломенную шляпу-самодѣльщину и пошолъ на туркменскія *бакчи* (баштаны) и, не смотря на скудость зелени, мнѣ и бакчи понравились. Я зашелъ къ хозяевамъ въ аулъ; около кибитокъ играли съ козлятами нагія, смуглыя дѣти, визжали въ кибиткахъ женщины, должно быть — ругались, а за ауломъ мужчины творили свой намазъ передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый. На горизонтѣ чернѣла длинная полоса моря, на берегу его горѣли въ красноватомъ свѣтѣ скалы и на одной изъ скалъ блестѣли бѣлыя стѣны второй батареи и всего укрѣпленія. Я любовался своею семилѣтнею тюрьмою. Возвращаясь на огородъ, набрёлъ я на тропинку, на уже-засохшей грязи которой видны были отпечатки миніатюрныхъ дѣтскихъ ножекъ. Я любовался и слѣдилъ этотъ крошечный дѣтскій слѣдъ, пока онъ не исчезъ въ степной полынѣ, вмѣстѣ съ тропинкою. На огородъ пришелъ я къ вечернему чаю и попотчивалъ Ираклія Александровича и Николая Ефремовича своими завѣтными сигарами, и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Наташеньки, не мало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчащую, дымящуюся сигару, а нянька Авдотья,

уральская козачка, — та совершенно во мнѣ разочаровалась. Она досихъ-поръ думала, что я по-крайней-мѣрѣ *часовенный*, а я такой же еретикъ–щепотникъ, какъ и другіе. Всѣ же вообще находили, что мнѣ сигара къ лицу, и что съ сигарой я похожъ на вояжёра порядочнаго тона. Такому удачному сравненію я и не думалъ противорѣчить, и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурія» или «Самолета,» а о скромной разшивѣ, о бурлацкихъ пѣсняхъ, о преданіяхъ про Стеньку Разина, забылъ и думать...

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна, но — все не впрокъ.

Отуманенный лестію, я, противъ обыкновенія, и — разумѣется — во вредъ желудку, не имѣлъ силы отказаться отъ *пельменей*. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказалъ имъ неложную честь. Послѣ ужина, я долго гулялъ вокругъ огорода, и, мало-по-малу, освобождаясь отъ вліянія самолюбія, привелъ наконецъ свой гордый духъ въ нормальное состояніе и тихо запѣлъ гайдамацкую пѣсню:

Ой поізжáе по Украíні та козáченько Швáчка...

Отъ этой любимой моей пѣсни, я незамѣтно перешелъ къ другой — не менѣе любимой:

Ой, изíйди, зíйди, ти, зíронько, та вечíрняя...

Эта меланхолическая пѣсня напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я и молодая жена Кулиша пѣли въ два голоса эту очаровательную пѣсню. Это было на другой день послѣ ихъ свадьбы, въ роковомъ 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную украинку? Запою ли съ нею эту задушевную пѣсню?

Воспоминанія меня убаюкали; я сладко заснулъ, и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго чтенія *Алексѣя Однорога*). По улицѣ ѣздили въ старосвѣтскомъ огромномъ берлинѣ, огромные, рыжіе, пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый другъ, Семенъ... Это все пельмени такъ наметаморфозили.

12 іюля.

Одинадцатымъ, нечетнымъ, несчастливымъ для меня, числомъ кончился первый мѣсяцъ моего журнала. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ тогда эту мысль? Ну, что бы я дѣлалъ впродолженіи этого минувшаго, безконечо-длиннаго мѣсяца? Хотя и это занятіе мимо-

ходное, но все-таки оно отнимаетъ у безотвязной скуки нѣсколько часовъ дня. А это—важная для меня теперь услуга. Въ первые дни не нравилось мнѣ это занятіе, какъ не нравится всякое занятіе, пока мы его себѣ не усвоимъ, не смѣшаемъ его съ нашимъ насущнымъ хлѣбомъ. Сначала я принимался за свой журналъ какъ за обязанность, какъ за *пунктики*, какъ за ружейные пріемы; а теперь, и особенно съ того счастливаго дня, какъ завелся я мѣднымъ чайникомъ, журналъ для меня сдѣлался необходимъ, какъ хлѣбъ съ масломъ для чая. И не случись этого несноснаго ожиданія, этого тягостнаго бездѣйствія, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждый день такъ безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нѣтъ худа безъ добра.

Сегодня утромъ, записавши счастливое одинадцатое число, я вздумалъ попробовать ветчины собственнаго приготовленія. Для этого я выпилъ фундаментальную рюмку водки, закусилъ молодой рѣдькой, а потомъ уже приступилъ къ собственному произведенію. Ветчина оказалась превосходною, свѣжею, не смотря на то, что еще приготовлена въ январѣ мѣсяцѣ. Перваго января текущаго года получилъ я первое радостное письмо изъ Петербурга отъ графини Т——ой, и съ того же дня началъ готовиться въ дорогу. Такъ какъ путешествовать мнѣ предстояло,—можетъ-быть, и теперь еще предстоитъ,—по серебрянымъ берегамъ Урала, гдѣ благочестивые Уральцы, а особенно Уралки, нашему брату-раскольнику воды напиться не даютъ, то я и заготовилъ для труднаго пути сей необходимый копченый продуктъ. Не знаю, чѣмъ восхищается въ Уральцахъ этотъ статистико-юмористъ Н—инъ? Грязнѣе, грубѣе этихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ я ничего не знаю. Сосѣди ихъ,—степные дикари Киргизы—тысячу разъ общежительнѣе этихъ прямыхъ потомковъ Стеньки Разина. А помянутый господинъ въ восторгѣ отъ ихъ общежитія и мнимаго гостепріимства. Вѣрно, ему въ грязномъ погребкѣ диктовалъ какой-нибудь Ж——овъ статейку подъ названіемъ: *Уральскіе Козаки*, а онъ, подъ веселую руку, записалъ, да и посвятилъ еще В. И. Далю.———Вредны такіе писатели.

Попробовавши дорожняго продукта и найдя оный болѣе нежели удовлетворительнымъ, я самодовольно успокоился подъ своей фавориткой-вербою, и принялся за Либельта. Онъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится: или онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ, или онъ мнѣ

только кажется такимъ, потому, что мнѣ вотъ ужъ другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояніе! Либельтъ, напримѣръ, весьма справедливо замѣчаетъ и высказываетъ эту, — правда, не совсѣмъ моложавую истину, — коротко, изящно и ясно: что религія у древнихъ и новыхъ народовъ всегда была источникомъ и двигателемъ изящныхъ искуствъ. Это вѣрно. А вотъ это такъ не совсѣмъ: онъ, напримѣръ, человѣка-творца въ дѣлѣ изящныхъ искуствъ вообще, въ томъ числѣ и въ живописи, ставитъ выше натуры, потому-дискать, что природа дѣйствуетъ въ указанныхъ ей неизмѣнныхъ предѣлахъ, а человѣкъ-творецъ ничѣмъ не ограниченъ въ своемъ созданіи. Такъ ли это? Мнѣ кажется, что свободный художникъ настолько же ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами. А попробуй этотъ свободный творецъ на волосъ отступить отъ вѣчной красавицы-природы, онъ дѣлается богоотступникомъ, нравственнымъ уродомъ, подобнымъ Корнеліусу и Б. Я не говорю о дагерротипномъ подражаніи природѣ: тогда бы не было искуства, не было бы творчества, не было бы истинныхъ художниковъ, а были бы только портретисты, въ родѣ З.

Великій Брюловъ черты одной не позволялъ себѣ провести безъ модели, а ему, какъ исполненному силы творчества, казалось бы, это позволительно. Но онъ, какъ пламенный поэтъ и глубокій мудрецъ-сердцевѣдецъ, облекалъ свои вдохновенія, свѣтлыя фантазіи въ форму непорочной вѣчной истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся намъ такими милыми, такими близкими, родными.

Либельтъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится. Впродолженіи десяти лѣтъ я кромѣ степи и казармы ничего не видѣлъ, и кромѣ солдатской, запуганной, рѣчи, ничего не слышалъ. Страшная, убійственная проза... И теперь, случайный собесѣдникъ Либельтъ — самый очаровательный собесѣдникъ. Искренняя моя сердечная благодарность унтеръ-офицеру Кулиху.

Какъ начался пріятно, такъ и кончился этотъ второй для меня день пріятно. Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Для моціону я обошелъ два раза укрѣпленіе. Началъ было и третій обходъ, только у второй батареи остановилъ меня уральскій козакъ своею старинной пѣсней про Игнашу Степанова сына Булавина. Первый стихъ пѣсни мнѣ чрезвычайно нравится:

Возмутился нашъ батюшка
Славный тихій Донъ,
Отъ верховьица
Вплоть до устьица.

Эта пѣсня собственно — донская, но она усвоена и Уральцами, какъ братьями по происхожденію. Я не мало удивился, услышавъ въ первый разъ здѣсь эту пѣсню, — потому-что приходящіе сюда на службу Уральцы большею частію народъ бывалый въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и поютъ все модные нѣжные романсы, захваченные или въ салонахъ на *Козихѣ* или въ *Мѣщанскихъ* и *Подьяческихъ* улицахъ. Такъ я не мало удивился, услыхавъ этого отступника отъ закона моды.

Съ удовольствіемъ слушалъ я незримаго пѣвца, пока онъ замолчалъ или, вѣроятно, уснулъ, — чему и я благоразумно послѣдовалъ. На разсвѣтѣ приснилось мнѣ, будто бы пріѣхалъ въ укрѣпленіе фельдмаршалъ Сакенъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, и потребовалъ меня къ себѣ. Но такъ-какъ у меня не оказалось солдатскаго облаченія, кромѣ шинели, и то́ — безъ эполетъ, то, пока нашивали эполеты, я проснулся, и былъ сердечно радъ этой неудачѣ.

13 іюля.

Сегодня суббота; вѣтеръ все тотъ же — нордъ-вестъ. Это хорошо. Значитъ, волею-неволею лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ дѣлаюсь я нетерпѣливѣе и трусливѣе. Семь тяжелыхъ лѣтъ, въ этомъ безвыходномъ заточеніи, мнѣ не казались такъ длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытанія. Но все отъ Бога. Заглушивъ въ себѣ, по мѣрѣ возможности, это ядовитое сомнѣніе, я принялся за моего неизмѣннаго друга Либельта и съ наслажденіемъ пробесѣдовалъ съ нимъ до самого вечера. Вечеромъ пошелъ я опять ко второй батареѣ, въ надеждѣ услышать вчерашняго Баяна. Но вчерашній Баянъ обманулъ мои ожиданія. Я возвратился на огородъ, легъ подъ своей завѣтною вербою, и самъ не знаю, какъ это случилось, — уснулъ и проснулся уже на разсвѣтѣ. Рѣдкое, необыкновенное событіе! Такіе дни и такія событія я долженъ вносить въ мою хронику, потому-что я вообще мало спалъ, а въ послѣдніе дни сонъ рѣшительно меня оставилъ.

14 іюля.

Сегодня воскресенье. Вѣтеръ все тотъ же. Не пора ли отойти въ нордъ–осту? О, какъ бы онъ меня обрадовалъ, еслибы хоть къ завтрему отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая деревянная пила ожиданія.

Въ полдень вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Добрый знакъ. Сегодня третьи сутки, какъ я не посѣщалъ — — укрѣпленія. И это теперь мое единственное счастіе, что я безнаказанно могу дѣлать такое укрывательство, а чтобы не видѣть еще сутки топорной декораціи мѣстнаго вертепа и рьяныхъ соратниковъ Вакха, я не побрился и не пошелъ къ обѣднѣ. А передъ вечеромъ, во избѣжаніе встрѣчи съ тѣми же соратниками (они по праздникамъ имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойствіе обывателей огорода), я, надѣвши чистый бѣлый чехолъ на фуражку и положивши въ карманъ огурецъ и рѣдьку, отправился къ Филемону и Бавкидѣ. Филемонъ, вопреки своему постоянному расположенію духа, былъ не въ духѣ, а Бавкида, вопреки своей постоянной улыбкѣ, была тоже не въ духѣ, даже не показала мнѣ своей новой соломенной шляпки, о которой я слышалъ стороною. Я вспомнилъ пословицу — *не во время гость хуже татарина*, и взялся за фуражку; но Филемонъ остановилъ меня, просилъ садиться и также просилъ свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно-полученнаго изъ Астрахани варенья, а самъ принесъ кружку холодной воды, и послѣ первой апробаціи повѣдалъ мнѣ свое новое горе. Неосторожный и жадный лоцманъ, взявшійся представить ему товаръ изъ Астрахани, нагрузилъ свою утлую ладью такъ грузно, что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ долженъ былъ половину груза выбросить въ море. Къ несчастію Филемона и Бавкиды, ихъ товары, состоящіе изъ двухъ ящиковъ горячихъ напитковъ и 30 мѣшковъ муки, лежали на палубѣ, и, разумѣется, первые полетѣли за бортъ. Уцѣлѣли только ничтожныя мелочи, какъ–то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная бесѣда, какъ исповѣдь, умиляетъ наше тоскующее сердце. Старики, разсказывая мнѣ про постигшее ихъ несчастіе, пришли въ свое нормальное положеніе. Филемонъ простодушно началъ врать о какой–то стычкѣ съ французами въ 1812 г., а Бавкида показала мнѣ шляпку и даже мантилью, а на прощаньи подарила мнѣ лимонъ, съ которымъ я имѣю

радость сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, пить чай, записывая свой визитъ и грустное событіе, совершившееся въ ущербъ торговлѣ моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, какъ я сегодня узналъ, не смотря на воскресенье и хорошую погоду, ни одинъ, изъ офицію имѣющихъ, не появлялся на огородѣ. Странная, непонятная антипатія къ благоухающей зелени! Они предпочитаютъ пыль и несносную духоту въ укрѣпленіи прохладной тѣни, цвѣтамъ и свѣжей зелени на огородѣ. Непонятное затвердѣніе органовъ. Настоящіе суровые сыны Беллоны. Одно, чѣмъ я могу растолковать себѣ это отсутствіе обонянія и зрѣнія суровыхъ дѣтей Беллоны, это—всепокоряющая владычица—водочка. На огородѣ, извольте видѣть, хотя и можно пропустить рюмку—другую, потому что самъ на́большій предлагаетъ, но нельзя нализаться какъ слѣдуетъ, не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться въ мѣстной *калабріи*. Такъ что́ же и въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе посѣщать огородъ. Не лучше ли дома, втихомолку, нализаться та́къ, чтобы въ глазахъ позеленѣло? Вотъ тебѣ и огородъ съ цвѣтами и съ благоуханіемъ!

Независимо отъ этой глубокой политики, въ великороссійскомъ человѣкѣ есть врожденная антипатія къ зелени, къ этой живой, блестящей зарѣ улыбающейся матери–природы. Великороссійская деревня, это, какъ выразился Гоголь, наваленная куча сѣрыхъ бревенъ, съ черными отверстіями вмѣсто оконъ, вѣчная грязь, вѣчная зима. Прутика зеленаго не увидишь, а по сторонамъ непроходимые лѣса зеленѣютъ, а деревня какъ–будто нарочно вырубилась на большую дорогу изъподъ тѣни этого непроходимаго сада, растянулась въ два ряда около большой дороги, выстроила постоялые дворы, а на–отлетѣ часовню и кабачекъ, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатія къ прелестямъ природы!

Въ Малороссіи совсѣмъ не то́. Тамъ деревня и даже городъ укрыли свои бѣлыя, привѣтливыя хаты въ тѣни черешневыхъ и вишневыхъ садовъ. Тамъ бѣдный, улыбающійся мужикъ окуталъ себя великолѣпною, вѣчно–улыбающеюся природою; поетъ свою унылую, задушевную пѣсню, въ надеждѣ на лучшее существованіе. О, моя бѣдная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоимъ живительнымъ, сладкимъ воздухомъ? Милосердый Богъ—моя нетлѣнная надежда.

15 іюля.

Вѣтеръ все тотъ же—нордъ. Хоть бы на одну четверть румба отошелъ къ осту, все бы мнѣ легче было. Впродолженіи двухлѣтняго плаванія по неизслѣдованному еще Аральскому морю, я одного раза не взглянулъ на компасъ; а въ эти послѣдніе, безконечно–длинные, дни и ночи я изучиль его во всѣхъ самомалѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! еслибы ты могъ сочувствовать моему неусыпному горю, — ты бы еще третьяго–дня отошелъ къ нордъ–осту! и сегодня я бы уже сидѣлъ съ карандашемъ въ рукѣ на палубѣ аргонавтомъ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани, и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, еслибы такъ, а если иначе, — тогда что́? Тогда я и самъ не знаю—что́.

Вчера вечеромъ обошелъ я два раза укрѣпленіе, и, прійдя на огородъ, прилегъ, усталый подъ своей завѣтною вербою, съ крѣпкимъ намѣреніемъ вздремнуть хоть полчасика. Я уже другіе сутки глазъ не смыкаю. Но Морфей, по обыкновенію, измѣнилъ мнѣ, и я лежалъ себѣ подъ вербою и разсѣянно слушалъ болтовню огородниковъ, недалеко расположившихся на травкѣ. Между ними былъ уральскій казакъ,— онъ–то и владѣлъ разговоромъ, или болтовнею. Послѣ разныхъ случаевъ, случившихся съ разказчикомъ въ разныхъ походахъ, свелъ онъ рѣчь на колдуновъ, мертвецовъ и, наконецъ, и самоубійцъ. Онъ разсказалъ исторію о какомъ-то самоубійцѣ, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало религіозное повѣрье уральскихъ казаковъ о душѣ самоубійцы, которое онъ при этомъ случаѣ разсказалъ. Самоубійцу хоронятъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, и не на общемъ кладбищѣ, а выносятъ далеко въ поле и закапываютъ какъ падаль. Въ дни поминовенія усопшихъ, родственники несчастнаго, или просто, добрые люди, выносятъ и посыпаютъ могилу хлѣбнымъ зерномъ, житомъ, пшеницею, ячменемъ и прочая, для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога объ отпущеніи грѣховъ несчастному. Какое поэтически-христіанское повѣрье!

На моей памяти, въ Малороссіи, на могилахъ самоубійцъ, совершался обрядъ неменѣе поэтическій и истинно-христіанскій, который однакожъ кому–то показался обрядомъ языческимъ, и потому велѣно уничтожить. —

Въ Малороссіи, самоубійцъ хоронили также въ полѣ, но непремѣнно на перекрестной дорогѣ. Впродолженіи года, идущій и ѣдущій мимо несчастнаго покойника, долженъ былъ что-нибудь бросить на его могилу,—хоть рукавъ рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истеченіи года, въ день его смерти, а болѣе—въ *зеленую* субботу (на канунѣ Тройцына дня), сжигаютъ накопившійся хламъ какъ очистительную жертву, служатъ панихиду и ставятъ крестъ на могилѣ несчастнаго.

Можетъ ли быть чище, возвышеннѣе, богоугоднѣе молитва, какъ молитва о душѣ нераскаявшагося грѣшника? Религія христіанская, какъ нѣжная мать, не отвергаетъ даже и преступныхъ дѣтей своихъ, за всѣхъ молится и всѣмъ прощаетъ. А между-тѣмъ, *нѣкоторые* отвергаютъ именно тѣхъ, за которыхъ должны бы молиться. Гдѣ же любовь, завѣщанная намъ на крестѣ нашимъ Спасителемъ-человѣколюбцемъ? И что́ языческое нашли вы въ этомъ христіанскомъ, всепрощающемъ жертвоприношеніи? — — — — —

Туркменцы и Киргизы святымъ своимъ (*аулье*) не ставятъ, подобно богатырямъ, великолѣпныхъ *абу* (гробницъ): на трупъ святого наваливаютъ безобразную кучу камней, набросаютъ верблюжьихъ, лошадиныхъ и бараньихъ костей, остатки жертвоприношеній, ставятъ высокій деревянный шестъ, иногда увѣнчанный копьемъ, увиваютъ этотъ шестъ разноцвѣтными тряпками, и на томъ оканчиваются замогильныя почести святому. Грѣшнику же, по мѣрѣ оставленнаго имъ богатства, ставятъ болѣе или менѣе великолѣпный памятникъ. Противъ памятника, на двухъ небольшихъ изукрашенныхъ столбикахъ, ставятъ плошки: въ одной, ближніе родственники жгутъ по ночамъ бараній жиръ, а въ другую плошку, днемъ, наливаютъ воду для птичекъ, чтобы птички напившися воды, помолились Богу о душѣ грѣшнаго и любимаго покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, въ чистотѣ и возвышенности которой вѣроятно бы *нѣкоторые* усумнились и запретили бы какъ языческое богохуленіе.

НЕ ТАКЪ ЖДА́ЛОСЯ, ДА ТАКЪ СКЛА́ЛОСЯ.

I.

Живъ колись у насъ на селі козакъ Степанъ Дубро́ва. Замі́жній бувъ чоловікъ, сказати: що́ поля, що́ скоти́ни, а найбі́льшъ—бджоли́. Бува́ло, хлопцями ще, позбі́раемось на *Головосі́ка* до Степа́новоі пасіки: «ді́дусю, дай меду!» Стара ёго то часомъ и гримае було на насъ, а старий—ніколи: наріже у миску стельникі́въ, та доцці у руки, — а та вже и роздае́ намъ черезъ тинъ по шматочку.

За́ молоду Дубро́ва чумаковавъ, дакъ тамъ десь, далеко, и одружився. До́бра, наче, и людина була ёго жі́нка, тільки пановита дуже; вже була стара, а ще подавай ій и спідниці баёві, и юпкі габзёвані, зъ міщанъ, кажуть, була́, чи-що. И до нашого брата, про́стого козака, не хилилась якось (невроку ій, нехай царствуе), чубрі́ями звала:—чубрії, каже. Семья въ ёго була чимале́нька, да Богъ прибравъ до се́бе. Я знавъ жі́нку ёго Стеху, та дочку Христину. Да живъ у ёго приймі́ть Микола, — хто й що—святі ёго знають! Була ревизія,—хлопця й привели до волости, не знаю відкіля́. Хлопья жило у шпиталі, росло въ поводиряхъ, да тільки й знало, що ёго зовуть Миколою. Привели, покинули. Хлопця у ревизію записа́ли, а де ді́тись сироті—людямъ и клопі́тъ мало. Тра́пилося Дуброві йти коло розправи; ди́витця — хлопья и бо́се и го́ле, — лу́пае очи́ма коло ganокъ да ковтае сле́зи; може – то сердешне день-деньскій и хліба у ві́чи не бачило. Старий до хлопця,—мовчить; другі вже розказали; воно тільки такъ жа́лібно, каже, дивитця на старо́го. «Такъ якъже воно, панове – громадо, зъ ці́мъ хлопьямъ буде?» пита́е Дубро́ва.—Записали, кажуть, у ревизію: нехай теперъ батька та матері шука́е.—«Такъ!» каже Ду-

бро́ва: «тíльки *поки сонце зíйде, роса очи вúсть.* Кажíть минí, панове, сéго хлопця до сéбе узя́ти; я буду й ростити, и подушне за ёго платити.» — За всí го́лови!—кажуть. Взявъ, отто, Дуброва Миколу до себе, та й виростивъ, — грíхъ сказати, — якъ рíдну дитину.

II.

Микола й Христина росли собí у-купí — и выросли. Любо було й чужому дивитись, якъ изíйдутця воно́ на роботí: обое молоденькі, обое трудящі,—и дíло робитця, и пíсня луна́е. Микола якось бувъ неговíрки́й, все нача́е сумýе, або думае що, а Христина, якъ та ча́ечка, прудка та весела. Посядуть було оддихати, Христина, знай, щебече: и хто на ю́лицю ходить, и хто кохае кого, и коли рушники даватимуть, все таке, вíсти́мо, дíвоче; Христина щебече, Микола слухае, а одно зъ одного й очей не зведе. Стари́й було́ ча́сомъ підкрадетця до молодя́тъ, слухае, слухае, перехри́стить дітей издалíкъ та й пíде собí геть, усмíхаючись. Гарна була дíвчина Христина, ясноока, чернобрива; и Микола бувъ незгірший парубокъ. Якъ теперъ ба́чу: високий, на лівій щоці значокъ родимий, поглядъ такий поважний, а діло въ рукахъ кипíло. Настане було́ лíтечко свяге́: старий коло бджолú, стара́ зъ дочко́ю у господі, а на полí Микола зъ наймитомъ порядкуе. Вийде, иноді, старий на поле одвíдати, — усе якъ слíдъ, усе гараздъ, — Микола радíе, якъ дитина рідна.

— До́бра въ насъ, жíнко, дитина, Микола, — загомонíвъ разъ старий до жíнки: — роботящий, слухмяний, — и насъ поважае, та й по селу, опрíчъ доброго, нíчого про ёго не чути.

— Треба бути роботящимъ, треба бу́ти й слухмянимъ,—одка́зуе жíнка. Не роби, не слухай—прожепуть: тоді—куди голову прихили́ти?..

— Може воно й такъ, стара́, може й не такъ; а Микола, все таки, велика намъ помíчъ... Дасть Богъ ёму долю, и ми ёму поможемо: великимъ ні-зъ-чого, а півсотні грошей, да пара волівъ, и у насъ найдетця Миколі на нове́ хазяйство.

— Такъ, такъ, старий!... дочка рушники готу́е... якъ бу́дешъ кожному паровицí зъ півсотнями роздавати — дождесся зятя!..

— А правду кажешъ, стара́: воно й лучче, якъ би не дава́ти

Мико́лі ні паровиці, ни півсотні... поглянь, ді́ти такъ гарно, здаетця, живуть поміжъ собою.

— Дакъ щобъ, — якъ се?

— А та́къ: нехай би імъ безъ по́ділу усе, що ми зъ тобою придбали на віку. Микола—добра дитина—сказати; луччого зятя намъ би й не треба.

— Схаменись, старий! чи то жъ до ді́ла-таки, едину дитину віддати за чоловіка, що може де підъ тиномъ на світъ народився?. Христина у насъ, дякувати Господеві, якъ и въ людей: и худоба, и врода... ні, старий, ніяко. До́бра дитина!?. треба бути добримъ, нігде ді́тись; чи батько заступитця, чи мати, чи, може, рі́дъ поважний, чи худоба вели́ка?.. Не будь добрий,—такъ и слова промовить ніхто не захо́че.

— Дурень ти еси,—баба! — одказавъ старий жінці.

У Степана така вже вдача була: якъ що не по ёго, ві́нъ верзікать довго не буде, — махне рукою: «дурень ти еси, — баба!»—хочъ би то була зовсімъ не баба, а спражній чоловікъ.

III.

У Дуброви бувъ свій лісъ, а въ лісі — сінокоси добрі. Діждали Зеленихъ Святъ. «А що, ді́ти». каже старий: «дівоча косовиця настае!» — а тимъ того й треба, — *до сёго тогу и пішки*. Забрала Христина дівчатъ, та й до лісу; а въ лісі жъ то въ ту пору любо та гарно: бджоли гудуть по ві́тамъ пахучимъ, соловьіна пісня горохомъ сипле́тця по зеленому рясту, а квітокъ, а пташо́къ—рай Божий, та й го́ді. У насъ що-году: зберутця дівчата, да гуртомъ на сіно́жаті, да днівъ у два, въ три, зайграшки и повгребають сінокоси и въ того, и въ другого, и въ третёго, ажъ воно й геть до́бре.

На другий, чи на третій день, стали дівчата до-дому збіратись; воно щебъ и не пора трохи, да Христині ті́лько до—дому чогось треба.

— А ти, Миколо?—питае Христина.

— Я зъ кіньми тутъ зостанусь,—одказавъ:—а завтре у обі́дню пору прийду.

— Лучче бъ сёгодні, Миколо: на юлицю пі́шли бъ; тамъ теперъ такъ весело,—Васи́лёвичь прихавъ.

— Який Василёвичъ?—питае Микола.

— Василя Калюжного, що въ окрузі був — хиба не знаешъ? — Приїхавъ до насъ у розправу писарувати. Не нашихъ парубківъ — сказати: на вигадки та на прикладки, то й пари ёму нема, — у жупані... Прийди Миколо!...

Миколу мовъ би вкололо що.—Побачу,—каже.

Дівчата пішли співаючи до-дому, а Микола у лісі зоставсь; ходить козакъ, — самъ не свій, наче у москалі зібрався. Смеркло.— Поприпинай, Грицю, лошятъ, та й на коней поглядай, — каже Микола наймитові: а я піду вівса одвідаю въ ярузі, щобъ часомъ спашу небуло. Пійшовъ, да мабуть, заблудивъ сердега: опинивсь не въ ярузі, а прямісінько на юлиці коло дівчатъ.

— Микола..! що це ёму сталось?.. на-силу!.. закричали дівчата.

Поздоровкавсь Микола зъ дівчатами; дивитця—поміжъ дівчатами паробічка, — въ жупанині, — на голові козіръ. — Оце-то воно... гмъ!... Сівъ. Співи, реготъ, — звісно—юлиця; а писаръ, якъ те шило: одну обніме, другу поцілуе,—часинки не посидить тихо: такъ и шнипорить усюди... а найбільшъ залицяетця до Христини. Обізветця який парубокъ, — вінъ заразъ и пришие квітку: дівчатамъ реготъ, парубкові соромъ... Посидівъ Микола, подививсь — «прощайте, дівчата!»

— Миколо, не втікай! ще рано,—просють дівчата.

— Крамного—немного,—обізвавсь по панськи писаръ.

— Нехай же тебе, Миколо, вовки ззідять,—закричали дівчата, коли — нехочешъ гуляти зъ нами.

— Чого доброго!—приложивъ писаръ,—бо вінъ бараномъ пахне. — Дівчата зареготали.

Повісивъ голову Микола, иде; ёму й байдуже, що тамъ глузують зъ ёго. Вийшовъ за царину; пахнувъ зъ поля свіжій вітерець—Микола ніби прочнувсь. Постоявъ—постоявъ.... «вернусь!» каже: «може се вона такъ, може се воно нічого; роспитаю про все, роскажу про все, чи такъ, чи не такъ:—нехай буду знати свою долю. «Прийшовъ до воротъ—не засунуті; вінъ сівъ на колодці, — ждé. Колі такъ, геть-геть уже, бубонить щось по юлиці — вінъ за ліску й сховався; ближче — Христина зъ писаремъ, — постали підъ воротьми. Писаръ такъ любенько заводить... Слуха Микола.

— Ні,—каже Христина — ніяко: побачять люде, осудять; лучче виходь на юлицю—на юлиці побачимось и поговоримо.

— Моя перепілочко! при людяхъ я не хочу. та й невгаренъ розказати, якъ вірно та щиро тебе люблю; а въ садочку, Христино, опрічь соловейка, нікого нема, ніхто й не побачить, ніхто й не осудить. Посядимо любенько підъ вишенькою, підъ рястомъ пахучимъ: нехай собі співа соловейко; а я бъ тобі усе́ росказавъ, Христино, все: що въ мене й на думці, що въ мене й на серці... вийди, моя ясочко!...

— Побачу,—каже, да й стрибнула у ворота.

— Постривай же, серце, поцілу́ю, ще разъ—ще....

— Оце,—каже,—якъ тобі се цілованія,—та й засунула ворота.

— Побачу!.... гмъ.... — пробурчавъ усміхаючись писаръ, — вийдешь! зъ носа видно!—Викресавъ огню на люльку, та й потягъ назадъ, співаючи.

Піднявся Микола. Місячко вже гень-гень височенько. По небу блакитному хмари плили́ тихесенько, да білолиций, якъ той лебедь у хви́лю на озері, то виринае міжъ іми, то потопае; а на селі тихо-тихо, наче й душі живоі нема. Дивитця Микола, кругомъ озираетця, ніби не второпае де́ вінъ, и якъ? Злігъ на лісу, постоявъ, постоявъ, здихну́въ важко, та й поплентавсь сердека до га́ю.

IV.

Христині минуло шостнадцять; розви́лася, росцвілася дівчи́на якъ квіточка рожева. Мати було й очей не зводить зъ любоі дитини. «Зіронько моя вечірняя, крале моя ясноока, тобі й чоловіка немае у нашому селі — чубріі все», частенько, було, говорить своій доні стара, жалуючи. «Чи таки жъ припадае оттакимъ білимъ ручи́цямъ піклуватись коло мужицького діла»?... Багато паробківъ, багато й матерокъ закидали око на Христину, да не знали зъ якоі й підступити. Дуброва на багатство не вповавъ,—це всі знали; знали и те, що Дуброва любить Миколу якъ рідну дитину. А проте и Микола бувъ таки́й парубокъ, що хоть би й хотівъ чимъ зга́нити — не зуміешъ.

— Мині здаетця, старий, чи не лучче бъ намъ уже Миколу поблагословити на всі чотирі,—каже разъ жінка Степану:—виростили, викохали — нехай зъ Богомъ иде у люде, да шукае собі долі, а то кожне думае, що ми въ зяті ёго собі готуемо. Христині найдутця хороші люде.

— Пошли, Го́споди,—каже старий.—Тільки я спершу казавъ и теперъ кажу: луччого намъ зятя не треба, якъ Микола; коли и дітямъ пошле Господь любовъ да совітъ, я за иншого дочки не ддамъ.

— Отцёго вже, старий, не буде.

— Дару́й, Господи, щобъ було.

— Не буде.

— Поба́чимо...

— Поба́чимо!... такъ—бачъ, чого твій Микола якъ сичъ той, ставъ похожати, що слова не добьесся.... Ажъ и вінъ, мабуть, задумавъ у чужі́мъ добрі господарювати,—побачимо!

Такъ було́ й частенько. А Микола не знае и не відае, що за ёго, сироту, безъ ёго́ вини, недобре поміжъ старими заводитця. Приіде зъ поля, візьме що треба, та й зновъ на поле. Вістимо—літо; літомъ хліборобова хата—степъ широкий. То бувъ небалакливий, а то́ й ище лучче мовчавъ, да тільки не господарство въ чужімъ добрі, а инши думки збавили речи козакові....

Разъ—такъ—приносить Христина обідати Миколі на поле. Сіли підъ возомъ, а Микола—чи істи, чи не істи.

— Який ти невеселий ставъ, Миколо,—озвалась Христина: и на виду змарні́въ... може, нездужаешъ?

— Богъ милувавъ по который часъ,—каже.

— У тебе, Миколо, щось недобре на думці, та не кажешъ,—недобрий ставъ. Мати казали, що ти скоро покинешъ насъ, — не кидай, Миколо!

— Я покину? кого? васъ?

— Некидай, Миколо! укупі́ зросли, укупі и жити. Може, тебе щоденна ся праця сушить; я—таки́ батькові казала, що десь Миколі и оддихати не треба — усе на роботі, усе на роботі.... Та не довіку, Миколо, будемъ день при дні працёвати: я останнє́ літо оце хожу по полю, да піклуюсь ніби крепачка гіркая. Буде́, дасть Богъ, скоро и хата съ кімна́тою, и істи и пити и хороше ходити; и ти, Миколо, знайдешъ собі пару, та й будемо жити любенько укупці?...

— А ти собі хиба найшла вже, Христино?

— Я? ні... одказала Христина, та й почирвоніла.

— А відкіля жъ се на тебе такий панській вітеръ віе?..

Христина ще й більше почирвоніла.

— Не соромайся мене, Христино! коли ти кого щиро полюбила и тебе тежъ, я перший радітиму твоій долі.

— Спасибі тобі, Миколо. И мати радіють, що, може, скоро я не буду мужичкою...

Микола здихну́въ. Посиділи, ще поговорили, Христина за горшки, та й до-дому.

Оставсь Микола; провожае очима Христину, й очей не зведе; а вона поспішае співаючи до-дому, да якъ та перепілочка, здаетця, и ніжками до землі не черкаетця. Христини вже давно и не видно, а Микола стоіть, дивитця.... потімъ утеръ рукавомъ очи, да й зновъ за со́ху—ниви добрувати.

V.

— Не гніви Бога, стара: за́ що-таки ти Миколу такъ обіждаешъ?—обізвавсь одного разу старий Дуброва до жінки.—Лучче сироту зъ двора прогнати, а ніжъ докоряти ёму кускомъ хліба. Чи він же ёго даромъ ість у насъ? Поглянь-лишъ, який вінъ на видъ ставъ... камьяна́ душа—и та бъ пожаліла.

— А чи можна жъ зтерпіти, коли твій Микола обезглуздівъ зовсімъ?.. *Ему кажи́—та́ту, а вінъ каже—ка́ту*,—якъ навіжений... Коли не мусишъ до ладу ді́ла робити, такъ и хліба чужого не іжъ.

А Микола, справді́, наче збожеволівъ: ёму треба у Черне́щину, а вінъ опинитця у Шкра́бовці, — поіде по сіно, а ли́ківъ привезе. Заманулось разъ старому одві́дати на поле,—сіяли жито. Приходить—Микола сіе.—Помогай Бі́гъ, Миколо!—«Спасибі, дядьку.» Старий ближче,—ажъ Микола сіе гречку. Дивитця старий на Миколу, а той блідий—блідий... куди́ тутъ лайки!... пригорнувъ ёго: —Миколо, сиро́то мій безталанний! прости мене, мій голубе! тяжко, бачу́, виходить тобі хлібъ мій, моя дитино.... Микола счепивъ руки: «Дядьку! я... мині...» Годі, годі, Миколо,—каже стари́й: не журись, не плачъ,—усе́ бу́де якъ слі́дъ, усе буде гараздъ...—а въ само́го такъ и котятця зъ старихъ очей слёзи.

Гірке життя ста́ло Миколі: одно те́ що Христина.... а друге — мати. Такъ и ість, такъ и ість наче іржа зелізо. Обізветця ча́сомъ старий—куди́!

— Погане въ на́съ життя,—нехай де лучче шукае:—не привьязаний!—каже жі́нка.

Дождали Покрови. Сидять такъ разъ у вечері, и діла ніякого не роблять, и речи нема, коли забрехало на двірні. Трохи згодомъ, увіходить двое сусі́дівъ, поважні люде, у новихъ свитахъ, красними поясами підперезані, у одного підъ правицею хлібъ у білій хустині. Поздоровались, привітались. — «Покланя́лись вамъ, кажуть гості, Василь и Василиха счастямъ та здоровьямъ та хлібомъ святимъ.»

Стара заслала білою скатертиною стілъ, просить дорогихъ гостéй до покутя; така весела, говірка, и запіканої поставила на стілъ кубишечку. Сидять, гуторять про се да про те, звичайно, якъ свати.

— Дакъ якъ воно буде, пане Степане?

— А такъ буде,—каже Степанъ: — покланяйтесь и відъ насъ Василю и Василисі счастямъ та здоровьямъ, дякуйте за іхъ ласку, та повагу щиру, панове. Хліба святого не цураемось, а дочки цей годъ не оддамъ,—молода. Більшъ погуляе, луччимъ згадае батька старого.

Чого вже не робили, що́ не говорили, на Степана наче пеня московська напала: не оддамъ до году, та й не оддамъ; съ тимъ свати й до дому повернулись.

Стара́ и руки попустила; не придумае, не пригадае, якъ-таки за такого чоловіка якъ писаръ — дочки не оддати: — се не чубрій який! первий чоловікъ у селі, судить и рядить якъ знае, кожному прийдетця до ёго съ покірною.... «Обезглуздівъ, каже, «старий та й годі! Да не бу́де жъ и по ёго, не дійде й приблуда моімъ зятемъ бу́ти!...»

Зробилась хата Степанова гіршъ пе́кла. День-у-день сварка, та лайка, та слёзи; а що вже терпівъ Микола — Господи! Нехай би стара́, а то й доня; и тій мати натруюдила—чого знала; довелось Миколі и одъ Христини терпіти и речи недобрії, и зневагу. А того́ вінъ ждавъ?... Того серцѣ сподівалося? Глянешь було на паробка — серце щимить. Усі знали що вінъ терпівъ у Дуброви, а щобъ вінъ ставъ на кого жалковатись—ні въ світі!

VI.

— Бачъ, старий, на мое й вийшло! Отъ тобі й добра дитина! бачъ, яка добра! якъ водивъ старці да ночувавъ по-пі́дъ тинью,

такъ тоді и дядечко и тіточко, и сухі и немазані; а викохали да виростили, згинувъ якъ харцизяка, и спасибі за хлібъ-сіль нашу не сказавъ... Мовчишъ, старий? не любо правду слухати?

А Микола и справді згинувъ. День, два — нема. Коли такъ, тижнівъ у два чи-що, прийшла до волости бумага за Миколу; почувъ старий, да мерщій туди, питае: що? якъ?

— Иде, кажуть, вашъ Микола охотою у москалі,—такъ начальство учинило запросъ: що вінъ и якъ?

— Такъ якъ?

— Громада одвістила, що препятствія не имієтця, а що Микола добра людина. Здихнувъ старий: «добра людина, промовивъ, тяжко добра»!...

Почула и стара зъ дочкою: раді-раді! думка, — теперъ старому нічого пручатись, а старий все-таки свое: не 'ддамъ до году, та й не 'ддамъ, и то ще, каже, коли покине писарувати.

— Да схаменись старий, чого це ти коверзуешъ? подумай, які люде! Богъ дае дитині долю, а вінъ — нехай покине писарувати! Писарь—первий чоловікъ у селі; Христина за імъ якъ у Бога за дверми житиме: и дома панство, и въ людяхъ повага, на хвості не посадять, да и намъ кожне голову схилить.—А тутъ и доня пристане: и таточку и голубчику, не губи своеі дитини единоі, лучче мині зъ мосту та въ воду, ніжъ зъ иншимъ одружитись.

Якъ до стіни!

Дождали *Дмитра*.—Якъже хочешъ,—домовляетця стара: буде каяття, та не буде вороття; дождесся ти, старий, лихоі години, гіркими слізьми заплачешъ на старости віку... плачь тоді на свою голову!... Та й почала щось на вуха шептати.... Старий ажъ здрігнувъ. Побілівъ, побілівъ: «необачная ти мати,» каже, та й заплакавъ.... А черезъ тиждень, чи-що, молодихъ и перевінчали.

Якъ понуривъ старий Дуброва голову, такъ и весільля не помогло. Пьютъ гуляють у хаті, а Дуброва ходить по двору смутний ти мовчущий. На другий день, чи на трейтій, весільні поіхали у Шаболтасівку, верстовъ шість, коли знаете, у перезву; тамъ дядько живъ молодого, а дома старий зъ наймитомъ зостався. Обіднёі такъ пори, сидить Дуброва кінець стола, сумуе, — коли рипнули двері. Піднявъ старий голову.

— Москаль! Микола! — Скочивъ дідъ та до ёго: зрадівъ,—зрадівъ! то цілуе, то христить; спитае одно, друге, та зновъ на-ново.

— Мене, дядьку, вибрали у гвардіёнці,—каже, Микола: гонють у Петенбурхъ; такъ я ублагавъ старшого, спасибі ёму, та й прийшовъ одвідати васъ, та подякувати за хлібъ-сіль вашу, дядьку.

— Добре, Миколо, добре, спасибі... Та який жэ ти красний ставъ, мій голубе!...

— Трохи нездужавъ, каже. Звісно,—и люде незнакомі, и порядки не ті... поки привикнувъ.

— Такъ, такъ,—каже Дуброва, хитаючи головою: поки привикнувъ,— эге́....

Старий, здаетця, на все забувъ, мовъ повеселішавъ: росказуе Миколі и те и друге. Заспівали півні. «Отъже я зъ-дуру и геть загуторивсь зъ тобою, Миколо, а тобі зъ дороги и одпочити бъ треба; лягай же, сину, або́-що.

Переночували. «Такъ якъже оце, Миколо, непобачивши моіхъ и йдешъ,—каже старий, дивлючись що той вже лаштуетця у дорогу.

— Неха́й імъ Богъ дае щастя та здоровья,—каже Микола: и радъби побачити, та не можна,—на три дні тільки пущено. Чого ни робивъ старий—не можна та й неможна.

— Молись же Богу, Миколо! — Одбивъ Микола три поклони, одбивъ три поклони и Дуброва старий.

Потімъ знявъ зъ божниці образъ невеличкий: «ходи́ сюди, Миколо.» Микола підступивъ, ставъ на вколішки. «Благослови тебе Боже, якъ я благословляю тебе, люба дитино моя! пошли тобі, Господи, вікъ довгий, розумъ добрий та долю щасливу»... схопивъ за голову, ще хотівъ щось казати, та й не сказавъ за слёзами.

— Слухай же, Миколо, що я тобі, може, въ останній разъ, казатиму. Бійся Бога, не бійся труда, не обіждай ме́ншого. Отцей гаманець, — тутъ сто рублівъ — возьми; се не плата за твою працю въ моімъ добрі—Богъ тобі заплатить за твою щиру правду!.. Не пручайсь, Миколо, — возьми; необіждай хоть ти мене на старости віку. Знаю,—поки ти здоровъ, чужі гроши тобі не въ жадібку, да на віку усяко бувае, моя дитино. Боронить тебе Богъ одъ немочи, або и́ншого лиха несподіваного,—оддай ці гроши за упокой души; ти сирота, Миколо, умрешъ,—такъ и помянути нікому.

Помолились Богу ще разъ, пойшли. Вийшли за царину—»Прощай, Миколо«, каже старий, »не забувай що я казавъ тобі. *Не такъ ждалося, да такъ склалося:* Божа воля!«...

Попрощались; старий пішовъ до дому, а Микола своею дорогою.

Иде сердека, а на полі—ні души живої. Зійшовъ на Кручиківъ—Грудъ, що коло дороги,—степъ, кругомъ степъ. Весело дивитись на степи наши безкраі, любо козацькій душі оглядати те широке роздольля степове, тільки не тоді, якъ немае въ тебе на світі ні хатини, ні родини; на степу широкімъ, безрідному сироті у-двое важче его сирітство. Поглянувъ Микола округи, поглянувъ на село, де звіковавъ вікъ свій молодий, на хатки знакомі, на садки вишневі, и гірко, гірко заплакавъ.

VII.

Минуло годівъ десять, чи й лучче. У дворі старого Дуброви господарюе писаръ Калюжний,—и двіръ не той зробився: те повалене, друге похилене, наче й хазяіна у дворі немае. Оженившись, писаръ спершу потроху, а потімъ и геть, ставъ пить. Старий було часто благае зятя: »покинь, сину, писарувати: писарство цее до добра не доведе!« Зять би, може, й послухавъ, коли жъ стара́... тій панство, да шаноба людьска на умі. За животи старого ще й туди-сюди було, а якъ умеръ, пішло по-паньскій. Наведе було зять день у день гостей: щобъ и те було, щобъ и друге було, а де его взяти—ему и горенька мало. Годівъ черезъ шість и старій вічну́ памьять заспівали: старий ранше Богу душу оддавъ. Зосталась на господарстві Христина съ чоловікомъ, и дітками Богъ благословивъ; а тутъ—и те треба и другого нема, а хазяйство зъ недогляду небагато давало. Чоловікъ зъ ранку до вечора у росправі, а въ вечері хочъ и тутъ, дакъ же такий, що ні любові одъ его, ні совіту, ні слова ласкавого. Кинетця було Христина по хазяйству сама, дакъ щожъ? одна голова за все... друге—діти дрібниі, и коло ихъ треба, а чоловікъ не звикъ, бачъ, до мужицького діла. Нема чого,—думати довго не буде,—пивку по боку.

Сидить такъ разъ Христина у хаті, сумуе, латаючи сорочечки дітямъ. »Господи, каже, чи не лихо яке ще крадетця до мене! на серці мовъ гадина вьетця...» коли сусідка на двері: »Христино, серце, лишенько твоій головоньці!..« Христина такъ и обмертвіла. »Везуть твого чоловіка у турму, вже въ путо закований.» И нестямилась Христина, якъ прибігла до росправи. Благае, плаче: »не можно, каже становий, начальство велить. Твій чоловікъ, голубко, фалшиві пашпорти постачавъ, да и суми *обчеськоі* недоста́ча.« Чого вже

ни робила сердешна, щобъ якъ-небудь одзволить чоловіка, худобу ростратила, здоровья занапастила, а чоловікъ все-таки пішовъ туди, де козамъ роги правлять.

Зосталась молодиця, якъ тамъ у пісні співають: ні солдацькою жоною, ні мужнёю удовою — бодай нікому хрещеному такъ не зоставатись!...

У годъ такъ, чи въ два, ишли москалі черезъ наше село, становилися на ночліги. Кому треба іхъ, кому й нетреба, усюди налізло. Ви, може, бачили коли, якъ поведуть іхъ по селу по кватеряхъ?— кумедія! Кожний такъ и дивитця, дé більши хаті, або двіръ, туди прямуе, а того й не зна бідолаха, що зъ великого двора часомъ и миши повтікали. Коло Дубровиного двору трохи небились, кажуть, думка-то: «оттутъ можна и питеньнямъ и іденьнямъ підживитись« — о бодай васъ! »бувъ квасъ, якъ кажуть, та небуло васъ, а настало квасило, дакъ и васъ розносило!«

Переночували, пішли. — Подивись, мамо, що це таке? — каже старша дочка Христині, подавши рéмінний гаманець.

— Де ти взяла, доню?

— Мету хату, коли лежить підъ лавкою, де москаль ночувавъ.

— Положи жъ, — каже, — підъ горщокъ, на полицю: вернетця москаль — оддаси. Не бійся, вінъ не битиме.

— Вінъ не сердитий, мамо. Учора вибігла я зъ хати, а москаль сидить на призьбі — злякалась такъ! — а вінъ до мене: »не бійся, каже, дитино, не бійсь,« та до мене; узявъ за руку, пита: де твій батько, де мати. Батька, кажу, на Сибіръ задали, а мати въ кімнаті лежять — нездужають. И про діда питавъ, да такий ласкавий, мамо, такъ усе любо дивитця мині въ вічи.

— Добра якась людина, спасибі ему; и вечеряти не дали, а вінъ и слова поганого не сказавъ.

— А сёгодні, мамо, раненько, ми дивимось зъ печи черезъ комінъ, що то москаль робитиме, а москаль дивитця черезъ щілочку въ кімнату, де ви лежите, довго дививсь, потімъ ставъ Богу молитись, а слёзи ему такъ и ринуть зъ очей. Може й москалеві, мамо, жалко стало, що ви нездужаете.

Вже й півдня—нема москаля; день, два—нема. «Подай мині, доню, той гаманъ, що москаль забувъ,» каже Христина: що воно таке?« Розвязала—гроши, перелічила—сто рублівъ. Чудно Христині, що така велика сума, а москаля немае; тиждень и другий — нема.

Візьме Христина гаманъ у руки, дивитця-дивитця.... де вона ёго бачила?..

— Чи ти бъ угадала, доню, того москаля, що бувъ у насъ на кватері?

— Угадала бъ, мамо. Високий, чорнявий, вуси такі великі.

— А на виду, нічого въ его немае?

— Нічого нема — на лівій щоці значокъ такъ невеличкий, чогось.

Здихнула Христина, тяжко здихнула. »Мамо, мамо, каже, прости тобі Боже, на тімъ світі, за мою и за ёго нещасливу долю!«

Съ того часу Христина все ніби дожидала кого. Вечіръ зайде— Христина повкладае більшихъ спати, а сама за ворота зъ малою дитиною. Було и геть и геть мисяченько підійметця въ-гору, а Христина усе сидить за ворітьми да въ кінець юлиці поглядае. А про москаля більшъ и чутки не було.

П. Кузьменко.

Писано 1861 р.
въ Понорниці.

АНТІНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ТАНСЬКІЙ.

(Легенда).

Давно се діялось, ще тогді, якъ гетьмани заправляли Україною, живъ на Вкраіни славний лицарь, вельможний панъ, полковникъ кіевскій, Антінъ Михайловичъ Танській. Багато було у ёго людей и худоби; багато земель, селъ и хуторівъ подарувавъ ёму царь Петро; багато накуповавъ Танській, узявши за жінкою, Параскою Паліівною, посаху дві куфи польского золота и срібла, а ще більшъ однявъ вінъ, гвалтомъ, одъ убогихъ козаківъ и посполитихъ.

Знали и поважали Танського въ Україні и Польщі; ходила чутка про ёго щедрість и прихільність до ври православноі и по далекихъ земляхъ турецькихъ, де ворогъ Христа мордуе христіянина.

Частенько відтіля, зъ обителей сербськихъ и болгарськихъ, а найбільшъ зъ гори Ахвонськоі, приіздили до насъ, на Украіну, чеиьц и ніколи не вертались додому безъ багатіхъ дарівъ; щедро наділявъ побожний украінець своіхъ безталанніхъ братівъ. Чи мало попередававъ и Танській грошей и подарунківъ на Ахвонську гору; имья ёго поминалось тамъ міжъ *строителями и благотворителями храма сёго.*

Разъ, якось, велика халепа постигла Ахвонську обйтель. Ватага навіженихъ бісурманівъ поруйновала церкви, пообдірала ризи зъ иконъ и забрала церковний скарбъ. Чеиьці поховались по горахъ, да байракахъ, а якъ одійшли вороги, зібрались на руінахъ плакати, да сумовати.

«Не журітця, діти,» почавъ сивий якъ голубъ игуменъ: «отчаяние—великий гріхъ! Се намъ за наши гріхи пòславъ Господь; не плачте, бо ще живуть въ Москòвщині и Україні божі души,—вони посóблять намъ и, може, коли божа милость, зновъ во славу ёго одправ-

лятимемъ службу на нашій святій горі». Благословивъ вінъ трохъ ченцівъ и послався ихъ у Мòскву и на Вкраіну.

Холонуло серце земляківъ нашихъ, слухаючи оповідання ченцівъ. Останній шелягъ давала имъ бідна удова; повною жменею сипавъ вельможний панъ золото у чернечи капшуки; церкви и манастирі давали свої сосуди; Антінъ Танський подарувавъ барило червінцівъ. У ёго ховали мнихи свій скарбъ и зновъ росходились, щобъ зібрати щé більше. Дивовався Танський, дивлючись на те золото: «уся моя худоба», думавъ вінъ, «не винесе проти сёго». Заздрість и скнарість дерли ёго за серце.... Отъ, привезли ченьці и остатні гроши, щобъ зібрати усе до куши и у раньці рýшити за гряницю. Підійшовъ Танський підъ благословение и привітавъ ихъ, якъ дорогихъ гостей.

Настала нічъ. Позасинáли ченьці, а Танський не спить: ходить и ходить вінъ по світлиці и думае тяжку думу. Перéдъ світомъ кличе вінъ до себе слугъ своіхъ, братівъ Петра да Семена Недовірківъ и Матвія Скарбовського.

«Здорові були, вірні мої слуги,» — озвався до іхъ панъ, да наче не своімъ голосомъ. «У раньці поідете ви у слідъ за ченьцями; велика филя на Дніпрі, часомъ потоплятця; дивітця-жъ, щобъ були цілі іхъ грошí. Молитимемось за іхъ души, а гроші отдасте міні!»

Знае Танський кому й казати такі рéчи. Обидва братú—перехрèщені Татаре, а Скарбовський—недоляшокъ; служивъ вінъ, колись, у гетьмана Потоцького, якъ той ходивъ підъ Хвастівъ, укравъ у его гроші, утікъ до Палія, и переказавъ ему дé стоять Ляхи. Неспóдівано напавъ Палій на Ляхівъ и вирубавъ ихъ у пень, а Скарбовського при собі зоставивъ.

—Добре, пане! — одказали слуги.

«Якъ буде усе гараздъ,» каже Танський,—«зроблю васъ сотникáми и кожному подарую по хутору».

Поіхали у-раньці ченьці; поіхали за ними и кати іхъ; наздогнали іхъ коло Дніпра, повязали імъ руки, та й укинули зъ кручи у воду; забрали гроші и привезли до Танського. Справдивъ Танський свое слово: зробивъ ихъ сотникáми, подарувавъ маетности, да й стявъ імъ голови у поході, буцімъ-то за зраду.

Думавъ Танський, що й не дознаютця люде, дè досягъ вінъ таку силу грошей, одначе Бігъ не попустивъ. Потонули два ченьці, а

третій бувъ чоловікъ великої сили, порвавъ вінъ вервечки и перепливъ Дніпро. Довго, безъ грошей и хліба, блукавъ вінъ по чужіхъ земляхъ, поки дійшовъ до Ахвонської гори и розсказавъ, якъ що було.

Самъ игуменъ поіхавъ на Вкраіну.

Прійздить вінъ до Танського, та й почавъ на самоті корити ёго: Душегубче! татю! занапастивъ ти еси души христіянскі, проливъ кровъ неповинну, обокравъ церкву Божу. Покайся ще поки часъ! Оддай тні гроши, що втаівъ, та йди служити Богу:—може вінъ ще помилуе тебе.

«Які гроши?» питае Танській: «одкаснись, божевільний старче.»

Тяжко заплакавъ старий игуменъ,—бачить вінъ, що діяволъ опановавъ душею Танського:—Оддай хочъ половину, коли не хочешъ покаятись. Оддай хочъ сосуди церковні!»

«Не дамъ тобі нічого, бо нема у мене ні грошей, ни сосудівъ вашихъ,» одказавъ ёму Танській.

Перехрестився старий игуменъ, та й одійшовъ собі. Ставъ на високій могилі и принародно наложивъ на Танського таку клятву:

— За те, що Антінъ Танській занапастивъ неповинні души, втаівъ церковні гроші, земля ёго неприйматиме; добро ёго придбане неправдою, счезне, *яко воскъ отъ лица огня*, перейде нкъ чужимъ людямъ, и рідъ ёго нанівічъ зведетця.

Сумно стало людямъ, якъ почули такі речи; одинъ тільки Танській не йме імъ віри, пье, бенкетуе, и дере людей ще горій. Такъ и вмеръ, не покаявшись.

Поховали ёго сини; ще не вспіли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніе, якъ изъ домовини вилазить старий полковникъ: борода по поясъ, очи палають пекельнымъ огнемъ, зъ рота поломья сапле, права рука на серці, въ лівій перначь держитъ и ходить ажъ поки півні не заспівають, а тоді застогне такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ ляговитця въ домовину.

Думали-гадали сини, що імъ робити,—бачуть, що правду казавъ пророкъ-игуменъ. Позвали печерського архимандрита, роскопали могилу, ажъ лежить старий Танській, неначе живий,—тільки борода одросла и кігті повиростали. Узяли сини осиковий кілъ и пробили Танського

наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ заклятте, щобъ не виходивъ більшъ изъ домовини.

И теперъ старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ, опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку.

Митро Олелькович.

СНИ.

Стоіть сосна одинока
На голій вершині
И, подъ снігомъ, на півночі,
Снитця сиротині
Все полудень ясний, теплий,
Долина глибока,
Та джерела живучиі,
Та пальма висока.

Ст. Руданській.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

II.

До пріѣзда матушки, я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи; за исключеніемъ Григоровича, я не видѣлъ никого изъ сосѣдей, не имѣя самъ охоты ѣздить съ визитами. Но какъ только возвратилась матушка, все пошло иначе. На другой же день, за обѣдомъ, у насъ сидѣло человѣкъ пятнадцать. Я не былъ знакомъ рѣшительно ни съ однимъ изъ гостей, и мнѣ предстояла тяжелая необходимость выдержать напоръ всевозможныхъ любезностей, на которыя я не зналъ что́ отвѣчать. Я принялъ за-благо отмалчиваться, и оставался нѣмъ какъ рыба. Какой-то господинъ, очень толстый, должно быть, служившій когда-то въ военной службѣ, схватилъ меня въ свои мощныя объятія, изцѣловалъ все мое лицо, и объявилъ, что я — рѣдкій мужчина, что́, по его словамъ, было ужъ очевидно и тогда, когда я еще находился на рукахъ няни. Тутъ же, въ видѣ комплимента, толстякъ прибавилъ, что такая дама, какъ моя матушка, неиначе могла разрѣшиться отъ бремени, какъ молодцомъ-мужчиной или красавицей-дочерью. Вопросамъ не было конца: нѣкоторые по молодости моей, приводили меня въ сильное смущеніе. Всего непріятнѣе показались мнѣ распросы о видахъ, какіе я имѣю относительно моей будущности, намѣренъ ли я вступить въ службу, или жить въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ?, предпочту ли я военную службу гражданской, или наоборотъ? и если я не буду служить, то думаю ли вскорѣ жениться, или расчитываю еще пожить на волѣ, не заводясь своимъ домкомъ?—А впрочемъ, (прибавляли,) если жениться, то за этимъ дѣло у насъ не станетъ: сто́итъ не то́—сказать, а подумать, и невѣсты налетятъ какъ вороны на падаль, —замѣтилъ сидѣвшій противъ меня господинъ, съ огромными претензіями на остроуміе.

Барышни, слышавшія это, сильно краснѣли и опускали очи долу, почти за каждымъ словомъ. Тяжелъ былъ для меня этотъ день,—безжалостно разбивала каждая его минута, одинъ за другимъ, идеалы, которые еще носились въ моемъ воображеніи. Увы! не было никакого подобія между тѣми лицами, которыя торчали передъ моими глазами, и тѣми козаками, которые такъ плѣняли меня когда-то. Вмѣсто открытыхъ, добродушныхъ и, въ то же время, мужественныхъ людей, о которыхъ сохранилась память въ народныхъ преданіяхъ, я очутился въ толпѣ жалкихъ ихъ потомковъ съ лицами — или высушенными до-нельзя, или же толстыми, расплывшимися до возбужденія въ свѣжемъ человѣкѣ тошноты. Заспанныя, испитыя, фіолетоваго цвѣта, съ выраженіемъ или лукавства и готовности на всякую мерзость, или же съ выраженіемъ лѣни, тупоумія, плотоугодія,—люди эти, если не возбуждали противъ себя негодованія и злобы, то ужъ непремѣнно заставляли отвернуться и грустно задуматься. Все это собраніе толковало о чинахъ, объ орденахъ, о наградахъ и штрафахъ, объ обѣдахъ, ужинахъ, карточной игрѣ, водкѣ, женщинахъ—въ ихъ смыслѣ, и т. п.

Все это были или чиновники, недумавшіе, впрочемъ, нисколько о службѣ, а расчитывавшіе только на выгодныя дѣла, или помѣщики, изъ отставныхъ, уже ровно ни о чемъ недумавшіе, толковавшіе вѣчно о пулькахъ да о роберахъ, погрузившіеся окончательно въ ѣду и питье, предоставившіе управленіе своими имѣніями мошенникамъ-прикащикамъ, умѣвшимъ побольше сдрать съ крестьянъ, неимѣвшіе ни-малѣйшаго понятія о правильномъ хозяйствѣ, непривыкшіе мыслить о чемъ-либо дѣльномъ, дѣйствовавшіе по какому-то особому вдохновенію, нападавшему на нихъ за зеленымъ столомъ, или за жирнымъ обѣдомъ. Между гостей, бывшихъ тогда у матушки, я замѣтилъ одного только человѣка, непричастнаго, повидимому, къ этой шайкѣ. Но онъ, по-большей-части, молчалъ, мало вмѣшивался въ разговоръ, и на разныя выходки, относившіяся къ нему, какъ усердному любителю женскаго общества, отвѣчалъ коротко или не отвѣчалъ вовсе. Объ немъ я разскажу послѣ.

Меня непріятно удивляло равнодушіе, съ какимъ матушка выслушивала всѣ пошлости, говорившіяся безъ-умолку. Она охотно смѣялась, охотно поддакивала гостямъ, когда они обращались ко мнѣ, и разсказала сама нѣсколько случаевъ изъ моей жизни, которые, по ея мнѣнію, могли возвысить меня въ глазахъ собравшейся публики.

Когда кончился обѣдъ, и до-отвала накушавшіеся гости встали изъ-

за стола, матушка поручила мнѣ *занять* мужчинъ, ушедшихъ на другую половину. *Занять* значило позаботиться о томъ, чтобъ они поскорѣе усѣлись за карты. Обрадовавшись этому обстоятельству, я расчитывалъ уйти къ себѣ и нѣсколько отдохнуть отъ той тяжести, которую чувствовалъ послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ, обычаямъ и привычкамъ котораго я былъ чуждъ. Два столика вскорѣ раскрылись. Вмѣстѣ съ картами и мѣломъ, поставили по двѣ бутылки наливки на каждомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, сквозь дымъ, поднявшійся отъ 8 трубокъ, въ комнатѣ ничего не было видно, и только неистовые возгласы игравшихъ, отъ времени до времени, оглашали комнаты. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ половины гостей, я поспѣшилъ убраться въ свою комнату. Но не тутъ-то было. Сперва явилось ко мнѣ два господина, неимѣвшіе партіи, и, извинясь, что обезпокоили меня, попросили позволенія маленько соснуть. Я провелъ ихъ въ другую комнату, и заперъ за ними дверь.

— Ну, слава Богу!—подумалъ я: —теперь, кажется, всѣ имѣютъ дѣло, и оставятъ меня въ покоѣ.—Но я ошибся: снова позвали меня *къ гостямъ*, именемъ матушки. Нечего было дѣлать, — пошелъ я. Войдя въ гостиную, я засталъ довольно интересную сцену: одна изъ посѣтительницъ, стоя посреди комнаты, выкидывала какія-то отчаянныя *па́*, работая ногами съ замѣчательною для ея лѣтъ быстротою и ловкостью. Я остановился у двери и вполнѣ могъ налюбоваться и граціей почтенной дамы, и множествомъ наверченныхъ на нее грязныхъ юбокъ, и непривлекательными ногами. Зрѣлище этого рода было для меня совершенно ново; присутствовавшія поощряли актрису усерднымъ смѣхомъ; я не зналъ что́ мнѣ дѣлать, и нужно ли было мнѣ тутъ тутъ остаться или уйти. По окончаніи танца, нѣсколько похожаго на качучу, мнѣ объяснили, что эта дѣвица (я, по незнанію, судя по лѣтамъ, принялъ ее сначала за даму,) представляла, ка́къ на послѣднемъ балѣ танцовала одна знакомая. Нѣсколько голосовъ, когда общій смѣхъ немного утихъ, подтвердили, что Катенька, (помянутую танцовщицу звали Катей, хотя она имѣла полное право обидѣться этимъ уменьшительнымъ и потребовать, чтобы ее звали, прилично ея лѣтамъ, полнымъ именемъ) подтвердили, что Катенька необыкновенно-вѣрно представляла какую-то даму, и что развѣ только ноги подымала нѣсколько выше, чѣмъ того требовала строгая истина.

На столѣ, между тѣмъ, явился обильный десертъ. Чего тутъ не было! чѣмъ-то гомерическимъ дышалъ этотъ десертъ. На огромнѣйшемъ

подносѣ, который съ трудомъ можно было обнять обѣими руками, наставлено было такое множество сухихъ и жидкихъ вареній и другихъ сластей, что городскому жителю поглощеніе всѣхъ этихъ яствъ казалось рѣшительно невозможнымъ. Тарелки, тарелочки, блюдечки, корзиночки были наполнены варенъями, по крайней мѣрѣ, пяти сортовъ, сахарными и медовыми, фруктами свѣжими, засушенными, и засахаренными изумительно-вкуснымъ образомъ; разнаго рода ягоды, красивыми горками, были разложены на мисочкахъ изображавшихъ виноградные листья; орѣхи всѣхъ странъ также занимали тутъ не послѣднее мѣсто.

По приглашенію матушки, все женское общество разомъ поднялось съ мѣстъ, и прекрасныя посѣтительницы обступили столъ неприступной стѣною. Барышни съ особеннымъ усердіемъ хватились за орѣхи и тѣ части десерта, которыя можно было положить въ карманы и кушать, потомъ, расхаживая въ саду и по комнатѣ, Оживленный разговоръ, между-тѣмъ, не прекращался ни на минуту. Дамы были необыкновенно–бойки на языкъ, говорили почти всѣ разомъ, пересыпая свой разговоръ дружнымъ смѣхомъ. Дѣвица Катенька оказалась не менѣе искусною въ діалектикѣ, какъ и въ хореграфическомъ искусствѣ. Эта особа, вообще, была одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего уѣзда и играла въ немъ довольно важную роль. Кто не желалъ испортить свою карьеру въ уѣздномъ кругу, тому необходимо было состоять съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; кто попадалъ къ ней въ немилость, для того все погибло! Живость природнаго ума, краснорѣчіе и насмѣшки Катерины Петровны, умѣвшей подмѣчать въ своей жертвѣ малѣйшіе недостатки и слабости, скоро повергали ее во прахъ какъ бы ни былъ высокъ пьедесталъ ея, и все общество, въ-особенности—женщины, лгало предъ этимъ цензоромъ въ юбкѣ, показывая своему бичу живѣйшую дружбу.

Послѣ десерта матушка поручила мнѣ проводить въ садъ трехъ миленькихъ барышень. Я и смутился и отчасти обрадовался этому порученію: свѣжій воздухъ былъ очень кстати послѣ комнатной духоты и шума въ гостиной. Двѣ изъ трехъ дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ были очень миловидныя брюнетки; онѣ были бы еще милѣе, еслибъ ихъ не научили жеманству. Гуляли мы довольно долго. Я, подъ-вечеръ, сталъ развязнѣе и былъ *любезенъ*. Мои шутки не разъ заставляли барышень смѣяться отъ души; онѣ скоро освоились со мной до-того, что одна изъ нихъ, посмѣлѣе, назвала меня даже шалуномъ и спросила, не *сочиняю* ли я стихозъ. Я отвѣчалъ утвердительно.

Это ихъ очень заняло; и кончилось тѣмъ, что съ меня взяли слово пріѣхать къ нимъ, и написать что-нибудь *на память*, но при этомъ, одна изъявила опасеніе, чтобъ я не сочинилъ на нихъ критики. Впрочемъ, я разсѣялъ эти опасенія, увѣривъ ихъ, что воспѣваю только одни достоинства прекраснаго пола и смотрю очень снисходительно на его недостатки. Уставши порядочно, мы возвратились, наконецъ, въ гостиную, гдѣ, на столѣ, шипѣлъ уже огромный самоваръ. Продолжительная прогулка наша вызвала нѣсколько тонкихъ замѣчаній и намековъ, на которые мы не обратили вниманія; но когда матушка назвала меня *хомякомъ* и изъявила заботу, не скучали ли барышни въ моемъ сообществѣ, то онѣ хоромъ объявили, что совершенно *напротивъ*, что, *напротивъ того*, онѣ провели время очень пріятно, и что, *напротивъ*, онѣ боятся, не скучалъ ли я съ ними. При этомъ, одна нѣжная мамаша нѣжно поцѣловала въ лобъ свою дочь и погладила ее по головкѣ. Безполезно, думаю, говорить, что я, съ своей стороны, объявилъ, какъ пріятна была для меня прогулка.

Чай тянулся нестерпимо долго, такъ-какъ мужчины, все еще игравшіе въ карты, пили по пяти и шести стакановъ. Я прошелъ къ игравшимъ. Дымная атмосфера, попрежнему, густою массою наполняла комнату. Протерши глаза, я наконецъ разсмотрѣлъ, что одинъ столъ уже опустѣлъ и всѣ столпились къ другому, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ и бутылка съ ромомъ. Гигантъ—исправникъ держалъ банкъ; столпившіеся понтеры, медленно вытягивали изъ колоды карты, вскрикивали, по временамъ, *атанде*!, горячились, изрѣдка, довольно выразительно, бранили валета и даже даму, которая, по мнѣнію извѣстнаго остряка, была просто подлая измѣнница. Исправникъ, очевидно, металъ очень-удачно: круглое, лоснящееся лицо его и маленькіе глазки, заплывшіе жиромъ, блистали довольствомъ, а физіономіи понтеровъ, напротивъ, были надуты и сумрачны. Григоровичъ, также явившійся вечеромъ,—сидѣлъ у стола съ взъерошенными волосами, раскраснѣвшійся, но съ тою же неподвижностью мускуловъ въ лицѣ, судорожно выдергивалъ карты, ставилъ, снималъ со стола и рвалъ, приговаривая только: «туды къ чорту!» Стрянчій, бывшій тутъ, хотя и не принималъ участія въ игрѣ, но сочувствовалъ исправнику; онъ усердно слѣдилъ за картами, засунувъ два пальца въ ротъ и одобрительно качалъ головой всякій разъ, когда брала карта исправничья.

Въ полночь, начали приготовлять къ ужину. Въ часъ сѣли за столъ. Ужинъ отличался отъ обѣда рѣзко видомъ кушаньевъ, но

не количествомъ. Ѣли и пили столько же, но разговоры были нѣсколько другіе: вниманіе сосредоточивалось на огромномъ выигрышѣ исправника, простиравшемся до 400 р. Исправницу это очень обрадовало; она не могла скрыть своего удовольствія и безпрестанно шепталась съ дочерьми, сидѣвшими около нея, вѣроятно— о новыхъ бурнусахъ, платьяхъ или шляпкахъ, на которыя теперь можно было расчитывать. Къ концу ужина лошади стояли уже у крыльца; начали прощаться, и эта церемонія братской нѣжности тянулась не менѣе получасу. Съ дамами я вѣжливо раскланялся, а барышнямъ, съ которыми гулялъ, подалъ руку; мнѣ отвѣтили дружескимъ двукратнымъ пожатіемъ. «Браво!» подумалъ я: «вотъ что значитъ быть *сочинителемъ*!..» — — —

На другой день я проснулся съ головной болью отъ вчерашняго дыма, пустаго говора и суеты, произведенной въ нашемъ домѣ наѣздомъ гостей. Мнѣ стало грустно. То было первое мое знакомство съ обществомъ, посреди котораго я долженъ былъ провесть годъ, два, а можетъ–быть, и больше, смотря по обстоятельствамъ. Передъ глазами у меня носились еще образы вчерашнихъ посѣтителей, въ ушахъ раздавались неистовые возгласы за картами, вскрикиванья и хохотъ дамъ за десертомъ; 40 лѣтняя Катенька еще плясала передо мной качучу, и воображеніе вытягивало безконечную цѣпь дней, которые приходилось мнѣ проводить такимъ безобразнымъ образомъ. Вотъ во что разрѣшились мои мечтанія, вся таинственность и призрачность, такъ долго тревожившія мое воображеніе! Какое безотрадное разочарованіе! какая жалкая дѣйствительность! Что тутъ было дѣлать? Спокойно отказаться отъ идеаловъ и благоразумно примириться съ фактомъ несомѣннымъ и неизбѣжнымъ? Но это было слишкомъ тяжело, это было выше силъ монхъ; для этого нужно было отречься отъ вѣрованія во что–то лучшее, безъ чего, казалось, невозможна для меня и самая жизнь. Я готовъ былъ обвинять самого–себя, свою нетерпимость, непроницательность, и рѣшился употребить всѣ старанія, чтобъ отыскать на родинѣ ту прелесть, которая такъ недавно еще меня плѣняла. Я видѣлъ до-сихъ-поръ одно неестественное, болѣзненное; я долженъ найти народный поэтическій первообразъ во всей его чистотѣ, и посредствомъ его — примиреніе со зломъ неизбѣжнымъ, но временнымъ. Съ помощью такихъ разсужденій, мнѣ удалось убаюкать себя и повеселѣть.

Поспѣшивъ одѣться, я вышелъ въ садъ. Чудный воздухъ и безд-

на ягодъ, на которыя я напалъ съ ожесточеніемъ, подѣйствовали на меня еще успокоительнѣе. Еще было рано, но матушка уже хлопотала въ саду около варенья. Ласково встрѣтивъ меня, она съ любовью поглядѣла на свое сокровище, (такъ она меня называла), нѣжно поцѣловала въ лобъ и предложила остаться съ нею. Я усѣлся на травѣ у ея ногъ и разговаривая съ матушкой, сталъ наблюдать за шипящимъ въ тазикѣ сиропомъ и дрожащимъ надъ жаровней воздухомъ. Неизмѣнный Ондрій, въ фартукѣ, съ полотенцемъ на лѣвой рукѣ и съ большой серебряной ложкой въ правой, выставивъ немного впередъ одну ногу, стоялъ поодаль и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ, изъподъ густо-нависшихъ своихъ бровей, за вареньемъ. Когда накипавшая пѣна густо затягивала варенье, онъ, медленно прикасаясь къ ней внѣшней стороной ложки, снималъ ее и собиралъ въ блюдечко; иногда подносилъ онъ тазикъ къ матушкѣ, которая дѣлала какое-нибудь замѣчаніе, впрочемъ, всегда несогласное съ мнѣніемъ Ондрія, обыкновенно одерживавшаго верхъ, въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Все было тихо кругомъ; солнце подымалось выше; птички начинали стихать,—только иволги живо и сладострастно перекликались въ рощѣ и *вишнякъ*, да дятелъ изрѣдка долбилъ дерево. Но вотъ, жаръ усилился,—припекло. Ондрій обтеръ полой сюртука потъ, проступившій на его лысинѣ, отдулся и отошелъ дальше, въ тѣнь.

— Ты бъ, Ондрій, снялъ сюртукъ,—сказала матушка.

Ондрій ничего не отвѣчалъ, пошевелилъ ложкой и остался какъ былъ.

Мухи, осы и шершни неотвязно кружились возлѣ варенья. Ондрій назвалъ ихъ *шельмовскими*, но потихоньку, безъ малѣйшей злобы. Все располагало къ лѣни и миру. Вдругъ трещетка, которою садовникъ пугалъ птицъ, объѣдавшихъ ягоды, затрещала такъ громко и неожиданно, что мы вздрогнули. Вдали *заковала* кукушка. Ондрій насчиталъ 5 разъ, и вздохнулъ: и ему было жаль разставаться съ жизнью.

— Жарко! — сказала матушка, махая платкомъ. Я мысленно согласился съ нею, но не сказалъ ни слова: хорошо было сидѣть и молчать, подъ лучами жаркаго солнца.

Наконецъ Ондрій снялъ тазикъ съ жаровни, помѣшалъ варенье ложкой, и объявилъ, что уже сварилось.

— Слава Богу!—замѣтила матушка. Пойдемъ въ комнаты,—обратилась она ко мнѣ.

— А больше не будемъ варить?—спросилъ Ондрій.

— Богъ съ нимъ,—отвѣчала матушка.

— А крыжовникъ надо бы приварить,—отозвался опять Ондрій.

— Охъ, нѣтъ, жарко,—сказала матушка.—Вари самъ, коли хочешь, а я пойду. Пойдемъ.

Мы встали и пошли; Ондрій остался, довольный тѣмъ, что его мнѣніе уважено. Я не замѣтилъ, какъ во мнѣ все улеглось, усмирилось, и въ эту минуту не понималъ, какъ я могъ до такой степени сердиться и огорчаться. Я былъ, казалось, всѣмъ доволенъ: мнѣ было такъ хорошо! Впечатлѣніе этого утра осталось во мнѣ навсегда. А что́ собственно въ немъ было хорошаго, трудно объяснить себѣ, а еще труднѣе разсказать. Этому хорошему, но невыразимому, я думаю, все отдается безотчетно и безсознательно. Въ такія минуты только чувствуется, а ни о чемъ не думается. Это что-то неуловимое, легкое какъ дымъ. Оно отлетаетъ отъ насъ незамѣтно, безвозвратно, и нѣтъ возможности удержать его.

Но подходя къ дому, я чувствовалъ, что съ каждымъ шагомъ теряю частицу прежнихъ ощущеній; упоеніе проходило; комнаты и запахъ пироговъ приготовленныхъ намъ на завтракъ, напомнили мнѣ вчерашнихъ гостей и всю прозу дѣйствительности, которая и не замедлила показать себя.

Только-что приступилъ я къ завтраку, какъ пріѣхалъ гость. Это былъ господинъ довольно толстый, большаго роста, съ красными, дрожащими щеками и съ носомъ, напоминавшимъ огурецъ, подъ которымъ разрослись огромные чорные усы, слегка помѣченные сѣдиною. Одѣтъ онъ былъ неопрятно и даже грязно. Ходилъ онъ точно опасаясь, чтобъ подъ нимъ не подломилась земля. Въ лѣвой рукѣ у него былъ длинный чубукъ и шолковый, офицерскій, кисетъ.

Гость этотъ — никто иной, какъ тотъ самый острякъ, съ которымъ я познакомился на-канунѣ, по имени — Ардаліонъ Карповичъ, по фамиліи—Росоха. Говорилъ Росоха плавно и, по его мнѣнію, краснорѣчиво; то и другое качество пріобрѣтены имъ вслѣдствіе постояннаго упражненія, ибо молчитъ онъ тогда, когда спитъ, или такъ пьянъ, что не поворотитъ языкомъ. Послѣднее случается не рѣдко. Какую роль играетъ онъ въ обществѣ Гнильскаго уѣзда, (нашъ уѣздный городъ называется Гнилымъ), опредѣлить это довольно трудно.

Ардаліонъ Карповичъ имѣлъ, когда–то, очень хорошее состояніе и служилъ въ кавалерійскомъ полку. Ему теперь лѣтъ за пятьдесятъ; слѣдовательно, молодымъ былъ онъ давно. Любилъ онъ жить *хорошо*, чему доказательствомъ служитъ, между прочимъ, и то́, что

имѣніе его, въ сосѣдней губерніи, пришло въ такой жалкій видъ, что онъ даже и не жилъ въ немъ, а переѣхалъ въ нашу губернію и поселился въ нашемъ городѣ, у одной сорокалѣтней вдовы — пріятельки. Молодость свою Росоха провелъ очень бурно. Умный, ловкій порядочно, по тогдашнему, образованный, онъ пользовался репутаціею прекраснаго молодаго человѣка и, что́ еще лучше, выгоднаго жениха. Женатъ, впрочемъ, никогда не былъ, хотя дѣлалъ невѣроятныя побѣды надъ нѣжными женскими сердцами. Дрался раза три, на дуэли, съ оскорбленными мужьями, и наводилъ такой страхъ на маменекъ, что, говорятъ, онѣ запрещали дочерямъ произносить его имя, хотя сами вели нескончаемые переговоры, черезъ ловкихъ дамъ, насчетъ брака. Но, благодаря его изобрѣтательной, дерзкой натурѣ, ему весело жилось и безъ жены. Украсть изъ пансіона, разомъ, нѣсколько пансіонерокъ было для него дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Безъ приключеній онъ не могъ жить. Женщины, карты, вино, а въ промежуткахъ, ѣзда на жидахъ, изъ одной деревни въ другую, — это называлъ Ардаліонъ Карповичъ *жизнью*. Молодыя дамы, къ полному отчаянію мужей, были отъ него безъ ума и, ради его, готовы на всевозможныя жертвы. Одинъ разъ, когда варварамъ—мужьямъ удалось засадить Арадльола Карповича на гауптвахту, дамы цѣлымъ соборомъ явились къ полковнику просить о помилованіи ихъ идола. Полковникъ помиловалъ, выпустилъ Росоху, а онъ, вмѣсто благодарности, исчезъ куда–то на нѣсколько дней, и явился въ полковую квартиру съ какой–то женщиной, которую долго скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ. Стали даже поговаривать, что онъ женился на ней. Но Росоха былъ не таковъ. Однажды задалъ онъ великолѣпную *вечеринку*, на которую созвалъ весь полкъ. Послѣ ужина онъ вывелъ свою любовницу, показалъ ее гостямъ, а на другой день о ней и слуху не было. Это была какая–то княжна, необыкновенная красавица, влюбившаяся въ Росоху дотого, что согласилась бѣжать съ нимъ; когда онъ ее бросилъ, несчастная ушла въ монастырь.

Такъ провелъ молодость Росоха. Между тѣмъ, состояніе его и здоровье разстроились. Забравшись въ долги по–уши, онъ долженъ былъ продать свои имѣнія одно за другимъ. Безъ денегъ, изжившійся и пресыщенный удовольствіями, онъ вышелъ въ отставку тридцати лѣтъ, но, послѣ буйной военной жизни, деревня ему показалась скучною; онъ началъ пить, продолжая, по временамъ, играть по маленькой. Водка неблагопріятно подѣйствовала на его наружность.

Прежде красивое лицо его обвисло и обрюзгло; подъ глазами явились мѣшочки; самые глаза потеряли блескъ и ту силу взгляда, которыми такъ плѣняли когда-то. Женщины стали отворачиваться отъ него, подсмѣиваться, дѣлать намеки на то, что время побѣдъ его уже прошло. Одна бойкая барыня пошла еще дальше: выслушавъ любовное объясненіе, она назначила ему свиданіе, но, въ бесѣдкѣ, вмѣсто барыни, его встрѣтила ея горничная.

Такая выходка, конечно, взбѣсила его; онъ вздумалъ отомстить, но месть вышла неудачная, плоская.

Его попросили не ѣздить въ домъ, и намекнули на розги. Великолѣпный когда-то Росоха смолчалъ. Видя, что женщины отъ него отступились, онъ попробовалъ пристать къ мужчинамъ. Тутъ сначала ему удалось сдѣлаться героемъ попоекъ, особенно между провинціальною молодежью, смотрѣвшею на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Но и это амплуа занималъ онъ недолго. Анекдоты его и разсказы о своей молодости скоро избились и надоѣли всѣмъ до такой степени, что ихъ перестали слушать и обращались къ нему съ видомъ покровительства. Каждый считалъ долгомъ подшутить на его счетъ; ни тѣни деликатности уже не было въ обращеніи его знакомыхъ. Между тѣмъ, ему стукнуло сорокъ; сѣдина начала пробиваться; кости стали побаливать; незамѣтно подкрадывалась старость. Оглянулся Росоха—состоянія нѣтъ, денегъ — тоже, прежней силы и воли — какъ не бывало; со всѣхъ сторонъ намеки, насмѣшки, грубости; чуть онъ на порогъ, ему тотчасъ предлагаютъ рюмку водки, просятъ, для потѣхи, кувыркнуться, или ногою ухо почесать.

Что оставалось дѣлать? Подумалъ-было Ардаліонъ Карповичъ пулю въ лобъ пустить, но повертѣлъ, повертѣлъ пистолетъ да и спряталъ,—духу не хватило. Запереться въ четырехъ стѣнахъ, никуда не показываться.... но для этого нужно чѣмъ-нибудь заняться, а это было для него труднѣе нежели застрѣлиться... Запилъ Росоха съ горя. Часто уже видѣли его шатающимся, болтающимъ страшную чепуху, и когда онъ завирался, его безъ церемоніи брали подъ руки, уводили изъ гостиной и укладывали спать, подъ присмотромъ прислуги. Это окончательно скрутило Росоху, онъ продалъ что могъ, купилъ что было понеобходимѣе, взялъ съ собой кучера да козачка, и убрался изъ своей губерніи въ нашъ уѣздъ, гдѣ у него были какіе-то родственники. Жилъ онъ нѣсколько времени, переѣзжалъ отъ одного къ другому, а наконецъ познакомился съ Марьей Ивановной, вдовой

титулярнаго совѣтника, сошелся съ нею да и поселился въ ея домѣ, на ея хлѣбахъ.

Такъ-какъ уѣздъ нашъ отличается необыкновенною терпимостью и снисхожденіемъ къ слабостямъ человѣческимъ, то и Росоху приняли радушно. Онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ всякихъ собраній, офиціальныхъ и неофиціальныхъ, другомъ каждаго дома, гдѣ бывалъ, вѣстникомъ всякихъ новостей, общимъ кумомъ, словомъ—получилъ право полнаго гражданина. Вотъ и повеселѣлъ немножко Ардаліонъ Карповичъ, бодрѣе сталъ и разъѣзжаетъ на сѣрой тройкѣ по уѣзду.

Въ этотъ періодъ коловратной жизни, я познакомился съ Росохой.

Ардаліонъ Карповичъ подошелъ къ матушкѣ, поцѣловалъ у ней руку, потомъ поздоровался со мной, и видимо нагруженный малою толикою, усѣлся въ углу, набилъ трубку, высѣкъ огня и закурилъ.

— А что, Ардаліонъ Карповичъ, можетъ быть водочки выпили-бы,—обратилась къ нему матушка.

— *Способенъ*,—отвѣчалъ Росоха.

Принесли водку. Росоха выпилъ, крякнулъ, закусилъ хлѣбомъ, еще выпилъ и крякнулъ, и снова закурилъ трубку.

— Что новенькаго?—спросила матушка.

— Да чтоже можетъ быть новаго, сударыня... ничего. Проигралъ вчера десять цалковыхъ.

— Какъ не стыдно играть,—наставительно замѣтила матушка.

Росоха пустилъ сквозь зубы нѣчто въ родѣ свиста.

— Не могу, сударыня, никакъ не могу. Къ тому же, вчера такой вечеръ вышелъ. Были мы у исправника, а этотъ барабанъ непремѣнно затѣетъ штосъ. Я таки сначала отказывался, да нельзя: пристали дураки: играй, братъ,—почему не играешь?—ну, и игралъ, и проигралъ,—протяжно проговорилъ Ардаліонъ Карповичъ.

— А вы играете, молодой человѣкъ?—обратился онъ ко мнѣ, немного помолчавъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— И прекрасно дѣлаете. А я играю, и водку пью, и буду пить и играть, пока живъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нельзя было и сомнѣваться.

— Вы, вѣдь, въ университетѣ воспитывались?—опять обратился ко мнѣ Росоха.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Знаю, знаю. Были у насъ въ полку и университетскіе—плохіе-съ, я вамъ скажу. У нихъ, тамъ, все какіе-то каламбуры да финтифлюшки, да категоріи, а чтобъ *души*—этого нѣтъ. Все какъ-то имъ неправится, свысока у нихъ все... Понимаемъ мы это.... А *я*, доложу вамъ, человѣкъ съ душой, товарища люблю. Да что! за товарища, бывало, на чорта полѣзу,—да-съ!.. Былъ у насъ поручикъ Ергаковъ — душа — человѣкъ, да дуракъ! Вы думаете, онъ дуракъ былъ? нѣтъ, онъ былъ не дуракъ,—золотая голова, да малый горячій, не умѣлъ держаться. Стоялъ нашъ полкъ въ Польшѣ; это было въ 38 году. Ну, Польки, знаете, бѣдовыя: такихъ брелоковъ пуститъ, такъ подъѣдетъ, что ни рукой, ни ногой. Вотъ, попался мой Ергаковъ къ какой-то пашѣ Юзѣ. Вляпался человѣкъ да, и только! А она злодѣйка, себѣ на умѣ: дай-ка, думаетъ, женю я тебя на себѣ. Хаживала она къ офицерамъ. Меня тогда не было въ полку, въ командировкѣ былъ; пріѣзжаю,—говорятъ: Васька Ергаковъ женится.—На комъ?—«На Юзѣ».—На Юзькѣ?! Когда свадьба?—«Тогда-то». А его эскадронъ стоялъ верстъ за 20. Пошолъ я къ полковнику, отрапортовалъ, выспался да на другой день—туда. Прискакалъ къ нему на квартиру,—спрашиваю у деньщика: гдѣ Василій Петровичъ? «Въ церкви,» говоритъ.—Зачѣмъ?—«Вѣнчаются нынче». Я, сгоряча, далъ ему въ зубы, да въ церковь. Смотрю—эта скотина стоитъ и ожидаетъ невѣсту. Я къ нему:—что ты тутъ дѣлаешь?—«Женюсь», говоритъ. —Женишься? нѣтъ, братъ, шалишь: полковникъ зоветъ, сію минуту велѣлъ ѣхать. Ѣдемъ!—Тотъ, было, туда-сюда: какъ, молъ, можно, сейчасъ невѣста пріѣдетъ.—Не сейчасъ,—говорю ему,—а сію минуту: понимаешь?—За руки его, въ телѣгу и маршъ! Привезъ къ себѣ на квартиру да какъ распекъ, такъ онъ послѣ во всю жизнь былъ благодаренъ... Вотъ это значитъ: товарищъ! человѣкъ, значитъ. А ученыхъ не люблю,—воля ваша...

«Что́же—Юзька?—спросилъ я.

— Юзька, бестія, утѣшилась, и другихъ стала ловить, по прежнему...

Матушка ушла; мы остались вдвоемъ.

— Вы, я знаю, про себя скотиной меня называете, а я вамъ говорю, что я человѣкъ съ душой. Я, вотъ, пойду,—водки еще выпью. Вы скажете: пьяница—какъ вамъ угодно, а у меня сердце есть, душа! Я, вѣдь, книгъ не читаю, не вѣрю имъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ самъ бы сочинялъ, да зачѣмъ?.. не хочу. Я уважаю

вашу матушку, это я всѣмъ скажу; а что я водки выпью, такъ она за это въ претензіи не будетъ. Мы тоже *жили:* да какъ жили! А теперь нѣтъ ничего... все судьба!

Ардаліонъ Карповичъ вышилъ водки и долго еще болталъ въ этомъ же родѣ, пока не позвали обѣдать. Отъ вина онъ отказался, объяснивъ, что вина не пьетъ; зато водку и наливку пилъ такъ усердно, что, вставъ изъ-за стола, не совсѣмъ уже твердо держался на ногахъ.

— Вы думаете, что вы женитесь, такъ и человѣкомъ будете?— ни съ того ни съ сего заговорилъ онъ ко мнѣ.—А я вотъ, не женился и не женюсь никогда... а я—жилъ! Теперь нѣтъ ничего!.. судьба!.. Ну, чтожъ? Пропаду,—а я не обидѣлъ никого... А друзья—подлецы! обманули!.. а обижать все-таки не надо,—Богъ съ ними! Вы думаете, я не любилъ?? Любилъ! и меня любили, и теперь всѣ любятъ; а что я проигралъ десять карбованцевъ—наплевать я на нихъ хочу. Да-съ!.. Прощайте!—также неожиданно заключилъ Ардальонъ Карповичъ, какъ и началъ.

— Куда это вы,—Богъ съ вами!—заговорила матушка.

— Не могу, Анна Ѳедоровна, ей Богу не могу! Прощайте!.... Кума—имянинница.

— Какая кума?

— А высоченская попадья... какъ же, кума! *Дѣтей христивъ, ажъ трохъ,* — объяснилъ Росоха, и уѣхалъ.

Такъ кончился еще одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Малороссіи. Мною овладѣла невыразимая, невыносимая тоска. Я весь былъ проникнутъ тяжелымъ сознаніемъ того, что́ такъ глубоко почувствовано и такъ сильно высказано нашимъ великимъ *Кобзаремъ*:

Україно, Україно!
Оце твої діті,—
Твої квіти молодиі...
и прочая.

Ка—па.

I.

УКРАІНА ДО СИНІВЪ.

(Чи́тано на бенке́ті, данімъ публичне у Полтаві, въ день знесе́ння крепацтва, 19 Лютого 1861-го року.)

Довго Матіръ синівъ своіхъ
Слізми обливала, —
Сёго часу щасливого
Довго дожидала.
Діжда́лася.... Свою Матіръ
Послухайте жъ діти:
«Ту́ю пля́му народнюю
«Ділами зітріте!
«Творіть волю Господнюю:
«Въ добрі спійте, діти!
«Покажіть, що въ Украіні
«Столітня негода
«Не здоліла осквернити
«Правого народа...
«Голі діти, хата бідна,
«Соломьяна стріха,
«Чисте серце, віра въ Бога
«И розмова тиха....
«Не на наше племья ляже
«Со́ромъ тій неволі:
«Діди ваші умірали
«За святую волю;
«Ваша матіръ–Украіна
«Вся огнемъ пала́ла...

«Така доля.... встала кривда
«Й правду затоптала.
«На велику пра́цю, діти!
«Въ далéку дорогу! —
«Те, що снитця, будувати
«Помоливши Богу!
«Те що снитця, колись, може,
«И правдою стане — — —
«А до того... праці, діти,
«Праці дужої й науки
«Украíні треба.
«Зъ Богомъ, діти! хто вíруе
«Той все переможе!
«Учíтеся, крепíтеся,
«'Хай вамъ Богъ поможе.

Полтава, 1861 р.

II.

Въ мене серце до любови,
Біле личко, чорні брови.
Що робила—мати знала,
Въ скриняхъ скарбу припадбала.
И вишневий е садочокъ,
Зъ шістю кри́лами млино́чокъ,
Хата біла, гай у полі —
Не жалкую я на долю!
Вмію голосно співати,
Ту́гу въ серці розганяти;
Мовъ ті зорі — очі сяють,
Коло мене хлопці грають, —
Та нема, нема нікого
Надъ козака молодого:
Вінъ на скарби не вважае, —
Вінъ за те́ мене кохае,
Що у мене чорні брови,
Въ мене серце до любови.

Полтава, 1860 р.

III.

ВЕСНА НА ХУТОРІ.

Потéпліло; сонце сяе,
Травка зеленіе;
Жáйворонокъ вже співае;
Нагідкú й шавлíя,
Чорнобривці и кануперъ
Сходять—божі квіти, —
И гріютця проти сонця
Босéнькиі діти,
И бабуся до унуківъ
Старéнька сміетця;
Надъ малими лáстівочка
На–округú вьетця;
За горóдомъ, на цáрині,
Плигáють ягнята,
По–надъ річкою жовтіють
Малі гусенята;
Міжъ вербами синесенька
Пливе Ворскла – рíчка;
Ось, на лúпині, й гніздечко
Мостить божа птичка;
Гудуть бджóли у садочку,
Чýти пісню зъ поля.....
Такъ, здаетця, що й щастлива
Хліборóба доля;
Такъ здаетця!.... подúвисся —
Якъ въ божому раю,
Такъ–то вéсело и гарно
У нашому краю!

Ой колибъ не тая думка
Серце розривала,
Ой колибъ же оттúхъ пісéнь
Мати не співала, —

Оттúхъ пісень тяжкихъ–тяжкихъ,
Що ажъ серце вьяне, —
Тодí, може бъ, я й повірившъ,
Що правда настане;
Ой колибъ до тебе въ хату,
Мій добрий сусідо,
Не ходила біда люта
Та не гнула діда,
Не сушила молодиці,
Дітóкъ не губила, —
Тоді бъ, може, милий крáю,
Душа не боліла!...

С Нижні Млини. Весною 1861 р.

В. Куликъ.

ОСТАННЯ ВОЛЯ.

Якъ умру я,—на могилі
Вербу посадіте:
Най широко роскинутця
Плакучії віти;
Одрадніше мині буде
Въ самоті лежати,
Буде легше підъ землею
Въ холодочку спати...
Що повіе вітрець теплий,
Вербу заколише,
То й на мене ріднимъ духомъ
Пахнѣ и задише;
И я знову пригадаю
Вірную дружину,
Знову серцемъ привітаю
Рідну Украіну,—
Привітаю, забажаю,
Щобъ и ій щастило,
Щобъ сонечко ії гріло,
И не заходúло....

1861 р.

А. Навроцький.

ОБІДЪ У ВЕДМЕДЯ.

(Байка).

Ведмідь обідъ дававъ;
Зібравъ вінъ не одну рідню свою ведмідівъ:
Кликнувъ и другихъ ще сусідівъ,
Хто тілько въ лісі бувъ, усіхъ вінъ поззивавъ.
Чи то були родини, чи поминки,
А тілько сей обідъ ведмідь задавъ на диво:
Яке було мьясиво!
Якихъ не їли стравъ! и що пили горілки!..
Ведмідь пьяненький бувъ, и дружбу заходивсь
Доказувать гостямъ: співавъ імъ многі літи,
А кончивши обідъ, пішовъ писать мисліти
Й навприсядки пустивсь:
Лисиця, глянувши, сплеснула ажъ лапками:
«Ейбогу молодця! чи бачь, які прудкі!
«Михайло Йвановичъ! Эге! такъ ви такі?
«Якъ той метеличокъ! зъ якими тропаками!
«Небачивши сама, невірилабъ нізащо...»
Тутъ щось у-бікъ ій—торкъ!
Вона оглянулась, ажъ то старий бувъ вовкъ
И каже ій на вухо: «та й брешишъ ти, ледащо!
Який тамъ вінъ прудкий? дробцює—й ноги вкупі,
И тілько гупотить, — товче мовъ просо въ ступі.»
Лисиця вовкові въ одвітъ:
«Брехнею прійдишъ ти ввесь світъ,
А правда що? загинишъ зъ нею!
Не я жъ одна живу брехнею...
Поглянь и на людей: одъ кого есть пожива,
То якъ би не прийшлось—чи дурню, чи мурлу,
А кажуть и ёму велику похвалу...
У світі, куме, се не диво!
Чого жъ би й я брехала въ вічі?
Ведмідю угодить якъ слідъ,
То и вечеряти покличе,
Або іще-разъ на обідъ.»

И. Петровъ.

Августъ 1861 р.
Петербургъ.

ОТВѢТЪ

НА СТАТЬЮ ВСЕВОЛОДА КРЕСТОВСКАГО:

»*Ходатайство Костомарова за Сковороду и Срезневскаго.*«

Несносная манера — обращаться вмѣсто статьи на автора, задѣвать личность вмѣсто мнѣній. Въ VII книжкѣ *Основы* я напечаталъ возраженіе на статью о Сковородѣ, помѣщенную въ *Русскомъ Словѣ*. Кто́ былъ ея авторъ, что́ это за личность, гдѣ онъ служитъ, чѣмъ занимается, что́ прежде дѣлалъ и писалъ, — мнѣ до этого вовсе не было дѣла: я имѣлъ отношеніе къ одной статьѣ и къ *Вс. К—скому*, какъ автору *единственно этой* статьи. Теперь мнѣ возражаютъ, и при этомъ указываютъ на должность, которую я занимаю, на прежнія мои отношенія, называютъ меня даже по имени и отчеству, независимо отъ вопроса о Сковородѣ и о правѣ — оскорблять печатно личности безъ основанія, — что́ было предметомъ моей статьи въ *Основѣ*, — сулятъ мнѣ *старческія украшенія*, — однимъ словомъ, толкуютъ о томъ, что́ къ дѣлу не идетъ вовсе. Мнѣ совсѣмъ нѣтъ охоты, мнѣ совѣстно, г. Крестовскій, толковать печатно о себѣ, а между-тѣмъ я нахожусь въ этой печальной необходимости, потому-что вы взваливаете на меня напраслину и, притомъ, печатаете въ журналѣ, котораго добрымъ мнѣніемъ я не имѣлъ причины не дорожить. Сверхъ-того, вы касаетесь вопросовъ очень важныхъ, какъ-то: сохраненія историческихъ и народныхъ памятниковъ и народности вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ, съ вашею статьею связанъ вопросъ объ оскорбленіи личности въ печати безъ-основанія. По этимъ причинамъ, я считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу вашего »*ходатайства г. Костомарова за Сковороду и Срезневскаго*.«

Въ концѣ своей статьи, г. Крестовскій приводитъ мои слова, которыми я окончилъ свою замѣтку въ *Основѣ*:

«На васъ, г. Вс. К — овскій, возгласы какого-то читателя имѣютъ дѣйствіе холодной души, а на насъ чтеніе вашей рецензіи производитъ дѣйствіе отвратительнаго запаха невѣжества и школьническаго нахальства».

Г. Крестовскій говоритъ:

«Скажите на милость, почтеннѣйшій профессоръ, что́ приходится отвѣчать на эти, пропитанныя тономъ литературно-генеральскаго презрѣнія, слова́ — мнѣ, простому рядовому въ батальонѣ россійской словесности? Одно только: «виноватъ, ваше превосходительство!...»

Это напоминаетъ мнѣ школяра, который ударитъ товарища, а потомъ бѣжитъ жаловаться, что его бьютъ. Да не вы ли, г. Крестовскій, взяли на себя генеральскій тонъ и бездоказательно, не давая никому отчета, бросили взглядъ своего литературно-генеральскаго презрѣнія на г. Срезневскаго? — Что́ касается до моихъ словъ, то они суть слѣдствіе правильнаго умозаключенія. Статьи, гдѣ, безъ всякаго основанія, безъ доказательствъ, оскорбляютъ кого бы то ни было, приличны невѣжеству и школьническому нахальству; статья г. Крестовскаго, не приводя никакихъ основаній и доказательствъ, оскорбляетъ г. Срезневскаго, ergo — она носитъ на себѣ отпечатокъ невѣжества и школьническаго нахальства. Впрочемъ, г. Крестовскому можно отклонить отъ себя этотъ неизбѣжный силлогизмъ, который не мнѣ одному, но и всякому другому читателю, придетъ въ голову: сто́итъ разъяснить, что́ побудило его къ такимъ выходкамъ противъ г. Срезневскаго? Въ настоящей своей статьѣ г. Крестовскій говоритъ мнѣ, что я долженъ былъ справиться съ дѣйствительностью его филологическихъ заслугъ. Мнѣ справляться объ нихъ не предстояло нужды: занимаясь русской исторіей, я безпрестанно нахожусь въ необходимости пользоваться многимъ изъ изданныхъ и объясненныхъ имъ памятниковъ. Другое дѣло — показать, ка́къ важны его заслуги, на-сколько онъ непогрѣшителенъ, въ чемъ ошибался, — но это не было моей цѣлью: я не думалъ ни превозносить, ни порицать г. Срезневскаго; но вы, коль-скоро вздумали бросить въ него комкомъ грязи, должны были подумать прежде — *за что́*, и высказать намъ объ этомъ. Теперь вы, г. Крестовскій, мнѣ говорите: «*вамъ, можетъ-быть, его заслуги кажутся подвигами Гримма и Гумбольдта* (откуда же вы это взяли, что мнѣ онѣ таковыми кажутся?), *но вы ужасно ошибаетесь: вся ученo-литературная дѣятельность г. Срезневскаго представляется намъ, простымъ свистунамъ, чѣмъ-то въ родѣ взбитаго крема, прежде пріятнаго, но если положить*

«его въ ротъ, то отъ него ровно ничего питательнаго не оста-«ется. Вы ли предупредите насъ, или мы васъ, въ оцѣнкѣ «этой дѣятельности, но смѣю увѣрить васъ, въ результатѣ «правда будетъ на нашей сторонѣ...» Что́ же, предупреждайте, сдѣлайте одолженіе! когда же? А въ томъ, что́ вы теперь написали—еще брань, еще комокъ грязи въ г. Срезневскаго, — и только. Идетъ дѣло не собственно о г. Срезневскомъ, а о принципѣ, о литературной замашкѣ оскорблять всѣхъ и каждаго безъ-основанія, не давая никому отчета. Въ васъ возбуждаетъ негодованіе Срезневскій или другой кто нибудь; обличайте его, въ чемъ хотите, но не оскорбляйте голословно. По моему мнѣнію, грязь, бросаемая въ другаго безъ основательной причины, обращается на того, кто ее бросаетъ, и въ глазахъ честныхъ, добросовѣстныхъ людей, не смывается никогда. По-вашему, видно, иначе; кто вамъ не нравится, того безъ церемоніи выругаете печатно — и только; — въ полицію не посадятъ за это! и хорошо, и безопасно... У всякаго свой взглядъ, свои правила. Надѣюсь, что я имѣю столько же права высказывать свое, какъ и вы.

Вы говорите, что я съ самодовольствіемъ облекаю свои плечи въ *блестящія старческія украшенія*, и что это первый замѣтилъ г. Мордовцовъ. Г. Мордовцовъ, изъ моего разбора его статьи, выводилъ заключеніе, къ которымъ я никогда не приходилъ, именно — будто я утверждаю, что крестьяне малороссійскіе благоденствовали подъ Польскимъ владычествомъ, тогда-какъ я говорилъ единственно то, что матеріалы, которыми пользовался г. Мордовцовъ, были слишкомъ скудны, и что эта скудость не дозволяла ему дѣлать такіе рѣшительные выводы, къ какимъ онъ пришелъ, — что онъ увлекся въ натяжки.

Вы поступаете, въ отношеніи меня, нѣсколько схоже съ г. Мордовцовымъ: вы хотите какъ-будто убѣдить меня въ томъ, что Сковорода не сто́итъ того, чтобъ имъ восхищаться. А я имъ никогда и не восхищался. Я утверждалъ, что онъ былъ лицо народное и теперь остаюсь при томъ же убѣжденіи, и не могу иначе думать, потому что знаю это, по опыту. Если мнѣ не вѣрите — спросите у другихъ малороссіянъ: я увѣренъ, что всѣ, жившіе въ Малороссіи, подтвердятъ истину всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые я привелъ, — въ-особенности, если вы спросите объ этомъ у стариковъ, потому-что память о немъ, какъ и о всякомъ народномъ человѣкѣ, живѣе во времена близкія къ его вѣку, и ослабляется мало-по-малу. Вы говорите, что надѣялись отъ меня большаго уваженія къ здравому смыслу малороссіянъ. А отъ чего же вы не требовали отъ

меня еще большаго уваженія къ истинѣ? И въ чемъ тутъ вы видите неуваженіе?. Развѣ изъ ложнаго патріотизма я долженъ писать ложь подобно Конискому, Маркевичу и другимъ, которые выхваляли небывалое, скрывали существовавшее? Вы опрометчиво и неправильно составили себѣ понятіе. какъ Сковородины пѣсни перешли въ народъ. Съ вашимъ умозрѣніемъ, не зная предмета, о которомъ толкуете, вы снова попали въ просакъ, объявивъ Сковороду человѣкомъ отличавшимся *огромною симпатіею къ монастырскимъ обителямъ*. Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего, что Сковорода не любилъ монаховъ; объ немъ сохранились *устные* разсказы, какъ онъ убѣгалъ внезапно изъ того дома, гдѣ появлялись они, и *письменное* свидѣтельство о рѣзкомъ отвѣтѣ его на приглашеніе — поступить въ монашество, чтобъ стать столпомъ Церкви, и его обвиняли въ ереси.

Вы судите о сочиненіяхъ Скороводы, какъ-будто бы это новый писатель, только-что появившійся въ свѣтъ, — тогда-какъ на эти сочиненія слѣдуетъ смотрѣть какъ на памятникъ понятій, господствовавшихъ лѣтъ около ста назадъ, Примѣняя взглядъ, приличный рецензенту современнаго произведенія, къ памятникамъ минувшихъ временъ, вы приходите къ жалкому, варварскому принципу истребленія старины и народнаго достоянія. Странною мнѣ кажется непослѣдовательность *Русскаго Слова*, которое у себя даетъ мѣсто такимъ сужденіямъ, забывая — какъ прошлый годъ оно же выпустило и роздало безденежно своимъ подписчикамъ два тома in-4° *старинныхъ* произведеній русской литературы. Между-тѣмъ, издавая эти памятники по порученію редакціи *Русскаго Слова*, я легко могъ помѣстить въ нихъ и что-нибудь Сковородинское, если бы оно было постарѣе. Да тамъ и есть много гораздо хуже Сковородинскаго. Вы говорите:» и неужели же не надо стараться искоренять изъ среды народа все это дурное, на томъ только основаніи, что оно сдѣлалось народнымъ?» Вижу, что дѣло поворачивается на тотъ споръ, который недавно происходилъ у г. Пыпина съ г. Буслаевымъ. Для избѣжанія повтореній, я укажу на превосходную статью г. Буслаева, мнѣніе котораго, о несостоятельности покушеній воспитывать народъ по нашему образцу, я раздѣляю вполнѣ. Да еслибы и въ самомъ дѣлѣ вы сознательно рѣшились сдѣлаться воспитателемъ народа, то развѣ можно его воспитывать, не зная его понятій, убѣжденій, привычекъ, взглядовъ? Нѣкогда, въ однѣхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, печатались народныя пѣсни; ихъ нашли въ то время оскорбительными для народа. Дѣйствительно, многіе отличались страшнымъ цинизмомъ и безнравствен-

ностію, но, по нашему мнѣнію, собраніе ихъ было такъ же полезно, какъ и самыхъ прекрасныхъ произведеній народной поэзіи. Не восхищаться народностью, а знать ее слѣдуетъ. Точно также — не восхищаться, не любоваться исторіею прошедшей жизни — наше дѣло, а уразумѣть ее. Творенія Іосифа Волоцкаго развѣ удовлетворяютъ умственнымъ потребностямъ, вашимъ и моимъ? конечно нѣтъ, однако — не знаю какъ вы, а я — считаю ихъ чрезвычайно-драгоцѣнными, коль-скоро онѣ отражаютъ въ себѣ вѣрованія и понятія своего времени. Что́ можетъ быть нелѣпѣе *повѣсти о Соломоніи*, напечатанной мною въ »Памятникахъ старинной русской литературы? А между тѣмъ эту чепуху не льзя не признать истинныхъ сокровищемъ для изображенія темныхъ, невѣжественныхъ вѣрованій народныхъ XVII вѣка. Поставляя правиломъ, что сочиненій Сковороды, какъ памятника литературы XVIII вѣка въ Малороссіи, не слѣдуетъ издавать, — вы должны будете распространить это правило и на произведенія XVII и XVI вѣковъ, и далѣе. Или, быть можетъ, вы снисходительнѣе къ тому, что́ старѣе? Но если сочиненія Сковороды не будутъ собраны и изданы теперь, то они могутъ пропасть для того времени, когда станутъ такою же древностію, какъ тѣ, которыя, быть-можетъ, вы покроете археологическимъ уваженіемъ... Притомъ же, въ исторіи, вѣкъ болѣе древній и отдаленный отъ насъ не можетъ имѣть преимущества предъ вѣкомъ ближайшимъ къ намъ. Когда одинъ историкъ любитъ древность, другой можетъ заняться изученіемъ жизни въ ближайшую эпоху.

Посмотрите же, какъ, исходя изъ различныхъ точекъ, вы сходитесь съ г. Аскоченскимъ, столь ненавидимымъ вами, и достигаете одинакихъ требованій. Недавно г. Аскоченскій озлился на меня за статью *о мистической повѣсти о Нифонтѣ*, помѣщенной въ *Русскомъ Словѣ*. За чѣмъ-де я назвалъ ее *мистическою*, — какъ смѣлъ вознести на нее хулу, находя въ ней »затѣйливые образы фантазіи!» Въ порывѣ своего лжеблагочестія, суровый мой рецензентъ забылъ, а, быть-можетъ, и никогда не зналъ, что Нифонтова повѣсть признана православной церковью въ числѣ *отреченныхъ книгъ*, и въ Кормчей XIII вѣка, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ, помѣщена въ ряду такихъ, за которыми не оставленъ авторитетъ достовѣрности. Да и въ наше время преосвященный Филаретъ, въ своемъ *Обзорѣ духовной литературы*, отозвался о Нифонтовой повѣсти какъ о сочиненіи, вовсе неуважаемомъ церковью. Эти обстоятельства, естественно, давали мнѣ право смотрѣть на нее не болѣе, какъ на поэтическое произведеніе своего вѣ-

ка. Но г. Аскоченскій явно желалъ бы, чтобы подобные памятники или не издавались вовсе, или же издавались подъ условіями превратнаго на нихъ взгляда, усвоеннаго тѣмъ пустосвятствомъ, которое, въ суевѣрномъ страхѣ, не смѣетъ произнести смѣлаго сужденія ни о чемъ, что показываетъ претензію на религіозность, хотя бы вовсе неправильно, и такимъ-образомъ, думая угодить Церкви, расходится съ нею.

Подобнаго, съ своей точки зрѣнія, добивается и г. Крестовскій. По его мнѣнію, Сковороды вовсе не слѣдуетъ издавать, а если онъ изданъ, то должно на него смотрѣть не по соотношенію его съ вѣкомъ и тѣмъ обществомъ, среди котораго онъ воспитался и жилъ, и на которое оказывалъ вліяніе, а подъ условіемъ современныхъ взглядовъ на современныя требованія. Для насъ, съ одной стороны, чуждыхъ пустосвятства и ханжества, съ другой — не имѣющихъ желанія и призванія заниматься современными потребностями, предоставляя ихъ — съ полнымъ уваженіемъ — тѣмъ, кто спеціально посвятилъ себя этому предмету, — для насъ результатъ одинъ и тотъ же, какъ отъ г. Аскоченскаго, такъ и отъ васъ: памятники прошедшаго времени — или должны оставаться вовсе неизданнымн и недоступными, — или являться въ фальшивомъ, искуственномъ свѣтѣ!?..

Какъ съ памятниками минувшаго времени, такъ и съ современными произведеніями, получившими народное значеніе, не слѣдуетъ обращаться такъ легкомысленно, какъ вы, отзываясь съ такимъ презрѣніемъ о нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Для васъ нѣтъ важнаго, что «какой нибудь хоръ пѣсенниковъ запѣлъ:

Расприкрасная столица,
Славный городъ Питербурхъ!
Шолъ по Невскому пришпехту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ,—

а досужіе слушатели подхватили — и пошла гулять по народу.» А задавали ль вы себѣ вопросъ: отчего же она пошла гулять по народу?— Значитъ, она удовлетворяетъ потребности народнаго вкуса. А понять народный вкусъ — не бездѣлица. Сдѣлайте-ка, чтобъ народъ запѣлъ ваше «изъ испанскихъ романсовъ,» напечатанное въ той же книжкѣ *Русскаго Слова*, гдѣ помѣщена ваша филиппика противъ меня. Пари готовъ держать, что не станетъ онъ пѣть этого, потому-что не найдетъ ничего по своему вкусу. А въ «*расприкрасной столицѣ*» вѣрно что-то есть для него. И въ «*не шей ты мнѣ, матушка,*» и въ «*среди долины ровныя*», вѣрно что-то есть....

Ни слова,—ваши стихотворенія мнѣ субъективно могутъ нравиться гораздо болѣе, чѣмъ многія народныя пѣсни; но коль-скоро я сталъ на точку изслѣдователя народной жизни, тогда какая-нибудь «*распрекрасная столица*» для меня несравненно важнѣе вашихъ стихотвореній.

То́, что нравится народу, невсегда нравится намъ,—и на оборотъ, оттого, что мы слишкомъ отдалились отъ народа. Какъже вы, съ различнымъ вкусомъ, не зная народа и не сочувствуя ему, станете искоренять въ немъ дурное? Да прежде оцѣните самого себя, повѣрьте хладнокровно: все ли то дурно, что́ *вамъ* кажется дурнымъ, все ли то́ хорошо, что́ *вы* считаете хорошимъ? И чѣмъ же вы будете искоренятъ то, что́ считаете дурнымъ? Неужели тѣмъ, что не станете издаватъ того́, что́ народъ считаетъ, или считалъ прежде, своимъ достояніемъ? Перваго вы этимъ не искорените, а только лишите средствъ познакомиться съ народомъ — тѣхъ, кто этого желаетъ и имѣетъ въ томъ нужду, второе — отжившее въ народѣ — искоренять уже не нужно, а предавая забвенію, вы лишаете исторію матеріала.

Желаніе искоренять въ народѣ дурное приводитъ иногда къ смѣшнымъ и вмѣстѣ печальнымъ результатамъ. Назадъ тому лѣтъ восемь, я былъ свидѣтелемъ, ка́къ, въ одномъ губернскомъ городѣ, полицмейстеръ, въ слѣдствіе какого-то распоряженія, своеобразно имъ понятаго, ѣздилъ по городу съ плетью и преслѣдовалъ поющихъ пѣсни. Онъ призналъ пѣніе пѣсенъ на улицахъ неприличнымъ и самыя пѣсни *простонародныя* достойными истребленія. Это не вымыселъ; прибавляю это потому, что хоть преданіе свѣжо, а иной съ трудомъ ему повѣритъ. Жаль, что у насъ это не принято, а то́ бы я назвалъ чинъ, имя, отчество и фамилію этого врага народной музы. Я знаю, что вы, г. Крестовскій, отзоветесь объ немъ съ негодованіемъ; но, въ-сущности, онъ руководился убѣжденіемъ, подобнымъ вашему — *искоренять въ народѣ все дурное*. И кто поручится, что иной гуманный и прогрессивный публицистъ, забравъ себѣ въ голову, будто онъ обязанъ истреблять въ народѣ все дурное, не станетъ поступать точно также, какъ и вышеозначенный полицмейстеръ, еслибы ему въ руки дать плеть, съ правомъ обращаться съ нею съ извѣстнаго рода свободою.

Народные предразсудки уничтожаются сами-собой отъ просвѣщенія. Познакомится народъ съ физикой, съ исторіей,— перестанетъ самъ-собою вѣрить и въ созданныхъ имъ на свой ладъ чертей, и въ вѣдьмъ, и во многое, чему вѣритъ по преданію, не зная, откуда и ка́къ оно возникло, ка́къ образовалось, чѣмъ поддерживалось. Тогда не нужно *иско-*

ренять стараго: оно само-собой исчезнетъ. Невѣрныя понятія о землѣ сами-собой исчезли, когда открыта была Америка; нѣтъ мѣста астрологическимъ бреднямъ, при тѣхъ результатахъ, до какихъ дошла астрономія; нѣтъ мѣста громовымъ стрѣламъ для знакомаго съ законами электричества; умеръ и тотъ огромный китъ, на которомъ стояла земля, съ тѣхъ-поръ, какъ стали извѣстны законы взаимнаго притяженія; и магометовъ рай теряетъ свою прелесть по-мѣрѣ-того, какъ западная наука проникаетъ на мусульманскій востокъ; и власть папы держится на волоскѣ отъ неумолимой исторической критики. Ненужно народу говорить: «*не вѣрь этому — вѣрь другому*» — надобно показать ему лицомъ къ лицу истину, — предразсудокъ исчезнетъ самъ собою.

Задача—*искоренять* въ народѣ что́ бы то́ ни было—всегда ложная. Творите, а не разрушайте; ветхое разрушится и обратится въ пепелъ, развѣется по вѣтру само-собою. Иначе,—гдѣ искорененіе, тамъ насиліе—и часто приходится жалѣть о разрушенномъ. Наша исторія живой примѣръ этому: насильственныя дѣйствія Москвы убили нашъ удѣльновѣчевой строй; реформа Петра Великаго, продолжавшаяся слѣдующими за нею эпохами, оторвала насъ отъ старинной жизни и заставила насъ смотрѣть на нее съ презрѣніемъ; а когда мы познакомились съ нашею прошедшей жизнію покороче, то увидали, что многое, многое было въ основаніяхъ своихъ лучше новаго, и во многомъ, даже въ настоящее время, приходится возвращаться къ старинѣ, — конечно, не по развитію формъ, а по смыслу идей, лежавшихъ въ основахъ старой жизни. Можетъ-быть вы принадлежите къ тому кружку, для котораго подобная мысль — нелѣпость, къ кружку, къ которому принадлежатъ критики, подобные г. Шишкину, который, недавно, вознося Петра Великаго, ударилъ пятою въ Великій Новгородъ, а Псковскую вольность и общинное пользованіе землею помѣстилъ *въ кучу всякаго рода добродѣтелей* (?). Мы, напротивъ, всматриваясь въ эту *кучу добродѣтелей*, находимъ въ ней много такого, что́ еслибы возобновить въ наше время, то мы гораздо далѣе шагнули бы на пути общественности, чѣмъ безъ толку заимствуя и пересаживая къ себѣ *западныя добродѣтели*, изъ которыхъ очень многія, будучи *добродѣтелями* на западѣ, при условіяхъ тамошней исторической жизни, у насъ превращаются въ *пороки*, или, по-крайней-мѣрѣ, не даютъ такихъ плодовъ, какіе давали на своей прежней почвѣ, такъ точно, какъ бордосскія и рейнскія лозы въ Крыму не даютъ такого вина, какъ у себя дома. Истина вездѣ та же истина, но формы, въ которыхъ она явится, могутъ быть различны. Тѣ же са-

мыя формы, въ которыхъ сохранились вѣковые предразсудки, могутъ сдѣлаться хранителями истины: изъ нихъ исчезнетъ само собою только то́, что́ несовмѣстимо съ просвѣщеніемъ.

Но чтобы умѣть показать эту истину, нужно прежде всего знать народъ, понимать его прошедшее и настоящее, заговорить съ нимъ именно съ той стороны, съ какой слѣдуетъ, и съ какой можно на него подѣйствовать. А все это достигается не пышнымъ фразерствомъ, не пустымъ фонфаронствомъ, а изученіемъ народной жизни въ ея прошедшихъ и настоящихъ памятникахъ. Такое изученіе даромъ не дается и не скоро получается; и для такого изученія несравненно болѣе сдѣлалъ г. Срезневскій съ его *рутиной*, (какъ вы, г. Крестовскій, выражаетесь), чѣмъ мы съ вами *независимымъ* и *живымъ* словомъ. Вы назвали меня *свободнымъ художникомъ*: слишкомъ много для меня чести, также какъ слишкомъ много оскорбленія въ пожалованіи меня титуломъ превосходительства. Не желая отнюдь послѣдняго, не смѣю думать о первомъ. Но если когда-либо явится въ наукѣ русской исторіи историкъ-художникъ, то не прежде, какъ тогда, когда почтенные *рутинеры* своими изданіями и изслѣдованіями приготовятъ ему возможность проявить свой талантъ и свои силы. До сихъ поръ еще груды памятниковъ прошедшей жизни лежатъ погребенные въ архивахъ и библіотекахъ неизслѣдованные, необъясненные: — далеко намъ до художества!

Слова объ убійствѣ *злой воли* у Сковороды вы называете рабскимъ аскетизмомъ. Что́ же это? Преодолѣніе лѣни, принужденіе себя къ труду полезному для ближнихъ, воздержаніе отъ пьянства, пресыщенія, сладострастія, корыстолюбія—неужели у васъ это рабскій аскетизмъ?.. Совершенно не кстати вы прицѣпляете къ Сковородѣ? Аскоченскаго; послѣдній — вашъ современникъ и вы можете съ нимъ ратовать по несходству убѣжденій, которымъ суждено приниматься или отвергаться живыми людьми,—тогда-какъ Сковорода принадлежитъ исторіи, а если и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать вліяніе, то вы его не разрушите, ибо, до тѣхъ, на комъ ложится еще это вліяніе, едва ли дойдутъ ваши рецензіи, да онѣ и слишкомъ безсильны для того, чтобы передѣлать упроченные временемъ и наслѣдствомъ убѣжденія и взгляды. «*Вы слишкомъ любите и лелѣете плоть:*» ужъ и поэтому не годитесь вы въ учители народа, особенно — малороссійскаго.

Вы, г. Крестовскій, въ подражаніе, называете и себя свистуномъ. Что́ значитъ это названіе? Вы хотите осмѣивать дурное — не та́къ ли? Сочувствуемъ этому, но не забывайте, что свистъ, смѣхъ надъ другимъ

есть наказаніе, а чтобы подвергнуть наказанію кого бы то ни было, слѣдуетъ его обличить: юридическое правило — *безъ суда никто да не накажется*—приложимо къ вамъ въ этомъ случаѣ. Васъ, конечно, смущаетъ всякое безсудное наказаніе, всякое проявленіе произвола надъ личностью чьею бы то ни было. Вы готовы ратовать противъ этого изо всей силы; въ васъ пробуждается благородное негодованіе при всякомъ нарушеніи правъ и чести человѣка. Но вѣдь вы, въ тоже время, дѣлаете то-самое въ своей сферѣ, что такъ охуждаете въ другой, чуждой вамъ: ни съ сего, ни съ того вы бросаете грязью, не думая дать обществу отчетъ, что побуждаетъ васъ къ этому. Поймите же наконецъ, что оскорбляя другихъ, вы вредите и себѣ. Вашъ *свистъ* станутъ презирать. Онъ даже не будетъ имѣть достоинства остроумія, потому-что для остроумія нужно же чтобъ тѣ, передъ которыми вы острите, понимали—въ чемъ дѣло противъ чего и за что вы ратуете. Притомъ, такой *свистъ*—какъ вы называете (такая *грязь*!—какъ мы назовемъ ваши выходки), не свидѣтельствуетъ о чистотѣ вашихъ побужденій. Неблагородно нападать на соперника тогда, когда онъ не имѣетъ средствъ защищаться, если бы и могъ. Мы, повторяю вамъ —вовсе не беремъ на себя апологіи г. Срезневскаго: идетъ дѣло не о его личности, а о принципѣ. Вы замѣтили въ своемъ возраженіи, что г. Срезневскій самъ могъ себя защищать. Въ томъ-то и дѣло, что въ такомъ положеніи, въ какое вы ставите г. Срезневскаго, самозащищеніе невозможно. Въ чемъ ему оправдываться противъ вашей язвительной насмѣшки? Что можетъ онъ вамъ сказать на вторичную вашу выходку противъ него, гдѣ вы очень неловко сравниваете его сочиненія съ кремомъ? А между тѣмъ, ваши выходки оскорбительны, или, по крайней мѣрѣ, вы хотите ими оскорбить. По нашему мнѣнію, избѣгать такого рода задѣваній побуждаетъ благородное чувство, если оно есть въ человѣкѣ. Дѣйствуя такимъ способомъ, вовсе не значитъ быть обличителемъ; это не прямой бой; это безчестная нападка изъ-за угла, въ которой высказывается собственная трусость нападающаго. Это значитъ — ударить и убѣжать, такъ чтобы догнать не могли. Нѣтъ! когда хотите ратовать противъ человѣческихъ пороковъ и слабостей, то прежде обличите, поставьте человѣка передъ обществомъ лицемъ, разоблачите его, и тогда поражайте вашими остротати. Тогда дѣло само-за-себя будетъ говорить и вашъ смѣхъ довершитъ силу удара, если ваши обличенія будутъ столь важны и очевидны, что сопернику не останется возможности отстоять себя. Вы выражаетесъ — что *понимаете* меня, — даете такой оборотъ дѣлу, будто я рѣшился возра-

зить вамъ за то́, что, дескать, гусей подразнили.—Вы не понимаете меня, а можетъ-быть, не хотите понять. О какихъ гусяхъ идетъ у васъ рѣчь? Будемъ говорить напрямикъ. Г. Срезневскій—профессоръ, академикъ, ученый, много лѣтъ трудившійся на своемъ поприщѣ. Вы себѣ вообразили, что, по этому, я признаю за нимъ какую-то неприкосновенность авторитета: ка́къ, то-есть, смѣетъ молодой писатель такъ дерзко отзываться о старикѣ, почтенномъ и лѣтами и опытностію, и своими трудами! Ошибаетесь, м. г! Патріархальныя отношенія въ наукѣ и литературѣ мнѣ столь же противны, какъ и вамъ. Но если не должно страшиться обличать того, кто пріобрѣлъ себѣ авторитетъ многолѣтнею дѣятельностью, то, съ другой стороны, не льзя же плевать на человѣка за то единственно, что онъ не молодъ, много трудился и пріобрѣлъ къ себѣ уваженіе: онъ точно такъ же, какъ и молодой дѣятель, имѣетъ право быть огражденъ отъ несправедливаго презрѣнія со стороны всякого авторитета. Вы за что́-то недовольны г. Срезневскимъ и, не думая долго, оскорбляете его печатно, надѣясь на то, что подобныя выходки останутся безъ возраженій. Нѣтъ, м. г., мы, читатели ваши, имѣемъ право потребовать отъ васъ объясненій, и тѣмъ-больше имѣемъ на то права послѣ-того, какъ вы повторили вашъ оскорбительный отзывъ: Извольте обличить г. Срезневскаго фактически, — раскройте передъ нами его дѣятельность ученую и, пожалуй, гражданскую, и тогда, если вы исполните эту задачу успѣшно, можетъ-быть и мы откликнемся одобрительно на вашъ свистъ. А до того времени, ваши выходки будутъ намъ представляться не болѣе, какъ плодомъ тѣхъ качествъ, за указаніе которыхъ въ вашей статьѣ вы такъ оскорбились.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я бы просилъ васъ также и въ отношеніи ко мнѣ обличить меня и разъяснить значеніе вашихъ словъ, будто я *самодовольно одѣваюсь въ блестящія старческія украшенія*. Гдѣ, когда́ выразилъ я убѣжденія, которыя бы давали вамъ поводъ къ такому приговору, — убѣжденія противныя тѣмъ, которыя высказывалъ я прежде? Вы указали на г. Мордовцова. Но, вѣроятно, вы написали это, недолго разсуждая о томъ, что́ вы пишете, не задавая себѣ труда сравнить мой разборъ статьи г. Мордовцова съ его возраженіемъ. Послѣднее — есть верхъ недобросовѣстности. Съ болью въ сердцѣ принужденъ я сказать это; не за себя мнѣ больно, а за него, потому-что я не могу не уважать этого талантливаго и свѣдущаго писателя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благороднѣйшаго человѣка. Увлекшись на минуту духомъ полемики, онъ взялъ, къ-сожалѣнію, оружіе, правда — очень нерѣдкое въ наше время, но

чрезвычайно-недостойное ни его личности, ни его дарованій. Онъ написалъ на меня и на другого своего противника, сдѣлавшаго ему совершенно-справедливыя замѣчанія, литературный *ложный* доносъ. Подобно тому, какъ въ инквизиціонныхъ и другихъ тайныхъ судилищахъ, *умышленно* давали сочиненіямъ и словамъ подсудимыхъ смыслъ, необходимый для обвиненія жертвы въ томъ, въ чемъ ее подозрѣвали, г. Мордовцовъ хотѣлъ вызвать изъ своихъ противниковъ убѣжденія и побужденія, которыми они гнушаются точно такъ же, какъ и окружающая ихъ общественная среда. Способъ—недостойный, и притомъ—неудобный. Въ такихъ судилищахъ, противъ обвиненія нѣтъ оправданій; но судъ литературный есть судъ публичный: довольно, если обвиняемый скажетъ, что онъ не думаетъ того, въ чемъ его обвиняютъ, — оправданіе слѣдуетъ само-собою логически. За обвиняемымъ можетъ остаться одно пятно: темнота выраженія; но за мной, надѣюсь, и того не останется, потому-что г. Мордовцовъ, обвиняя меня, *не приводилъ моихъ словъ*, не прибѣгалъ даже къ обычнымъ въ такихъ случаяхъ уловкамъ — выбирать выраженія безъ отношенія ихъ къ предъидущему и послѣдующему, а просто — перифразировалъ мои слова такъ, какъ ему было нужно, заставлялъ меня возвѣщать то, чего я никогда не думалъ говорить, да — для большаго эффекта — поставилъ еще эпиграфъ изъ моего же сочиненія: *зачѣмъ мы старѣемся!* Вотъ, дескать, онъ устарѣлъ, и дошелъ до ретроградныхъ убѣжденій!.. Теперь вы тоже повторяете. А предъ вами — чѣмъ я показалъ это? Тѣмъ ли, что утверждалъ и утверждаю, что памятниками литературы прошедшаго времени, имѣвшими вліяніе на свой вѣкъ, не слѣдуетъ пренебрегать, а напротивъ — надлежитъ ихъ сохранять, какъ матеріалъ для уразумѣнія теченія народной жизни и понятій? — или, можетъ-быть, тѣмъ, что считаю дѣломъ неблагороднымъ, достойнымъ невѣжества и нахальства, печатно бросать грязью въ личности и оскорблять ихъ изъ-за угла, не давая отчета и объясненій — за что и почему съ ними такъ поступаютъ? Это ли, по-вашему, тѣ *старческія украшенія*, которыя вы на меня хотите возложить? Это ли побудило васъ пожаловать меня превосходительствомъ? Это ли? Говорите не краснѣя...

Съ чего вы взяли обвинять меня еще въ раздражительности и забывчивости, увѣряя, что вы *не забыли*, вмѣстѣ съ Аскоченскимъ и Срезневскимъ, помѣстить библіотеку Харьковскихъ студентовъ? Вы, точно, помѣстили ее, перечисляя подписчиковъ, но не посулили ей *безсмертія* вмѣстѣ съ Сковородою, подобно тому, какъ наградили этимъ

безсмертіемъ г. Срезневскаго. Рѣчь шла объ этомъ *безсмертіи*, и я вамъ указывалъ на эту фразу,—на раздачи безсмертія подписчикамъ,—а не на перечисленіе подписчиковъ. Если вы меня напрасно упрекаете въ *забывчивости* по этому поводу, то я (убѣжденъ, что не напрасно) упрекаю васъ въ іезуитской уловкѣ — представить дѣло не такъ, какъ оно есть, и какъ вы сами его сознаете.

Ни къ селу, ни къ городу вы вздумали меня попрекнуть вопросомъ о происхожденіи Варягоруссовъ и г. Летголою; хотя это къ дѣлу нашему не относится, но я не оставляю и это безъ отвѣта для того, чтобы не сказали, что я не нахожусь что отвѣчать. Я постоянно занимался русской исторіей *на-сколько могъ*, по обстоятельствамъ, лишившимъ меня возможности изучать ее, какъ слѣдуетъ, въ лучшіе годы жизни; но вопросъ о происхожденіи Руси не занималъ меня, потому-что онъ относится къ тому періоду, въ которомъ не видно живыхъ людей, а бродятъ какія-то неясныя тѣни. Получивъ вновь каѳедру, я долженъ былъ заняться имъ по обязанности. Несостоятельность гипотезы о происхожденіи Руси отъ Норманновъ для меня казалось очевидною, а между-тѣмъ у насъ въ наукѣ она приняла значенія несомнѣннаго историческаго факта. Съ другой стороны, мнѣ слишкомъ бросалось въ глаза то, что въ нашихъ хронографахъ и отрывочныхъ сказаніяхъ о началѣ Руси, съ послѣднихъ годовъ XV в. вплоть до XVIII, повторялось призваніе Рюрика отъ Прусъ, изъ литовскаго міра. Это казалось мнѣ не вымысломъ писакъ, а древнимъ преданіемъ, которое они занесли въ свои сочиненія, и казалось тѣмъ-болѣе потому, что оно связывается съ нѣкоторыми миѳическими исторіями; наприм. о переименованіи Мутной въ Волховъ, о Волхѣ, о залеганіи пути, о чародѣйственной могилѣ Волха: эти миѳическія исторіи уцѣлѣли до-сихъ-поръ въ народѣ, въ Новгородской Землѣ. Очевидно, что писатели занесли ихъ въ свои хронографы отъ народа. По аналогіи, я предполагалъ, что и призваніе князей изъ Прусъ было такимъ же наслѣдственнымъ преданіемъ. Географическія названія *Руси* въ имени рѣки *Руса* и прилегавшей къ ней стороны, еще болѣе подкрѣпили меня въ томъ, чтобъ отдавать преимущество старому повѣрью предъ новыми мудрованіями. Я началъ заниматься литовскимъ языкомъ. Слишкомъ мало познакомившись съ нимъ въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца, при другихъ занятіяхъ, я нашелъ въ лексиконахъ нѣсколько словъ, которыя мнѣ показались напоминающими имена Руссовъ, сохранившіяся въ нашихъ лѣтописяхъ; я прочелъ ихъ на лекціи, сознавшись въ недостаточности знаній въ литов-

скомъ языкѣ, и просилъ обратить на нихъ вниманіе знающихъ. Вслѣдъ-за-тѣмъ, я получилъ отъ своихъ слушателей нѣсколько замѣчаній и, напечаталъ свою гипотезу Г. Летгола обличилъ меня въ невѣрности. Неправильность нѣкоторыхъ приведенныхъ мною словъ положительно зависѣла отъ опечатокъ. Что г. Летгола могъ открыть у меня ошибки — очень естественно, когда я не зналъ по-литовски — и мнѣ бы оставалось повѣрить ему и воспользоваться его замѣчаніями; но тутъ ко мнѣ стали присылать письма природные Литвины, обличавшія Летголу и меня разомъ, и притомъ — негдѣ правды дѣть — противорѣчившія другъ другу. Одно изъ нихъ, носившее наиболѣе ученый отпечатокъ и писанное дѣйствительно спеціалистомъ-филологомъ, г. Летувисомъ, я, по его желанію, напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Печатать другія я не имѣлъ права, а нѣкоторыя писаны были въ формѣ, неудобной для печати, такъ-что мнѣ нужно было бы составлять самому статьи по нимъ. Я остался въ совершенномъ недоумѣніи, кто̀ правъ, кто не правъ,—да притомъ и подтвержденіе теоріи посредствомъ сходства словъ было слишкомъ второстепенное. Продолжать же учиться по-литовски я не вижу необходимости, потому-что вопросъ о происхожденіи Рюрика не считаю на-столько важнымъ, чтобъ употребить на него время, которое можетъ быть отдано изученію эпохъ болѣе жизненныхъ и интересныхъ для мысли. Происхожденіе Руси изъ Литовскаго міра я считалъ и считаю гипотезою, въ моихъ глазахъ, тверже норманской, но все-таки гипотезою. Я не отрицаю возможности отказаться отъ нея и, пожалуй, принять хоть норманство, если представятся доказательства. Итакъ, вы напрасно меня упрекаете, будто я утверждалъ о томъ, чего не зналъ: я только предполагалъ, а не утверждалъ. Разница большая съ дѣломъ о народности Сковороды: здѣсь я не предполагаю, а достовѣрно *знаю*, и не можетъ быть возможности, чтобы кто-нибудь доказалъ невѣрность тѣхъ фактовъ, которые я привелъ въ доказательство народнаго значенія этого лица въ Малороссіи.

Н. Костомаровъ.

КОБЗАРЬ.

XXXII.

ЧАСТИНА ПОЭМИ:

ЕРЕТИКЪ ИВАНЪ ГУСЪ.

Камень, егоже небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла; отъ Господа бысть сей, и есть дивенъ во очесьхъ нашихъ.

Псаломъ CXVII, ст. 22

Кругóмъ непрáвда и невóля,
Народъ замýчений мовчúть;
А на апóстольськімъ престóлі
Чернéць годóваний сидúть;
Людськóю крóвію торгýе
И рай у-нáйми оддаé....
О, Бóже! Судъ твій прáвий всýе
И всýе цáрствіе твоé!
Розбійники, людоіди
Прáвду побороли,—
Осміяли твою слáву
И сúлу, и вóлю.
Лю́де стóгнуть у кайдáнахъ;
Немáе съ кимъ взя́тись —
Роскувáтись, — одностáйне —
Односéрде стáти
За Евáнгелію прáвди,
За тéмнії лю́де.

Нема́ кому́!... Бо́же Бо́же!
Чи то́жъ и не бу́де?
Чи наста́не вели́кий часъ
Небе́сної ка́ри?
Чи розло́мимъ три коро́ни
На го́рдій тіа́рі?
Розло́мимо!... Благосло́ви —
Не на месть и му́ки —
Благослови́ моі, Бо́же,
Нетве́рдиі ру́ки
Й сло́во ти́хее... О Бо́же!
Чи вони́ жъ почу́ють?...»
— — — — Отта́къ,
У ке́лії своій правди́вий
Ива́нъ Гусъ ду́мавъ роскува́ть
Наро́дъ заму́чений, — и ди́во,
Свяще́е ди́во показа́ть
Оча́мъ незря́чимъ....
»Поборю́сь!...
»За пра́ву Богъ!.. Да совершйтця!..«
И въ Вифліе́мськую капли́цю
Пішо́въ моли́тьця вірний Гусъ.

XXXIII.

И не́бо не вмйте, и за́спані фи́лі,
И по — надъ бе́регомъ геть-ге́ть
Непа́че пья́ний — очере́тъ
Безъ вітру гне́тця.... Бо́же ми́лий!
Чи до́вго бу́де ще мині
Въ оцій не-за́мкнутій тюрмі,
По-надъ оцімъ нікче́мнимъ мо́ремъ,
Нуди́ти світомъ?... Не гово́рить,
Мовчи́ть и гне́тця, мовъ жива́,
Въ степу́ пожо́вклая трава́,—
Не хо́че пра́вдоньки сказа́ть...
А більше ні-въ-кого спита́ть.

Т. Шевченко.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ.

(Сочиненіе Ив. Попки.)

Нѣтъ необходимости доказывать важность отдѣльныхъ монографій, относящихся къ извѣстнымъ частямъ Русской Земли. При ея разнообразіи во всѣхъ отношеніяхъ, основательное знаніе общаго можетъ быть достигнуто единственно тогда, когда отчетливыя описанія странъ, представляющихъ своеобразныя черты, будутъ доставлять матеріалы, которые останется сложить и освѣтить взглядомъ, добытымъ изъ результатовъ, которые содержатся въ самомъ предметѣ. Въ ряду такихъ монографій безъ сомнѣнія важнѣйшими окажутся тѣ, которыя представляютъ состояніе краевъ, какъ въ географическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніяхъ, имѣющихъ автономическое значеніе. Явленія прошедшей нашей исторіи и разнообразіе настоящаго народнаго быта доставляютъ возможность всю Россію разбить на группы, имѣющія болѣе или менѣе условія для составленія объ нихъ самобытныхъ монографій.

Достоинствами такихъ монографій могутъ и должны быть: полнота, вѣрность и ясность изложенія.

Полнота можетъ разсматриваться двояко: во–первыхъ, по отношенію къ сторонамъ, какихъ должно касаться описаніе; во-вторыхъ, по отношенію къ богатству чертъ, служащихъ для изображенія каждой изъ такихъ сторонъ.

Вѣрность также можетъ быть двоякая: вѣрность фактовъ и добытыхъ изъ нихъ результатовъ.

Что касается до ясности изложенія, то при вышеозначенныхъ условіяхъ она, безъ-сомнѣнія, есть важное обстоятельство, которое такого рода сочиненіе дѣлаетъ доступнымъ какъ для науки, такъ и для чтенія, и состоитъ въ точномъ выраженіи факта и мысли и въ со-

размѣрномъ сопоставленіи свѣдѣній, по ихъ внутренней связи и внѣшней послѣдовательности.

Сочиненіе г. Попки «Черноморскіе Козаки въ военномъ и гражданскомъ быту» представляетъ изображеніе края, почти нетронутаго описательной нашей литературой, края, имѣющаго какъ по естественному своему положенію и свойствамъ, такъ и по жизни обитателей, своеобразную физіономію, и слѣдовательно представляющаго содержаніе чрезвычайно-важное для знанія Россіи. Мы разсмотримъ его по отношенію къ тѣмъ достоинствамъ, которыя поставили мѣрилами значенія такого рода сочиненій.

Сочиненіе г. Попки по-преимуществу этнографическое. Опредѣливъ названіе своего сочиненія, онъ раздѣлилъ его на двѣ части: въ первой разсматриваетъ все, что̀ входитъ въ кругъ гражданскаго быта: народонаселеніе, характеръ жилыхъ мѣстностей, сельское хозяйство, промышленность, торговлю, образованность и нравственность народа; вторая часть посвящена очерку военнаго состава козаковъ, образу службы и особенностямъ ея, принадлежащимъ исключительно краю и жителямъ, его населяющимъ. Собственно географія и исторія входятъ въ его сочиненіе какъ дополнительныя свѣдѣнія, необходимыя для этнографіи и поясняющія данныя послѣдней. Такимъ-образомъ, прежде изложенія гражданскаго быта Черноморскихъ Козаковъ, авторъ предпосылаетъ топографическое описаніе страны и сообщаетъ свѣдѣнія о ея климатѣ и произведеніяхъ, условливающихъ народное здоровье и народныя занятія. По сообщаемымъ г. Попкою свѣдѣніямъ, Черноморье представляетъ двѣ неравномѣрныя части, отличныя одна отъ другой по своей топографіи: собственно Черноморье и Таманскій полуостровъ. Послѣдній представляетъ такія же условія, какъ Керченскій полуостровъ Крыма, и, по словамъ г. Попки, до того съ нимъ сходенъ, что кажется какъ-будто разорванною случайно, пополамъ, глыбою земли. Собственно Черноморье, или Черноморье степное, есть обширное луговое пространство, изрѣзанное множествомъ протоковъ или рѣкъ, текущихъ въ море и образующихъ бо̀лота и лиманы. Описанія этихъ рѣкъ у автора очень кратки и не представляютъ отвѣтовъ на многіе вопросы, которые, естественно, могутъ родиться у всякаго, кто, заинтересовавшись его книгою, захочетъ познакомиться съ Черноморьемъ въ его подробностяхъ. Такимъ-образомъ, мы не знаемъ ни направленія теченія этихъ рѣкъ, ни глубины ихъ, ни ширины. Точно также и описаніе почвы и произведеній не приноровлено къ теченію рѣкъ

и ихъ взаимному положенію, тогда-какъ это было бы нужно, чтобы прослѣдить самый порядокъ заселенія страны, которое, естественно, находится въ прямомъ соотношеніи съ ихъ направленіемъ. Нѣкоторыя рѣки, означенныя на картѣ, не нашли себѣ мѣста въ описаніи. Почва и произведенія также описаны вообще кратко, и дають только приблизительное, легкое, понятіе о природномъ состояніи края. Вообще, географическая часть у автора слаба, и это можетъ найти себѣ извиненіе только въ томъ, что онъ и не думалъ описывать Черноморье во всѣхъ отношеніяхъ,—тѣмъ болѣе—его естественнаго состоянія, что цѣль его была — люди, а не земля. Но дѣло въ томъ, что людей, живущихъ на извѣстной землѣ, нельзя изучить, не зная земли, и кто хочетъ представить намъ очеркъ жизни Черноморья, долженъ напередъ познакомить насъ въ-подробности съ самою землею.

Авторъ сообщаетъ объ изобиліи кургановъ въ Черноморіи и допускаетъ очень смѣлую мысль: замѣтивъ, что курганы идутъ паралельно съ балками или оврагами, онъ думаетъ, что не только курганы, но и самыя балки были дѣломъ рукъ человѣческихъ, и вырыты были для осушки низменныхъ равнинъ и для усиленія слабаго естественнаго орошенія пастбищныхъ луговъ. Что́же касается до самихъ кургановъ, то, по его мнѣнію, они насыпались для жилищъ, или, лучше сказать, для крѣпкихъ убѣжищъ троглодитовъ. Но признавая, что въ этихъ курганахъ находили человѣческія кости, онъ допускаетъ для значенія кургановъ два періода: оставленные древними обитателями, они содѣлались въ другихъ поколѣніяхъ мѣстами погребенія умершихъ. Эта мысль только набросана авторомъ и оставлена безъ ученыхъ доказательствъ, необходимыхъ въ подобномъ случаѣ; слѣдовало бы или не приступать къ ней вовсе, или по крайней мѣрѣ познакомить читателей подробнѣе съ самими курганами и указать ихъ сходства и отличія въ Черноморьѣ отъ тѣхъ, которые разсѣяны въ безчисленномъ множествѣ по степямъ южной и даже средней Россіи. Догадка автора дѣлается несостоятельною, когда вспомнимъ, что для подобныхъ работъ необходимо было бы густое населеніе края и такія условія, которыя бы заставляли жителей продолжительнымъ трудомъ отстранять неудобства *жилья*, а не оставлять край, ища лучшаго. Онъ указываетъ въ примѣръ на египетскія работы. Но долина Нильская, по своей природѣ, есть такая мѣстность, которая дѣйствительно представляла приманку оставаться въ ней и употреблять трудъ;—этого не видно въ Черноморьѣ. Притомъ, троглодиты, которые не въ со-

стояніи сдѣлать себѣ избы, едва ли способны къ осушенію болотистыхъ мѣстностей. Самая мысль о рытьѣ кургановъ для жилья, вмѣсто избъ, едва ли можетъ выдержать критику. Самъ же г. Попка говоритъ, что въ старину край былъ лѣсистъ; поэтому, для жителей, въ какой бы отдаленной отъ насъ эпохѣ они ни жили, кажется проще и удобнѣе было срубить избу, чѣмъ дѣлать земляную насыпь. Извѣстія о климатѣ очень любопытны, хотя желательнѣе было бы, чтобъ извѣстія слишкомъ общія были подтверждены самыми наблюденіями и примѣрами болѣе частными. Вообще, климатъ Черноморья представляется нездоровымъ, но это качество усиливается отъ запрудъ на балкахъ, образующихъ стоячую воду, и отъ гніенія камышей. Фактъ, сообщаемый авторомъ, стоитъ того, чтобъ на него обратить вниманіе и стараться объ искорененіи обычая, усиливающаго естественныя неудобства.

Описывая собственно гражданскій бытъ черноморскихъ жителей, книга автора становится удовлетворительнѣе и сообщаетъ дѣйствительно драгоцѣнныя свѣдѣнія. Очень знаменательны извѣстія о томъ, какъ возникали въ Черноморьѣ отдѣльные хутора и вообще ходъ установленія поземельной собственности (стр. 76—82). Здѣсь событія, совершившіяся на памяти нашей и нашихъ отцовъ, слѣдовательно свѣжія, суть повтореніе того, на что указываютъ намъ акты, относящіеся къ быту Малороссіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и наводятъ аналогически на разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ вообще въ южнорусскомъ племени. Стремленіе къ обособленію, развитіе личной свободы, выдвиженіе изъ равнаго общества семействъ и образованіе, такимъ-образомъ, зажиточнаго класса, постепенно идущаго къ тому, чтобъ сдѣлаться аристократіею, и, вслѣдствіе этого, оппозиція противъ нихъ общинъ, которыя прежде сами способствовали ихъ возвышенію,—все это черты, составляющія сущность прежней исторіи малороссійскаго племени, объясняемыя и дополняемыя фактами болѣе очевидными, болѣе современными, и потому болѣе для насъ осязательными и вразумительными. Авторъ, правда, только сообщаетъ намъ то, что замѣтилъ въ Черноморьи, не относясь къ прошедшему, не вдаваясь въ аналогію, но описаніе его, сдѣланное ясно и точно, само собою наводитъ читателя, знакомаго съ исторіей малороссійскаго народа, на эту аналогію. Такъ, многое, что совершается въ наше время въ народѣ, исходя изъ его коренныхъ привычекъ, соединенныхъ съ образовавшимся въ древности и установившимся въ теченіи столѣтій взглядомъ, поясннтъ для насъ

прошедшее, которое само по себѣ дошло къ намъ въ неясныхъ образахъ.

Авторъ, знакомя насъ съ главными отраслями сельскаго хозяйства, составляющими источникъ богатства края, представляетъ земледѣліе въ состояніи довольно неважномъ; больше вниманія обращается на скотоводство и рыболовство; производство этихъ хозяйственныхъ отраслей описывается съ любопытными подробностями, хотя бы для спеціальнаго сочиненія о краѣ нужно было представить болѣе подробно и наглядно тѣ особенности, какія отличаютъ мѣстную промышленность (стр. 96). Относительно садоводства и лѣсоводства, г. Попка указываетъ, что Войсковое Правленіе принимаетъ мѣры для развитія этихъ вѣтвей сельской промышленности; для садоводства заведенъ общеполезный разсадникъ на войсковомъ иждивеніи. Но вообще авторъ мало поясняетъ вліяніе такой мѣры: видно только, что эта отрасль идетъ плохо. Выше, говоря о скотоводствѣ, онъ сообщаетъ, что существовали прежде войсковые заводы, конскій и овечій, но, безъ пользы для края, перевелись сами собою. О садоводствѣ авторъ не говоритъ этого, но почти вѣроятно изъ всего хода его описанія, что и въ этомъ отношеніи результаты прямаго попеченія сверху отъ органовъ управленія несостоятельны. Фактъ этотъ повторяется вездѣ. Всякій экономическій промыселъ идетъ тихо, если указывается сверху, и образцы всегда остаются пустою формою. Между тѣмъ, условія Черноморскаго Края, какъ видно, очень выгодны для скотоводства, которое сдѣлалось само-собою главнѣйшею отраслью богатства,—выгодны и для садоводства и виноградниковъ. Что не досказывается авторомъ, то ясно само собою: для поощренія первой отрасли и для успѣшнаго водворенія другой, необходимы—не примѣрные заводы отъ правительства, а частныя предпріятія туземцевъ, которыхъ примѣръ дѣйствительно можетъ увлечь общество, потому-что укажетъ прямую выгоду, добываемую такимъ занятіемъ; тогда-какъ, напротивъ, казенныя попытки, обыкновенно не удающіяся, какъ потому, что въ нихъ форма беретъ верхъ надъ содержаніемъ, такъ равно и потому, что для руководителей недостаетъ близкаго къ нимъ интереса, только могутъ отвратить отъ подражанія. Точно тоже можно сказать о лѣсоводствѣ (стр. 107). Едва ли обычныя, принятыя у насъ повсемѣстно мѣры могутъ способствовать разведенію лѣсовъ, или и сохраненію ихъ, пока не распространится въ народѣ охота и сознаніе нужды ихъ сохранять. Это несравненно легче въ Черноморьѣ

и вообще у малороссіянъ, чѣмъ въ другихъ краяхъ Россіи, потому что малороссъ любитъ деревья, тогда какъ великорусскій крестьянинъ ихъ обыкновенно истребляетъ. Для поддержки и распространенія лѣсоводства нужна тоже предпріимчивость частныхъ лицъ, которыя могутъ показывать дѣло и другимъ. Было бы успѣшнѣе для хозяйства, еслибъ издержки, которыя употребляются на заведенія отъ казны, отъ правительства, отъ общества наконецъ, обратить на поощреніе частныхъ лицъ и предоставить тѣмъ, которые занимаются отраслями промышленности и хозяйства, какія желательно ввести въ краю, наиболѣе льготъ и выгодъ, дабы, такимъ образомъ, пріобрѣтеніе—важнѣйшій стимулъ человѣческой дѣятельности — находило себѣ поощреніе.

Авторъ изображаетъ состояніе промышленности и торговли края въ младенческомъ состояніи. Весь промышленный и торговый оборотъ совершается не туземцами, а захожими, и оттого Черноморье представляется какимъ-то мѣстомъ стеченія разнородныхъ и разноплеменныхъ посѣтителей, въ такомъ множествѣ, что въ годъ перебываетъ тамъ 25 т. чужаго народа. Черноморская торговля сохраняетъ характеръ ярмарочнаго старообразнаго торгашества, мелкаго надувательства купцовъ между собою. Нелюбовь къ торговымъ занятіямъ малороссійскаго народа проявляется здѣсь въ полной степени. Мало исцѣляетъ ее и исцѣлитъ административное образованіе торговыхъ и промышленныхъ обществъ и всякаго рода корпорацій, ибо малороссійскій народъ не любитъ корпорацій, составляемыхъ по опредѣленному заранѣе плану и навязываемыхъ ему. Корпорація примется имъ только тогда, когда она не стѣсняетъ его личной свободы: иначе, если онъ и самъ на нее согласится, то скоро она ему опротивѣетъ своею обязательностью.

Статья о финансовомъ устройствѣ изложена авторомъ недостаточно. Правда, мы въ ней видимъ таблицы и доходовъ и расходовъ, но не знаемъ, какъ и когда возникала каждая статья, что истекаетъ изъ мѣстной жизни, что установлено сверху. Въ разсказѣ объ образованности Черноморцевъ, авторъ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о древней методѣ обученія у духовныхъ лицъ и о знакомствѣ съ черкесскимъ языкомъ, которое дѣти пріобрѣтаютъ въ школахъ посредствомъ сближенія съ учениками изъ Черкесовъ; также любопытна повѣсть о попыткѣ одного Черкеса — дать своему языку литературное развитіе (стр. 160—163). Но г. Попка не сообщаетъ намъ подробностей о томъ, въ какой степени, съ какою охотою, усвоиваютъ себѣ просвѣ-

щеніе Черкесы, какъ пользуются имъ и какія послѣдствія оставляетъ оно на ихъ жизни. Равнымъ-образомъ, авторъ мало распространяется и о томъ, какіе слѣды школьное воспитаніе вноситъ въ жизнь самихъ Черноморцевъ и въ какомъ положеніи находится домашнее воспитаніе. Очень замѣчательно приводимое имъ мнѣніе наказнаго атамана, Рашпиля, о женскомъ воспитаніи: онъ считаетъ ненужнымъ заводить институты, на томъ основаніи, что черноморская женщина, по своему назначенію, не должна набираться барскихъ привычекъ. Мнѣніе — одностороннее; оно справедливо только въ томъ случаѣ, когда женскія заведенія будутъ основываться и поддерживаться въ такомъ духѣ, который, по здравому замѣчанію генералъ-лейтенанта Рашпиля, не годится для черноморскаго общества; но ничто не мѣшаетъ быть имъ основанными въ иномъ духѣ, съ цѣлію болѣе-соотвѣтственною мѣстной жизни.

Вторая часть посвящена военному устройству и быту Черноморья. Авторъ обстоятельно изображаетъ настоящій составъ и распредѣленіе войска, средства его существованія и особенности тамошняго военнаго быта. Послѣднее представлено авторомъ съ большимъ стараніемъ. Изображеніе *пластуновъ* и *плавней* (стр. 241 — 261), кажется, самая лучшая часть всего сочиненія. Жаль, что авторъ, коснувшись исторіи Черноморья, ограничился воспоминаніемъ объ эпохѣ перехода Запорожцевъ на новоселье и не познакомилъ насъ со всѣмъ теченіемъ старой южнорусской жизни, измѣнявшейся въ продолженіи семидесяти лѣтъ подъ другими условіями. Но г. Попка не только оставилъ то, что̀ было бы самымъ любопытнымъ и возбуждающимъ мысль въ его разсказахъ, но еще считаетъ это неважнымъ: «про другое что-нибудь», говоритъ онъ,—«про то̀, напримѣръ, какъ выростали козаки изъ надалицы, какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, т. е. войсковая олигархія, и съ какими вспышками угасало запорожское своевольство—лучше умолчать». Напротивъ, лучше бы авторъ сократилъ свое описаніе церемоній, бывшихъ при современныхъ оффиціальныхъ торжествахъ, да познакомилъ насъ съ тѣмъ, что̀ *ему кажется* маловажнымъ. Также можно пожалѣть, что авторъ не познакомилъ насъ обстоятельнѣе съ нравами, обычаями прежней домашней жизни, оттѣнками языка и народною поэзіею Черноморскихъ Козаковъ. Въ этомъ отношеніи онъ ограничивается только замѣчаніемъ, что Черноморцы—Малороссіяне. И только. Мы мало знаемъ Черноморье, но сто̀итъ только проѣхать по этой странѣ, приглядѣться вскользь къ физіономіи,

житью-бытью жителей, услышать ихъ говоръ, и тутъ можно видѣть, что у нихъ есть нѣкоторыя особенности, составляющія принадлежность одного только Черноморья, и чуждыя Малороссіи.

О вѣрности сообщаемыхъ г. Попкою фактовъ нѣтъ повода сомнѣваться, когда авторъ — природный Черноморецъ, живетъ въ краю и знакомъ со всею мѣстною жизнью, по собственному опыту. Что же касается до вѣрности воззрѣній, то, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, какъ напр. о курганахъ, гдѣ выводы автора произвольны, — въ книгѣ его не видно ни парадоксовъ, ни ошибочныхъ выводовъ; но вообще она и не отличается взглядами, будучи болѣе послѣдовательною цѣпью разсказовъ о разныхъ сторонахъ жизни Черноморья.

Изложеніе книги живо и легко, но страдаетъ подъ-часъ неумѣстными притязаніями показать автора человѣкомъ ученымъ, пренебрегающимъ ученую форму. Отсюда совсѣмъ не кстати приводятся латинскія выраженія, какъ-будто въ насмѣшку надъ учеными, пишущими по-латынѣ, какихъ, сколько извѣстно, у насъ и нѣтъ.

Изъ этого обзора ясно, что сочиненіе г. Попки любопытно и полезно, пока нѣтъ никакого иного описанія Черноморья; но еще нельзя не пожелать другого сочиненія о краѣ и его населеніи, обратившихъ на себя, въ послѣднее время, особенное вниманіе и правительства и общества.

Н. Костомаровъ.

ГОВОРИЛЪ ЛИ ПОЛУБОТОКЪ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ РѢЧЬ, ПРИВОДИМУЮ КОНИССКИМЪ?

Исторія Конисскаго, какъ извѣстно, заключаетъ въ себѣ немало ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ; обвинять строго за это знаменитаго архипастыря было бы не справедливо. Виновато тутъ больше время и, отчасти, та горячая любовь къ народу, которая руководила Конисскимъ въ его трудѣ. Дѣло нашего времени указать эти ошибки, но указывать ихъ нужно sine ira et studio.

Къ такимъ ошибкамъ Конисскаго принадлежитъ, между-прочимъ, и тотъ радужный цвѣтъ, который онъ придалъ личности Павла Полуботка. Онъ приписываетъ ему, какъ извѣстно, такія гражданскія доблести, передъ которыми потомство, по-справедливости, не могло не преклоняться. Теперь открытые историческіе факты показываютъ, что потомство въ этомъ случаѣ введено было въ ошибку. При всемъ своемъ умѣ, — въ послѣднемъ отказать ему нельзя, — Полуботокъ дѣйствовалъ нисколько не лучше современнаго ему панства и позволялъ себѣ такія же насилія, какъ и послѣднее (1). Со временемъ, вѣроятно, откроется еще болѣе подробностей объ этой сторонѣ нашей общественной жизни, и мы поймемъ, какимъ образомъ нажилъ Полуботокъ тѣ огромныя богатства, списокъ которыхъ сохранился до нашего времени (2).

Разсказывая о заключеніи Полуботка съ товарищами въ Петербургскую крѣпость, въ 1723 г., Конисскій говоритъ, что къ этому наказанію присудилъ ихъ судъ Тайной Канцеляріи и что когда укра-

(1) Записки о Южной Руси, II, 348.

(2) Мы видѣли этотъ замѣчательный списокъ у Гр. Ал. Милорадовича; въ настоящее время онъ, кажется, переданъ имъ О. М. Бодянскому, для напечатанія.

инцамъ объявленъ былъ приговоръ (вѣчное заточеніе и лишеніе имѣній), то Полуботокъ сказалъ при этомъ Петру Великому рѣчь, которую затѣмъ и приводитъ (1). Извѣстная эта рѣчь и была собственно причиною того ореола, въ которомъ мы привыкли представлять себѣ личность Полуботка. И не мудрено: будь она дѣйствительно сказана послѣднимъ, то въ ней одной явилъ бы онъ замѣчательный подвигъ гражданина. Но дѣло было не такъ; рѣчь эта сочинена, вѣроятно, самимъ Конисскимъ, и на Полуботка взведена тутъ напраслина. Это видно будетъ изъ слѣдующаго разсказа.

Послѣ измѣны Мазепы, участь Гетманщины была рѣшена Петромъ. Представляя собою, нѣкоторымъ образомъ, status in statu, она не нравилась ему, конечно, и прежде; теперь же она становилась окончательно опасною. Не будь Карла XII въ то время въ Украинѣ, легко могло случиться, что гетманство Мазепою бы и закончилось; но повернуть такъ круто, при Шведахъ, нельзя было и уничтоженіе Гетманщины отложено до смерти Скоропадскаго. Скоропадскій умеръ. Урядъ гетманскій временно порученъ былъ Полуботку, обще съ Генеральною Старшиною, съ тѣмъ, чтобы они «во всѣхъ дѣлахъ, совѣтахъ и въ разсылкѣ универсаловъ имѣли сношеніе съ бригадиромъ Вельяминовымъ» (2); избраніе же гетмана императоръ отлагалъ до своего возвращенія изъ персидскаго похода. Не дождавшись возвращенія, Полуботокъ, въ январѣ 1723 г., отправилъ въ Петербургъ Грабянку съ товарищами — просить сенатъ объ ускореніи избранія. Просьба эта, разумѣется, осталась безъ отвѣта. Между тѣмъ, Вельяминовъ дерзкимъ своимъ обращеніемъ выводилъ изъ терпѣнія Генеральную Старшину и Полуботокъ послалъ государю жалобу (3). Узнавъ объ этомъ, Вельяминовъ самъ отправился въ Петербургъ и передѣлалъ дѣло такъ, что привезъ оттуда указъ, предписывавшій Полуботку, Чарнышу (генерал. судьѣ) и Савичу (генер. писарю) прибыть немедленно въ Петербургъ (4). Передъ отъѣздомъ, Полуботокъ отправилъ туда, совершенно некстати, новую челобитную о гетманствѣ. Всѣ эти просьбы

(1) Источникомъ для всего этого разсказа (Исторія Русовъ, 228) послужило, видимо, словесное преданіе, почему онъ и невѣренъ. Ср. Бант. Кам., III, 146.

(2) Бант. Каменскій, III, 142.

(3) Т. же, примѣч. 204.

(4) *Черниговская Лѣтопись*, по списку сообщенному намъ Тр. С. Тупицею, который значительно полнѣе противъ напечатаннаго г. Н. Бѣлозерскимъ (Южнорусскія Лѣтописи, 1855).

и жалобы, усложняя собою вопросъ, сильно не нравились Петру; къ нимъ прибавилось еще дѣло объ овцеводствѣ (1) и Полуботку трудно уже было сдобровать.

5 августа, онъ прибылъ въ Петербургъ и какъ дѣйствовалъ здѣсь, сколько подалъ просьбъ въ разныя мѣста, можно видѣть изъ журнала, приводимаго Бантышъ-Каменскимъ (2). Императоръ разгнѣванъ былъ окончательно. Черниговская лѣтопись говоритъ, что «тогожъ часу (какъ поданы были просьбы) наряженъ и посланъ на Украину лейбъ-гвардіи маіоръ преображенскаго полку, Александръ Ивановичъ Румянцовъ, для спросу Старшины и чернѣ малороссійской о тѣхъ челобитныхъ—чи всѣ о томъ вѣдаютъ и просятъ *и уже съ того числа видѣли быть монарху загнѣванного.*» Царское терпѣніе переполнялось.

На Украинѣ, въ это время, Апостолъ подбивалъ Старшину послать новую челобитную объ избраніи гетмана (3), кажется, также разсчитывая на булаву, какъ и Полуботокъ. Челобитная была написана, но почему-то Апостолъ отправилъ ее не тотчасъ: послана она была царю только мѣсяца черезъ два, когда не знали что́ дѣлать и съ Полуботковыми. Этой новой челобитной, заключавшей въ себѣ къ тому жъ *досадные термины* (4), было достаточно для вспышки: «прислана изъ Украины», говоритъ черниговская лѣтопись, «отъ полковника миргородскаго Данiила Апостола и отъ всего войска малороссійскаго, за подписомъ рукъ всей полковой и сотенной старшины и товариства бунчукового и значкового, другая челобитная, съ Коломаку, чрезъ канцеляриста Ивана Романовича, въ Питербургъ; которое, когда тотъ канцеляристъ подалъ до рукъ самому Императорскому Величеству, зъ церкви св. Тройцы (5), по службѣ Божой, идучому, поевря 10 числа, такъ заразъ въ кофейный домъ увойшовши (6) и вычитавши, и вышедши зъ того дому, *тогожъ моменту изволилъ приказать своими устами генералъ-маэору и гвардіи преображенского*

(1) Полн. Собр. Св. Закон., 1724 г., іюня 13.

(2) III, 146 и 147.

(3) Дневныя записки Якова Марковича, I, 24.

(4) Т. же.

(5) Въ Измайловскомъ полку.

(6) Кофейная находилась близъ церкви; тутъ же, недалеко, на Троицкой пристани, жилъ и Полуботокъ съ товарищами. Кратк. Лѣтоп. Мал. Россіи. изд. В. Рубаномъ 1777 г., стр. 181.

полку маэору Андрею Ивановичу Ушакову, съ великимъ гнѣвомъ и яростію, взять подъ караулъ полковника Павла Полуботка, судію енералного Ивана Чарныша, Семена Савича, писаря енералного, тамъ же при кофейномъ домѣ стоявшихъ, и всѣхъ хто за ими ассистовалъ, отъ которыхъ и отъ всѣхъ отвязавши своими руками шабли, тотъ же енералъ Ушаковъ велѣлъ всѣхъ попроводити въ замокъ мурованій питербургскій» (1). Вотъ разсказъ, если не очевидца, то записанный со словъ его, ясно говорящій, при какихъ обстоятельствахъ арестованъ былъ Полуботокъ. О рѣчи тутъ не могло быть и помину.

Въ другихъ лѣтописяхъ заключеніе Полуботка записано такъ: 1) «Полковникъ Чернѣговскій съ старшиною енералною самъ треть, позваны въ Петербургъ, гдѣ опослѣ, за *дерзостніе запросы*, взяты подъ арестъ» (2). 2) «Тогожъ року (1723) зимою, *дерзновенными запросами* полковникъ Черниговскій Полуботокъ съ товарищи, въ Санктпетербургѣ, прогнѣвили его императорское величество и за то взяты тамъ подъ арестъ» (3). Подъ *дерзостными запросами* лѣтописцы именно (4) разумѣли здѣсь тѣ челобитныя, которыя поданы были Полуботкомъ въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что неточное пониманіе этихъ выраженій и подало Конисскому поводъ сочинить эту замѣчательную рѣчь, которая должна быть объясняема общимъ

---

(1) Приводимъ здѣсь и конецъ этого мѣста: «где съ перваго часу порознь были всѣ за карауломъ посажени; потимъ, по 4 человика случени, а далѣй знову, недель у килка, поединцемъ розведени. А взято тогда при главной старшинѣ подъ караулъ, въ замокъ, полковниковъ наказныхъ трохъ: 1) Гадяцкого полкового судію Григорія Грабянку (лѣтописца), 2) Переяславского асаула полкового Ивана Кирпича, 3) Стародубовского, Петра Корецкаго, да бунчукового товарища Димитрія Володковского, канцеляриста войсковой енералной канцеляріи Николая Ханенка, Іосифа Гаврилова, Василія Биковскаго, Стародубовского значкового Стефана Носовича, Чернѣговскаго значкового Ивана Римшу, а слугъ всѣхъ на господѣ, гдѣ стояли, подъ караулъ побрано и всѣ пожитки, у кого що было, сукнѣ и денги одобрано, попечатано и на Шафѣровъ дворъ зопроважено.» Далѣе подъ годомъ 1724: «декаврія 18 преставился въ замку питербургскомъ, подъ карауломъ, полковникъ Чернѣговскій Павелъ Полуботокъ и погребенъ при церкви св. Самсона Страннопріимца, за Малою Невою, декаврія 29 числа». (У Марковича: «преставился 17 декабря, третой годины», I, 61).

(2) Краткая лѣтопись Малороссіи, ркпсь XVIII в.

(3) Краткое описаніе о Мэлой Россіи, ркпсь XVIII в.
Оба списка находятся у насъ.

(4) Почему-же — *именно*? Ред.

обычаемъ писателей того времени — при всякомъ удобномъ случаѣ, влагать въ уста своихъ героевъ пышныя рѣчи. Но Конисскій плохо понималъ характеръ Петра, допуская возможность, чтобъ онъ терпѣливо выслушалъ такую рѣчь... (1)

Ал. Лазаревскій.

---

(1) Считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое замѣчаніе по вопросу, разрѣшаемому въ этой статьѣ. Корыстолюбіе, насилія, въ которыхъ, наравнѣ со многими современниками, обвиняется Полуботокъ, сами-по-себѣ не могутъ опровергнуть мнѣнія, записаннаго Конисскимъ, объ его гражданскихъ доблестяхъ. Въ человѣческой природѣ уживаются величайшія противорѣчія, — самыя, повидимому, противуположныя страсти. Исторія всѣхъ вѣковъ и народовъ представляетъ намъ множество примѣровъ подобныхъ несообразностей; въ повседневномъ быту, мы также очень-часто встрѣчаемъ людей весьма-достойныхъ въ домашней, семейной, жизни, которые вовсе *не похожи на себя* въ дѣятельности общественной, — и наоборотъ. Мы это говоримъ къ тому, что нравственные недостатки Полуботка не могли бы помѣшать ему смѣло высказать Петру свое мнѣніе о тягостномъ положеніи родины и свои личныя претензіи, если наказный гетьманъ дѣйствительно привязанъ былъ къ отечеству и обладалъ сильнымъ характеромъ. Быть-можетъ Полуботокъ не сказалъ рѣчи въ такомъ видѣ, въ какомъ это записано у Конисскаго; быть-можетъ, Полуботокъ и вовсе не говорилъ *рѣчи*, но онъ объяснялся съ Петромъ, но онъ подавалъ бумаги, въ которыхъ высказывалъ обиды, испытываемыя Украинскимъ народомъ и Старшиною, которые остались вѣрны Царю, несмотря на обольщенія Мазепы и его приближенныхъ, и на обаяніе имени Карла. Намъ неизвѣстны подлинныя жалобы, поданныя въ Петербургѣ Полуботкомъ, тѣ дерзостные и *дерзновенные* запросы, о которыхъ говорятъ Лѣтописи: быть-можетъ, въ нихъ мы нашли бы тѣ самыя выраженія, которыя приводитъ Конисскій, и обвинили бы его не за содержаніе, а только за *форму* рѣчи, придуманную имъ-самимъ, въ подражаніе древнимъ историкамъ. — Наконецъ, почему не предположить, что Полуботокъ, не вѣрно понимая характеръ Петра и свои отношенія къ нему, *сочинилъ* и *написалъ* извѣстную рѣчь, но не произнесъ ея?.. Трудно допустить, чтобы Конисскій, разсказывая о такомъ недавнемъ, памятномъ для всѣхъ, событіи, какъ заключеніе Полуботка и прочей старшины, выдумалъ цѣлую рѣчь, ни на чемъ неоснованную. — *Ред.*

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМА г. МАКСИМОВИЧА КЪ г. ПОГОДИНУ О ПАРѢЧІИ МАЛОРУССКОМЪ (1).

Горячо сочувствуя вопросу, рѣшаемому г. Максимовичемъ въ только-что прочитанныхъ мною письмахъ его къ М. П. Погодину, въ 3-й книжкѣ Русской Бесѣды, и имѣя намѣреніе высказать свои замѣчанія,

(1) Помѣщаемое ниже письмо автора къ г. Погодину объясняетъ, почему такъ-поздо является въ печати статья, написанная $4^1/_2$ года тому назадъ. Г. Погодинымъ она была передана г. Костомарову, отъ котораго поступила къ намъ. Помѣщаемъ ее не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а можетъ-быть — и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда — съ одной стороны — Великороссы, а съ другой — Поляки — усматриваютъ въ древней южнорусской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго. Г. Лавровскій весьма часто ссылается на Новгородскія лѣтописи; но вспомнимъ мнѣніе, высказанное недавно г. Костомаровымъ *(Основа,* январь, стр. 143 и 144), о поразительномъ сродствѣ между новгородской и южнорусской народностью. — *Ред.*

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ!

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, 1856 года, я имѣлъ удовольствіе послать вамъ письмо, по прочтеніи доставленныхъ мнѣ кн. Голицынымъ корректурныхъ листовъ письма вашего къ И. И. Срезневскому, напечатаннаго потомъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Академіи Наукъ».

Въ этомъ письмѣ незначительною долею коснулись вы и моего разсужденія, 1852 года, въ которомъ высказалъ я мнѣніе о несуществованіи на югѣ Руси, въ древнее время, парѣчія малорусскаго. Возобновляя это мнѣніе, какъ самый первый его виновникъ, вы, въ упомянутомъ письмѣ къ г. Срезневскому, сдѣлали и упрекъ на счетъ мой и Измаила Ивановича, что такъ невнимательны мы къ столь важному вопросу и не продолжаемъ своихъ занятій парѣчіемъ малорусскимъ.

Упрекъ такой показался мнѣ совершенно несправедливымъ, и въ письмѣ на ваше имя, въ 1856 году, я считалъ обязанностью высказать, что, во первыхъ, званіе профессора славянскихъ парѣчій вовсе еще не служитъ ручательствомъ въ обработкѣ такого предмета, гдѣ главный матеріалъ разсѣянъ въ массѣ народной, на огромномъ пространствѣ, — а средства профессора русскаго университета едва достаточны, чтобы существовать, а не дѣлать, при всей задушевной готовности, ежегодныя экскурсіи по городамъ и деревнямъ ближайшихъ и отдаленныхъ губерній. Харьковъ же, мѣсто моей службы, слиш-

не съ цѣлію отстоять себя или задѣть за живое противника, а единственно съ желаніемъ дойти, по возможности, до истиннаго рѣшенія этого вопроса, я позволяю себѣ прежде всего ограничить предметъ для

комъ *цивилизованный* городъ, чтобы найти хотя какое-нибудь вознагражденіе на его базарахъ и рынкахъ. Во-вторыхъ, тамъ, гдѣ матеріалъ находится подъ рукою, будучи обнародованъ въ печати, профессоры не упускаютъ случая пользоваться имъ какъ можно скорѣе, и, въ доказательство, я указалъ вамъ тогда на свою статью, посланную въ концѣ 1855 года въ Петербургъ. Вотъ слова мои въ письмѣ къ вамъ: «эта статья еще въ ноябрѣ прошлаго года была отправлена въ редакцію журнала министерства народнаго просвѣщенія; быть можетъ, она уже и отпечатана, быть можетъ, вы ее уже и пробѣжали, но какъ я ничего этого не знаю, то и считаю долгомъ выписать изъ нея нѣсколько строкъ заключенія.» Не моя вина, что мои замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи появились въ печати только черезъ четыре года, въ половинѣ 1859-го. Изъ прилагаемаго теперь вамъ оттиска вы увидите, что еще до прочтенія корректурныхъ листовъ вашего письма къ г. Срезневскому, я, на основаніи данныхъ языка, вывелъ заключеніе о ближайшемъ родствѣ южно-русскаго языка съ южно-словянскими, что́ нашелъ вполнѣ возможнымъ объяснить продолжительнѣйшимъ сосѣдствомъ и сожительствомъ южно-русскаго народа съ Сербами и Хорватами въ первобытной ихъ родинѣ, въ Карпатахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ старался подтвердить я и прежнюю свою мысль о несуществованіи на югѣ Руси, до XIII—XIV стол., малорусскаго языка какъ особеннаго отъ великорусскаго.

Между тѣмъ, въ ту пору, какъ статья моя лежала въ неизвѣстности, появились въ Русской Бесѣдѣ и письма къ вамъ г. Максимовича, имѣвшія задачею опровергнуть ваши доводы въ письмѣ къ г. Срезневскому и доказать исконность на югѣ Руси малорусскаго нарѣчія и даже несомнѣнное отраженіе его особенностей въ старинной письменности русской.

Въ отвѣтной статьѣ своей, вы снова упрекнули и Измаила Ивановича и меня въ неучастіи къ вопросу и прямо вызывали насъ на оцѣнку филологическихъ доказательствъ г. Максимовича. Но и въ настоящемъ случаѣ, упрекъ также оказался несправедливымъ. Едва только прочтены были одиннадцать писемъ съ припискою г. Максимовича, какъ уже отвѣтъ мною былъ приготовленъ и тотчасъ же посланъ въ ту же редакцію, въ Петербургъ. Отвѣтная статья ваша появилась въ Харьковѣ мѣсяца черезъ два послѣ этого. Къ немалой досадѣ, и «замѣчанія на письма г. Максимовича» постигла участь нисколько не лучшая, какъ и статью о малорусскомъ нарѣчіи. Мнѣ оставалось лишь удивляться нежеланію редакціи возвратить мою статью и, въ заключеніе, невозможности найти ее въ ней, когда явился я самъ лично туда, во время проѣзда черезъ Петербургъ изъ-за границы, въ ноябрѣ 1860 года.

Во время этого проѣзда имѣлъ я удовольствіе посѣтить и васъ въ Москвѣ. На вашъ вопросъ о малорусскомъ вопросѣ, я въ сжатомъ видѣ сообщилъ все, что́ описываю теперь въ подробностяхъ.

Вы высказали желаніе познакомиться съ моимъ отвѣтомъ г. Максимовичу; съ полною готовностью посылаю его Вамъ и въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ вышелъ онъ изъ-подъ моей руки 8 декабря 1856 года. Позволяю вамъ распорядиться имъ, какъ найдете вы полезнымъ. 10 генваря, 1861 года. *И. Лавровскій.*

своихъ замѣчаній. Такихъ предметовъ два въ письмахъ г. Максимовича: одинъ составляетъ опроверженіе высказаннаго г. Погодинымъ тожества великорусскаго нарѣчія съ церковнославянскимъ, другой — опроверженіе также тожества сѣвернорусскаго и южнорусскаго нарѣчій въ древнее время, до XIII вѣка, или иначе—опроверженіе мысли, будто малорусскаго нарѣчія вовсе не извѣстно въ древней южной Руси, будто оно появилось въ ней только послѣ погрома Татарскаго, съ запада, съ Карпатовъ, съ Волыни и Подоліи, вмѣстѣ съ колонизаціею народа на востокъ въ опустошенныя страны. Перваго предмета я не намѣренъ касаться вовсе, признавая въ глазахъ каждаго филогога не сомнѣнно очевиднымъ отличіе нарѣчій церковнославянскаго и древнерусскаго и невозможность отожествленія ихъ; имѣю въ виду лишь второй предметъ, и то одну часть его, именно: отразилось, или нѣтъ, въ письменности русской, въ давнее время, нарѣчіе малорусское, и въ чемъ оно могло положительнѣе и убѣдительнѣе всего высказаться. Разселеніе малороссіянъ съ запада на востокъ оставляю въ сторонѣ.

Г. Погодинъ, повторяя отзывы объ этомъ изъ приводимыхъ имъ изслѣдованій въ письмѣ къ г. Срезневскому, не только согласился съ ними, но и прибавилъ, что и самъ онъ, собственнымъ своимъ чтеніемъ памятниковъ, дошелъ до того убѣжденія, что въ этихъ памятникахъ, хотя писанныхъ и на югѣ, нѣтъ рѣшительно ничего что́ бы говорило положительно въ пользу нарѣчія малорусскаго. Г. Максимовичъ, считавшій для себя почему-то неумѣстнымъ возражать противъ этой мысли прежде, высказанной еще въ 49 году, быть можетъ, потому, что за мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ топоромъ, въ 56 году, съ обнародованіемъ письма г. Погодина, прервалъ свое молчаніе и, въ письмахъ съ припиской представилъ свои опроверженія положеній г. Погодина и доказательства противнаго, что малорусское нарѣчіе исконно, что и въ первыхъ произведеніяхъ письменности, хотя и церковнославянской въ основѣ, оно выразило себя отличительными чертами. Вѣроятно, филологи порадовались предѣлу молчанія г. Максимовича по этому вопросу; да и нельзя не порадоваться тому, кто высказываетъ убѣжденія не ради заманчивости новизны, не для краснаго словца, а съ мыслію и желаніемъ добраться до настоящаго толку въ изслѣдуемомъ вопросѣ и уяснить дѣло такъ, какъ оно дѣйствительно было, а не какъ оно могло быть, или какъ намъ бы хотѣлось, чтобъ оно было. Безъ противорѣчія же, безъ опроверженія, достигнуть этого желанія трудно; молчаніе въ подобномъ случаѣ мо—

жетъ скорѣе повредить, давъ собою новую опору стоять за справедливость мнѣнія высказаннаго, иногда быть можетъ и наскоро и безъ глубокаго сознательнаго убѣжденія.

И г. Максимовичъ пятилѣтнимъ молчаніемъ своимъ только остановилъ вопросъ на цѣлыя пять лѣтъ. Радуясь съ другими разрѣшившемуся языку г. Максимовича, хотя и не какъ привйллегированный филологъ, а какъ живо сочувствующій дѣлу, я съ жаромъ и съ сильнымъ любопытствомъ пробѣжалъ его письма и тутъ же взялся за бумагу и перо, чтобы не дать остыть своему жару и немедленно передать свои замѣчанія.

Скажу прежде всего нѣсколько словъ о способѣ, какимъ, по моему разумѣнію, возможно при настоящемъ вопросѣ доказывать то или другое, существованіе или отсутствіе въ южной Руси нарѣчія малорусскаго въ древнее время. Страннымъ показалось мнѣ, да, думаю, не менѣе страннымъ покажется и другимъ, что г. Максимовичъ, которому въ извѣстности по филологіи, конечно, никто не рѣшится отказать, опровергая своего друга—академика, въ число доказательствъ помѣстилъ и нѣсколько словъ изъ древнихъ южно-русскихъ памятниковъ, какъ исключительно малорусскихъ и, слѣдовательно, своимъ присутствіемъ указывающихъ на существованіе малорусскаго нарѣчія и въ древнее время. Какъ историкъ, г. Погодинъ, естественно, могъ поражаться при чтеніи южной лѣтописи и другихъ произведеній южной древней литературы подборомъ словъ, которыя, тамъ-сямъ, разбросаны *всѣ* и въ памятникахъ сѣверной литературы и между которыми не отозвалось ни одно чѣмъ-либо, только или по преимуществу, малорусскимъ; въ силу этого впечатлѣнія, онъ счелъ себя въ правѣ, между прочимъ, взять во вниманіе и это обстоятельство,—отсутствіе исключительныхъ словъ малорусскихъ,—какъ подтвержденіе своего положенія о несуществованіи, въ южной Руси, до XIII вѣка, нарѣчія малорусскаго. Но чѣмъ могъ поражаться историкъ, то, въ глазахъ филолога, можетъ не вести иногда ни къ какому результату. Составъ языка, разумѣя подъ этимъ его лексиконъ, въ самобытной основѣ своей, въ корняхъ словянскихъ, есть общее достояніе цѣлаго племени. Поэтому, причислять то или другое, чисто-словянскаго происхожденія, слово одному поколѣнію, нарѣчію, и отнимать его у другихъ или у другаго, для всей исторической жизни языка, уже по одному этому разсужденію, было-бы крайне неосторожно, неосновательно; а, принимая въ соображеніе словари древнихъ памятниковъ по нарѣчіямъ и

областныя рѣченія, въ которыхъ чѣмъ внимательнѣе изслѣдываютъ ихъ, тѣмъ больше и больше открывается словъ и древнѣйшихъ и общихъ съ другими родственными нарѣчіями, хотя и забытыхъ въ языкѣ книжномъ, литературномъ,—и несправедливо. Какая можетъ быть порука для филолога утверждать исключительную принадлежность, съ отдаленнѣйшихъ поръ, нарѣчію извѣстнаго слова, несомнѣнно славянскаго происхожденія? Рѣшительно никакой. Но изъ этого основнаго состава, корней, развиваются семьи словъ, для выраженія понятій болѣе частныхъ или ихъ оттѣнковъ, чрезъ приставки, окончанія или сложенія двухъ, трехъ и болѣе словъ; способъ такого развитія представляетъ уже различіе по нарѣчіямъ, которое можетъ и должно-быть принято въ соображеніе для ихъ характеристики. Но основный составъ языка, общій цѣлому племени нѣкогда, не можетъ оставаться навсегда единственнымъ его богатствомъ, со стороны лексической; при самобытномъ развитіи народа, при увеличеніи и усовершенствованіи его понятій, языкъ можетъ легко обойтись безъ заимствованій, какъ это дѣйствительно и бываетъ, вырабатывая изъ основнаго матеріала, посредствомъ свойственныхъ ему способовъ, новыя слова, для выраженія возникшихъ новыхъ понятій.

Но—съ одной стороны, неизмѣннымъ, постояннымъ, самобытнымъ развитіемъ едва-ли можетъ похвалиться какой-либо народъ, не исключая и Китайцевъ, съ другой—и при немъ, въ слѣдствіе близкаго сосѣдства съ иными народами, въ слѣдствіе общенія съ ними, враждебнаго или дружелюбнаго, весьма естественъ переходъ словъ и чужихъ. Такъ и у народовъ славянскихъ могли появиться въ словарѣ рѣченія иноземцевъ, смотря потому, кто былъ ихъ сосѣдомъ, и въ этомъ отношеніи, при обширной разселенности Славянъ, при разнородности сосѣдей для отдѣльныхъ поколѣній должно было произойти различіе и въ составѣ лексическомъ; могло оно быть на сѣверѣ и югѣ Россіи, въ силу того же различія сосѣдства. Но неужели же филологъ, на этомъ основаніи, рѣшится заключать и о различіи нарѣчій? Неужели же южно-русскій языкъ до XIII—XIV столѣтія должно почитать отличнымъ нарѣчіемъ отъ сѣвернаго, между прочимъ, и потому, что въ немъ попадаются, напримѣръ, слова половецкія, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ? Въ такомъ разѣ, придется считать за отдѣльныя нарѣчія и многіе областные говоры великорусскаго нарѣчія, между которыми также разнообразная народность сосѣдей оставила и различные слѣды: на востокѣ есть слова неизвѣстныя вовсе на западѣ и въ срединѣ Великой Россіи, и наоборотъ. Нѣтъ, лексиконъ, въ

этомъ случаѣ, не приведетъ ни къ какому результату, доказательствомъ чему да послужатъ намъ доказательства изъ него самого г. Максимовича. Между очевидными въ его глазахъ малорусскими словами приведены: 1) *отпровадить*. Малороссійскому нарѣчію, говоритъ г. Максимовичъ (стр. 109), вполнѣ свойственны глаголы: *провáдити, запровáдити, отпровáдити, препровáдити* и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ «*допровáдимъ* съ куплею ихъ поздорову,—въ Кіевской лѣтописи «*отпровáдя* Половци»,—въ Волынской лѣтописи «*препровáдиша* рѣку лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право (!!) сказать, что это писано по нарѣчію малороссійскому.» Ежели бы и дѣйствительно на сѣверѣ не нашлось всѣхъ этихъ словъ въ настоящее время, то и тогда не имѣли бы мы не только полнаго, но и никакого права утверждать, что ихъ не было и въ старину; но относительно приведенныхъ глаголовъ положительно отнимаетъ всякое право на подобный приговоръ господство ихъ понынѣ и въ нарѣчіи великорусскомъ. Какъ уроженцу сѣверному, тверскому, привыкшему съ малыхъ лѣтъ и слышать и употреблять иногда самому эти глаголы, для меня изумительнымъ показалось исключительное присвоеніе ихъ нарѣчію малорусскому. Еслибы г. Максимовичъ справился съ академическимъ, 1847 года, словаремъ, не говорю уже объ областномъ, то, навѣрное, удержался-бы отъ такого приговора, увидѣвъ, что *провадить* и *отпровадить*, и такъ далѣе, вполнѣ употребительныя слова на сѣверѣ, даже и не какъ только областныя. Ссылка же на опечатку въ письмѣ г. Погодина, гдѣ вмѣсто *отпровáдя* напечатано *отпроводя*, какъ на свидѣтельство несвойственности корректору–великороссіянину произношенія *отпровáдя*, конечно, г. Максимовичемъ сдѣлана для возбужденія улыбки или въ наставленіе корректорамъ, чтобы впередъ были внимательнѣе къ своему дѣлу; думаемъ, что почтенный филолъ ъ серьезно не станетъ же разсматривать книжныхъ опечатокъ, какъ признаковъ нарѣчія или говора. 2.) «Что же касается до слова *хрестъ*, то малороссійское нарѣчіе постоянно удерживаетъ въ немъ звукъ Х, вмѣсто К: *хрестный, хрещеный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины, водохрещи, средохрестная недѣля*. И такъ, если мы въ Кіевской лѣтописи читаемъ: *хрестъ, водохрещи* (тамъ же подъ 1118 г.), *средохрестная недѣля* (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать, что это написано по малороссійски. Въ Кіевской лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша *хрестъ* на немъ»; то же самое въ суздальской (лав-

рентьевской) лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ *крестъ*.» Хотя здѣсь дѣло идетъ вовсе не о словѣ, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ, безъ исключенія, всѣмъ Славянамъ, а о звукѣ *х* вм. *к*.; но какъ приведено оно авторомъ писемъ, и приписки, въ числѣ словъ, то мы и не нарушаемъ порядка, и скажемъ только о звукѣ. Какъ въ южной Россіи, такъ точно во всѣхъ частяхъ и сѣверной, русскій народъ въ произношеніи слова *крестъ* и его сложныхъ и производныхъ не употреблялъ и не употребляетъ обыкновенно звука *к*, а постоянно *х*, равно какъ и въ словѣ *кто*. О нынѣшнемъ произношеніи *хрестъ* сѣвернымъ народомъ русскимъ, какъ обыкновеннымъ, считаю излишнимъ и говорить; что же до времени древняго, то пусть г. Максимовичъ обратитъ вниманіе на грамоты сѣверно-русскія или другія, отъ XIII столѣтія и позднѣе; въ нихъ увидитъ онъ почти постоянное употребленіе *хрестъ*, а не *крестъ*. Сопоставленіе Кіевской лѣтописи съ Лаврентьевской тоже неумѣстно, въ приведенномъ случаѣ, потому что какъ въ первой далеко не вездѣ пишется *хрестъ*, такъ и въ послѣдней, сравнительно, рѣже читаемъ *крестъ*. Для примѣра въ Кіевской лѣтописи привожу: «и чѣлова Святославъ *крестъ* съ братомъ своимъ Игоремъ, а наутрѣи день чѣловаста Володимеръ, Изяславъ съ Игоремъ, и тако ящася вси, рекуще: кто съступитъ *крестьецѣлованье*, дась *крестъ* взомьстить (подъ 1142 годомъ; сравн. *крестъ* и *крестецъ*, подъ 1152 год., на страницѣ 72, и множество другихъ); въ Лаврентьевской: *хрестъ* еси ко мнѣ цѣловалъ (подъ 1127 г. сравн. 1037, и множество другихъ). Встрѣчаемое въ Волынской лѣтописи малороссійское слово *господа* (стр. 131) жило, во всей силѣ, въ древнее время и на сѣверѣ, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, справившись въ словаряхъ къ новгородскимъ лѣтописямъ и пробѣжавши хоть двѣ-три грамоты новгородскихъ, въ собраніи Румянцева. Правда, что на сѣверѣ съ этимъ словомъ соединялось нѣсколько другое значеніе; но, вѣдь, и значеніе словъ имѣетъ свою исторію, чего, увѣрены, не отвергаетъ и г. Максимовичъ; забыться же впослѣдствіи оно могло также, если только дѣйствительно всюду забылось, какъ забыли малороссіяне, по свидѣтельству самого же г. Максимовича, слово *хоробрый* (стр. 129.) Въ числѣ словъ малороссійскихъ поставлено и слово *тяну, тянути*,» въ которомъ великорусскоэ нарѣчіе издревле выпускаетъ звукъ *г*—тяну, тянуть» (стр. 133). Положеніе о выпускѣ *г* издревле, въ глаголѣ *тячуть*, на сѣверѣ высказано такъ положительно, какъ бѫдто авторъ его намѣренно для этой

особенности перечиталъ всѣ памятники гражданской письменности сѣвера. Такъ-какъ и здѣсь дѣло касается не слова, а формы его, которая можетъ служить характеристикой нарѣчія, то мы и приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ грамотъ сѣверныхъ, отличающихся вполнѣ народнымъ языкомъ, гдѣ форма *тянути* обыкновенна, и только одна она, а не *тянути*: кто купець, тотъ въ сто, а кто смердъ, а тотъ *потянетъ* въ свой погостъ (Собр. госуд. грам. и догов. Румянцева, I, № 3, 1270 г.); и что сельцо *тянуло* къ тымъ свободамъ, того всего тобѣ съступитися (тамъ-же, № 6, 1305; сравн. тамъ-же, №№ 7, 8). А кто... къ святому Спасу не *тянетъ* (тамъ-же, № 11, 1307 год.); а кто живетъ въ Новоторьскомъ уѣздѣ... а тѣ потягнуть къ Торжьку (там. 1318 г. № 14). И въ лѣтописяхъ новгородскихъ, языкъ которыхъ также постоитъ за свою народность, форма *тянути* единственно употребительна (сравн. словари къ лѣтописямъ новгородскимъ). И такъ, лексиконъ бездоказателенъ и подъ рукою г. Максимовича, какъ ничего не доказываетъ онъ и среди доказательствъ г. Погодина. Оставимъ же его на этотъ разъ въ покоѣ и повторимъ коротко сказанное, что важность лексикона заключается въ опредѣленіи богатства понятій народа, степени сохраненія имъ до поздѣйшаго времени, или забвенія, старины и, наконецъ, степень вліянія на него, намѣреннаго или ненамѣреннаго, чуждой народности; для характеристики же нарѣчій или говоровъ находится другое мѣрило, болѣе вѣрное и скорѣе ведущее къ цѣли—словообразованіе, звуки и формы въ склоненіи и спряженіи. Я не исключаю и синтаксисъ, потому что и онъ, говоря вообще, одинаковъ у цѣлаго—племени; въ этой одинаковости-то словосочиненія всего нагляднѣе и отражается родственность происхожденія, единство въ устройствѣ духовной природы, отсюда—и въ способѣ мышленія, съ которымъ неразрывно связано и словосочиненіе. Безспорно, что съ теченіемъ времени мы замѣчаемъ немало отличія и въ немъ, по разнымъ поколѣніямъ славянскимъ; но это различіе также легко опредѣлить, какъ и въ словарѣ отчислить слова несвоебытнаго происхожденія. Труднѣе подчиняется чужеземному вліянію эта сторона языка, болѣе продолжительное требуется время и болѣе усиленное вліяніе для ея измѣненія, чѣмъ для пріема словъ, входящихъ въ народъ часто незамѣтно и невольно; тѣмъ не менѣе не освобождена и она совершенно отъ уклоненія отъ роднаго своего строя. Доказательствомъ могутъ быть нарѣчія лужицкое и чешское, въ синтаксисѣ которыхъ во многомъ отзывается вліяніе

нѣмецкое. Отдѣлите это чужеземное вліяніе, и вы получите ту же свободу въ словорасположеніи, которою владѣетъ весь славянскій народъ, въ силу продолжающагося еще обилія формъ, дающаго полную возможность выражать словами понятія въ порядкѣ ихъ зарожденія въ головѣ. Тамъ, гдѣ ослабѣли и во многомъ исчезли формы, какъ въ языкахъ западныхъ, почувствовалась, естественно, необходимость и опредѣленнаго порядка въ словорасположеніи, безъ котораго мысль будетъ темна, потому—что внѣшнее выраженіе ея будетъ представляться наборомъ словъ, лишенныхъ связи, опредѣляемой такъ отчетливо у Славянъ обильными формами склоненія и спряженія. Такъ-какъ на словообразованіи г. Максимовичъ не остановился, указавъ нѣсколько чертъ въ звукахъ и формахъ этимологическихъ, и какъ мы имѣемъ въ виду лишь сдѣлать замѣчаніе на его положенія, а не подробно изслѣдовать вопросъ, то и обратимся прямо къ его доказательствамъ. Но и при этомъ нельзя обойтись безъ общаго разсужденія.

Признавая малорусское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значитъ, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нею и исторіи нарѣчій. Въ этомъ случаѣ, онъ впалъ въ противорѣчіе самъ съ собою, конечно, и не замѣчая этого. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣлая вполнѣ мнѣніе Шафарика (см. стр. 87), повторенное и нѣсколько-распространенное въ образцовомъ сочиненіи О. М. Бодянскаго, что «*чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу*, хотя, какъ показываетъ исторія и новѣйшія изслѣдованія, и при всемъ родствѣ и сходствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ,» онъ, т. е. г. Максимовичъ, силясь пріурочить *всѣ* современныя особенности малорусскаго нарѣчія и древнѣйшему времени, тѣмъ-самимъ ставитъ его, по отношенію къ другимъ родственнымъ нарѣчіямъ, на ту же степень отдѣльности, на какой находится оно и въ настоящую пору—и, слѣдовательно, отвергаетъ то, съ чѣмъ соглашается, будто: «чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія славянскія ближе другъ къ другу.» Конечно, гг. Шафарикъ и Бодянскій, равно и всѣ знакомые непосредственно съ источниками славянской письменности, выводятъ такую мысль изъ историческаго времени, потому-что для доисторической поры нѣтъ основаній; слѣдовательно, и въ историческую пору, хотя и обнаружилось уже

въ первыхъ произведеніяхъ письменности славянской отличіе, все-таки была большая близость нарѣчій, а слѣдовательно, нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность нынѣ того или другаго нарѣчія, и не существовала въ XI в., въ противномъ случаѣ, нечего и утверждать большей близости нарѣчій въ-древности. Поэтому, и малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде. Да и странно было-бы настаивать на противномъ. Въ природѣ все подвержено измѣненію, какъ гласитъ мысль старая, избитая, хотя и справедливая; какъ же обрекать на неизмѣнность, въ теченіе десяти хоть вѣковъ, языкъ, живой органъ мысли человѣка, которая подвержена такимъ быстрымъ переворотамъ, вслѣдствіе переворотовъ въ самой жизни народа? Но намъ нѣтъ нужды останавливаться на теоріяхъ, когда подъ руками имѣется огромное множество фактовъ. Развѣ за три-четыре вѣка французкій языкъ былъ точно такой же, какимъ говорятъ французы теперь? Развѣ не во многомъ отличается и языкъ нѣмецкій въ средневѣковой письменности отъ современнаго? Зачѣмъ же стѣснять свободу языка славянскаго? Нѣтъ, и онъ не всегда былъ такимъ, какимъ знаетъ его нынѣ 80 милліоновъ его владѣтелей; и хотя существенно отличительныя черты нарѣчій высказались давно, но долго и послѣ этого гораздо болѣе хранилось общаго, чѣмъ теперь. Та же письменность, которая даетъ право на признаніе отдѣльности нарѣчій издавна, доказываетъ и неразвившіяся еще позднѣйшія особенности и сохраненіе многаго общаго, погибшаго впослѣдствіи. Возьмите нарѣчіе чешское, судьбу котораго можно прослѣдить съ отдаленныхъ временъ, вслѣдствіе уцѣлѣвшаго длиннаго ряда памятниковъ, и взгляните на него хоть въ XIII столѣтіи. Вы увидите въ немъ и двойственное число, и прошедшее на *хъ*, и достигательный видъ, и отсутствіе звуковъ двогласныхъ, напримѣръ, *оu*, немножко повыше въ древность, — несуществованіе и шелеватаго *р*, увидите и многое другое древнее, въ чемъ легко убѣдиться, пробѣжавши опытъ старочешской грамматики достоуважаемаго Шафарика. Все это, приведенное мною, или не существуетъ теперь вовсе, будучи замѣнено другимъ, или осталось въ видѣ отрывковъ, иногда въ званіи провинціализмовъ; такъ, прошедшее на *хъ* живетъ въ одномъ словѣ *быхъ (bych)*; двойственнаго числа лишь остатки, которые открываютъ и на святой Руси. Потерянъ и *рь*, явилось и *оu*, и такъ далѣе.

Тоже, и въ то же время, находимъ и въ хорватскомъ нарѣчіи, не-

знающемъ нынѣче также ни прошедшаго на *хъ*, ни двойственнаго, ни многаго другаго. Даже въ польскомъ языкѣ, при всей бѣдности письменности въ-древности, можно отдѣлить нѣсколько свойствъ старинныхъ славянскихъ, между прочимъ и прошедшее на *хъ*, какъ въ псалтырѣ Маргариты, и двойственное, тамъ же и въ позднѣйшихъ памятникахъ языка, въ 15 столѣтіи. Первое употреблялось и въ 16 вѣкѣ, въ словѣ *bych*, послѣднее является довольно часто, и въ 3—хъ формахъ падежныхъ, у писателей польскихъ еще въ XVII вѣкѣ. А между тѣмъ, всѣ эти нарѣчія, въ то же самое время имѣли уже и выражали въ письменности и особенныя свои черты. Напримѣръ, Чешское имѣетъ уже и въ судѣ Любушиномъ: *z* изъ смягченнаго *d*, *c* изъ смягченнаго *t*, и такъ далѣе. Привожу все это съ цѣлію показать, что появившіяся отличительныя свойства нарѣчій не исключаютъ собою и многаго, многаго общаго въ старину, что́ потомъ замѣнилось новымъ, сдѣлавшимся иногда тоже отличительнымъ свойствомъ нарѣчія, потому-что каждое изъ нихъ руководилось при замѣнѣ своими условіями.

Такъ было и въ русскомъ языкѣ. И онъ обнаружилъ свои черты, выказавшіяся и въ письменности. И эти-то обнаружившіяся черты дали полное основаніе гг. Шафарику и Бодянскому высказать приведенную выше мысль объ отдѣленіи, наряду съ другими нарѣчіями славянскими, и русскаго. Но ни тотъ, ни другой, безъ-сомнѣнія, вовсе не думали уничтожать въ древнемъ русскомъ языкѣ продолжительнаго храненія нѣкоторыхъ звуковъ и формъ древнихъ, болѣе сближавшихъ тогда нарѣчія славянскія, а потому еще менѣе думали пріурочивать древности всѣ нынѣшнія особенности языка русскаго. Теперь мы можемъ ближе подойти и къ главному вопросу,—къ отдѣленію нарѣчія малорусскаго. Отличительныя черты русскаго языка выдѣлились издавна: это безспорно. Письменность, въ которой онѣ и могли только выразиться въ то время, для насъ потомковъ, была на югѣ и сѣверѣ; слѣдовательно, въ южной и сѣверной письменности и должно искать количество и качество этихъ выразившихся чертъ отдѣльныхъ. Значительнѣйшая часть ихъ приведена и г. Максимовичемъ, къ которому и пустъ обратятся читатели и прочитаютъ письмо четвертое, хоть до половины страницы 103. Коротко, черты эти слѣдующія: *ж* вм. *жд* церк.-слав., развившееся изъ смягченія *д; ч* вм. *шт* или *щ* церковнославянскаго, развившееся изъ смягченія *т;* два *о* и два *е* вмѣсто одного *а* или *ь* послѣ *л* и *р* (*глава — голова, млько —*

молоко, жребій — жеребій и другіе); *о* и *е* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ъ* и *ь*; *у* и *я* вмѣсто древнихъ церковнославянскихъ *ѫ* и *ѧ*; *о* вмѣсто *е*, вначалѣ словъ, какъ: *осень* вмѣсто церковнославянскаго *есень*; несуществованіе удвоенія гласныхъ въ склоненіи прилагательныхъ опредѣленныхъ и въ прошедшемъ несовершенномъ на *хъ*.

Эти особенности, въ одинаковой степени принадлежащія и понынѣ югу и сѣверу Россіи, слѣдовательно, всему языку русскому, господствуютъ зачастую и въ произведеніяхъ письменности древне-русской, назначаемой для церкви, какъ въ поученіяхъ и проповѣдяхъ; еще болѣе употребительны въ лѣтописяхъ и почти исключительны въ грамотахъ и другихъ актахъ правительственныхъ. Какъ особенности роднаго говора, глубоко издавна укрѣпившіяся въ языкѣ, онѣ попадаются нерѣдко и въ спискахъ памятниковъ церковныхъ, появившихся вначалѣ внѣ Россіи и переписанныхъ русскими людьми. Наряду съ ними, попадаются во всѣхъ тѣхъ же произведеніяхъ и замѣна церковнославянскаго *ѣ* посредствомъ *и*, и наоборотъ, что̀ указываетъ прямо на древность этого свойства, развитаго понынѣ на югѣ Россіи и присущаго значительной части сѣвера, именно рѣчи новгородской. Не освободились тѣ же памятники, писанные на сѣверѣ, въ области новгородской или новгородцами, и отъ исключительной особенности этой рѣчи, взаимной мѣны звуковъ *ц* и *ч*. Такая мѣна принадлежитъ въ большомъ количествѣ и памятникамъ церковнославянскимъ, начиная съ XI столѣтія. Вотъ—что̀ высказалось въ древнѣйшемъ русскомъ языкѣ своего особеннаго, неотвергаемаго и г. Максимовичемъ. Но, вѣдь, во всемъ этомъ нѣтъ ни одного признака исключительно малороссійскаго; какъ же согласить теперь, съ одной стороны распространенность въ письменности древней, южной и сѣверной, приведенныхъ чистыхъ русизмовъ и даже, въ послѣдней, новгородизмовъ, и совершенное отсутствіе свойствъ малорусскаго нарѣчія; съ другой—желаніе возвести отдѣльность малорусскаго нарѣчія къ глубокой древности, къ первымъ вѣкамъ Русскаго государства? И вотъ, намъ положительно объявляютъ, что письменность въ древней Россіи была на церковнославянскомъ языкѣ и представляютъ патентъ на основательнѣйшее знаніе сего языка древними Руссами. Какъ можетъ иногда далеко заходить увлеченіе и знатоковъ дѣла, и заставлять ихъ противорѣчить очевиднѣйшимъ фактамъ!—Но остановится на этомъ.

Основаніемъ признавать языкъ древнихъ русскихъ памятниковъ,

во всѣхъ ихъ видахъ, церковнославянскимъ, служатъ, сколько извѣстно, слѣдующія два обстоятельства: а.) возбужденіе и развитіе образованности русскаго народа въ древнее время подъ непосредственнымъ и преимущественнымъ вліяніемъ христіанства и церкви, вслѣдствіе чего и главная масса произведеній письменности носитъ на себѣ характеръ или чисто-церковный или нравственно-поучительный. Отсюда прямой выводъ—господство принятаго и освященнаго церковью языка и глубокое знакомство съ нимъ людей письменныхъ, грамотныхъ.

б.) Этотъ выводъ, въ прежнее время въ глазахъ всѣхъ, въ настоящее время довольно еще многихъ, находитъ оправданіе и подкрѣпленіе въ рѣзкомъ различіи современнаго языка русскаго съ тѣмъ, какой встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, слѣдовательно — языкъ послѣднихъ не русскій народный; а какъ въ немъ весьма много общаго съ церковно-славянскимъ, то, значитъ, онъ и былъ церковнославянскій, какимъ и прилично ему быть въ древности на Руси, въ силу перваго обстоятельства. Неоспоримъ фактъ, что христіанство, а съ нимъ и церковь, въ первую пору господства своего въ русской землѣ, было главнымъ, ежели не единственнымъ, возбужденіемъ и орудіемъ просвѣщенія народа; неоспоримо и то, что древняя наша литература представляетъ факты, относящіеся по преимуществу къ дѣламъ вѣры и церкви; но слѣдуетъ-ли прямо отсюда, что языкъ и тѣхъ памятниковъ литературы, которые обязаны своимъ происхожденіемъ единственно жизни народа, содержаніемъ своимъ прямо взяты изъ нея, и назначены исключительно только для нея,—что языкъ и такихъ памятниковъ долженъ быть непремѣнно церковнославянскій, какъ утверждаетъ г. Максимовичъ (на стр. 88)? Думаемъ, что такое заключеніе не вполнѣ послѣдовательно. Но, быть можетъ, церковнославянской языкъ былъ до такой степени хорошо знакомъ грамотѣямъ русскимъ, вслѣдствіе глубокаго уваженія къ нему, какъ къ языку вѣры, что писатели и грамотъ, и договоровъ и другихъ актовъ правительственныхъ, не только духовные, но даже и свѣтскіе, предпочитали его языку народному и въ предметахъ жизни обыденной, нерѣдко мелочной? Такое знаніе и утверждаетъ г. Максимовичъ. На страницѣ 121, онъ говоритъ: «да еслибы нашимъ богослужебнымъ языкомъ, при Владимірѣ, сталъ греческій или латинскій, и на нихъ писали бы свободно кіевскіе грамотники XI вѣка, какъ впослѣдствіи кіевляне, Яворскій и Прокоповичъ, можно сказать, играли латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотвореніяхъ, свободно пи-

савши и на польскомъ, и на церковнославянскомъ, и на тогдашнемъ русскомъ въ двухъ его видахъ. А съ какою правильностію и отчетливостію писали прежде Нестора, на церковномъ языкѣ, и новгородскій діаконъ Григорій, въ Евангеліи Остромірovскомъ (1056 г), и діаконъ Іоаннъ, вѣроятно, кіевскій, въ Изборникѣ Святославовскомъ (1073 г.). Но то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ....» Что́ дьяконъ Григорій и діаконъ Іоаннъ могли знать языкъ церковнославянскій, отвергать трудно, но что они оба не писали, а переписывали по церковно-славянски, — это очевидно, и удивительно, какъ г. Максимовичъ могъ привести ихъ обоихъ въ образецъ записныхъ знатоковъ церковнославянскаго языка, писавшихъ будто на немъ съ особенною правильностію и отчетливостію; да въ такомъ случаѣ, что́ же мѣшаетъ считать записными знатоками русскаго языка и нынѣшнихъ нашихъ писцевъ, хоть изъ школы кантонистовъ, доводящихъ иногда мастерство свое въ каллиграфіи до высокаго совершенства? Вѣдь и Остромірово Евангеліе и Святославовъ Сборникъ суть только русскіе списки съ древнѣйшихъ оригиналовъ церковнославянскихъ и, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не должны приводиться въ свидѣтельство отчетливаго знанія церковнаго языка ихъ переписчиковъ. Этимъ вовсе не думаемъ мы отвергать существованіе знатоковъ церковнославянскаго языка въ древней Руси; они были, и обнаружили свои отчетливыя познанія въ немъ, но только не въ перепискѣ, а въ собственныхъ сочиненіяхъ, какъ, напримѣръ, Митрополитъ Иларіонъ, Яковъ Мних, св. Ѳеодосій печерскій и другіе писатели XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ.

Но, вѣдь, подобныхъ лицъ не такъ много; въ каждомъ вѣкѣ ихъ можно считать единицами; ктому же, лица эти всѣ отличены высокимъ саномъ духовнымъ, сочиненія ихъ исключительнаго религіознаго или церковнаго содержанія; а куда же пріурочить множество писателей свѣтскихъ сочиненій, правительственныхъ актовъ? Принимая во вниманіе ихъ сочиненія, а этимъ, разумѣется, мы только и должны руководиться, увидимъ, что авторовъ ихъ никакъ не возможно сравнивать ни съ Яворскими, ни съ Прокоповичами.

Да и вообще намъ кажется страннымъ такое сравненіе. И Яворскій и Прокоповичъ и другіе, подобные имъ, являются лицами учеными, получившими образованіе въ высшемъ, въ ихъ время, учебномъ заведеніи, гдѣ преподаваніе какъ языковъ, такъ и другихъ предме-

товъ, шло въ строгой системѣ, въ которой рѣзко уже были отличены всѣ частности, и для языка существовали уже спеціальныя грамматики. Всего этого не было ни въ 11, ни въ 12, ни въ 13 столѣтіяхъ, и писатели церковные этихъ вѣковъ являются знатоками языка церковнаго вслѣдствіе частаго и внимательнаго чтенія церковныхъ книгъ и основательнаго ихъ изученія.

Факты языка памятниковъ гражданскихъ лучше всего говорятъ противъ предложеннаго г. Максимовичемъ сравненія. Всѣ приведенныя выше особенности русскаго языка являются въ нихъ не какъ обмолвки, не какъ что-то случайное, а какъ вполнѣ обыкновенныя свойства тогдашняго языка письменнаго, какъ необходимыя, и потому являются постоянно и неизмѣнно. Ни Димитрій ростовскій, ни ему современные писатели на церковнославянскомъ языкѣ, ни послѣдующіе, хоть и въ наши годы, не употребляли и не употребляютъ этихъ особенностей, не ставили и не ставятъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ;* не встрѣчаемъ у нихъ и русскаго полногласія и замѣны буквою *о* буквы *е*, тѣмъ менѣе смѣшенія *ѣ* и *и*, или какого либо свойства говора областнаго. Кажется, ясно, что древніе писатели свѣтскихъ произведеній нейдутъ въ уровень съ учеными писателями по церковно-славянски 17–19 столѣтій, и съ точки зрѣнія послѣднихъ можно прямо утверждать, что первые плохо знали церковный языкъ, ежели только допустить, что они писали по церковно-славянски. Но допуская это, невольно приходишь въ недоумѣніе, почему нетвердость знанія церковнославянскаго языка у писателей грамотъ и договоровъ выражалась исключительно лишь въ приведенныхъ чистыхъ руссизмахъ, и притомъ такъ послѣдовательно и постоянно? Почему они, какъ-будто по условію, по соглашенію, рѣшались нарушать чистоту церковнаго языка въ пользу народнаго единственно въ этихъ случаяхъ и не касались другаго? Какъ угодно, а безпристрастное рѣшеніе этого вопроса можетъ вести, полагаемъ, къ одному только отвѣту, что этого другого и не зачѣмъ было измѣнять, потому что оно употреблялось еще въ устахъ народа, было такимъ же руссизмомъ, какъ *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *щ*, и тому подобное, жило, слѣдовательно, и двойственное число и прошедшее на *хъ*, и отличіе для всѣхъ падежей прилагательныхъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ, и смягченіе гортанныхъ звуковъ въ свистящіе и шипящіе, въ склоненіи, и тому подобное. Все это мы и встрѣчаемъ въ древнихъ грамотахъ, и сѣвера и юга, наряду съ отличительными

чертами древняго языка русскаго и со всѣми пріемами языка живаго, народнаго. Да и что́ же мѣшаетъ принимать это?

Несуществованіе въ современномъ русскомъ языкѣ этихъ формъ, сказали мы выше, служитъ оправданіемъ, для нѣкоторыхъ, мысли, что эти формы и въ древности не свои, чужія, попавшіяся въ письменность русскую изъ языка церковнаго. Не говоря уже о томъ, что такое оправданіе противорѣчитъ вообще неизбѣжности развитія, а слѣдовательно и измѣненія языка, оно противорѣчитъ и очевиднымъ фактамъ исторіи другихъ родственныхъ нарѣчій. Неужели же и Чехи, въ своей богатой древней письменности, и Хорваты, даже и Поляки употребляли языкъ церковнославянскій? Но вѣдь они съ отдаленнѣйшихъ временъ были католиками; а между тѣмъ и ихъ современный языкъ нисколько не менѣе, если не болѣе еще, ушелъ отъ того языка, какой находимъ мы въ ихъ древнихъ памятникахъ: и ни одинъ ученый чешскій, хорватскій или польскій не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковнославянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковнославянскія. Ктому же, такія формы не исчезли еще и въ жизни нѣкоторыхъ нарѣчій славянскихъ, господствуя вполнѣ и въ письменности ихъ древней, напримѣръ: въ хорутанскомъ, лужицкомъ, отчасти сербскомъ и болгарскомъ. За что́ же одинъ русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Неужели за то, что народъ русскій имѣлъ и имѣетъ счастіе слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковнославянскомъ? Но, во–первыхъ, то же самое было и у другихъ Славянъ, и однакоже о ихъ языкѣ такъ–безусловно никогда не высказывалось такого приговора; во–вторыхъ, языкъ церковный все–таки языкъ неподвижный, мертвый, тогда–какъ языкъ письменный въ древней Руси обнаруживаетъ всѣ признаки жизни, а съ нею и неразлучныя перемѣны. Эти перемѣны самымъ яркимъ образомъ выразились въ *послѣдовательности* и *правильности* употребленія древнихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности и въ *непослѣдовательности* и *неправильности* ихъ въ памятникахъ, сравнительно, позднѣйшихъ, какъ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Церковнославянскій языкъ оставался тотъ же; откуда же это различіе въ письменности русской, ежели въ ней господствовалъ языкъ церковнославянскій? Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, напримѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ на *хъ*, или двой-

ственнаго числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда—какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *хъ* отнесеннымъ ко 2–му или 3–му лицу, и неумѣстное употребленіе числа двойственнаго? Не забудемъ при этомъ, что, при древней правильности этихъ формъ, мы замѣчаемъ постоянство и въ такъ-называемыхъ руссизмахъ, зачастую уже обращенныхъ въ церковно–славянизмы при позднѣйшей ихъ неправильности. Оттого, скажемъ съ увѣренностію, что въ древнее время, формы эти господствовали въ живомъ языкѣ и удерживали писателя отъ ошибокъ, и оттого, съ другой стороны, являются погрѣшности въ нихъ, въ позднѣйшую пору,— что забылись они тогда въ жизни языка и попадались подъ перо изъ подражанія старой письменности. А какъ эта старая письменность, по близости къ языку церковному, въ глазахъ писателей XIV, XV и послѣдующихъ вѣковъ принималась съ нимъ за тожественную, то и изъ подражанія церковному языку, наряду съ неправильнымъ употребленіемъ древнихъ формъ, стали нерѣдко замѣняться и чистыя руссизмы церковно–славянизмами, какъ *жд* вмѣсто *ж*, *щ* вмѣсто *ч*, одно *а* или *ѣ* вмѣсто двухъ *о* или *е*, и тому под. Да и возможно–ли, при такой отдѣльности русскаго языка отъ церковнославянскаго въ-древности, какая существуетъ нынѣ, не высказаться и другимъ его особенностямъ въ древнѣйшей письменности, кромѣ исчисленныхъ выше руссизмовъ? Факты рѣшительно противорѣчатъ этому положительно для древности и отрицательно для позднѣйшаго времени. Дѣйствительно, ежели при перепискѣ церковнославянскихъ памятниковъ, при перепискѣ иногда необыкновенно-тщательной, весьма медленной, подъ перомъ записныхъ знатоковъ языка церковнаго, какъ дьякона Григорія и дьяка Іоанна, прорываются руссизмы, какъ: *ж* вмѣсто *жд*, *ч* вмѣсто *шт*, или *щ*, два *е* вмѣсто *ѣ* (въ Изборникѣ—*вередъ*, *вередити*), при перепискѣ же болѣе быстрой, менѣе внимательной являются довольно часто и другія особенности, даже областнаго говора, какъ взаимная мѣна *ѣ* и *и*, *ц* и *ч*, то какъ же возможно допустить, чтобы, тамъ–сямъ, не обнаружились всѣ свойства народнаго языка подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ относящихся къ быту житейскому и для него назначеннымъ? Но, кромѣ исчисленныхъ особенностей древнѣйшаго русскаго языка, въ нихъ не находимъ другаго ни изъ нынѣшнихъ сѣверныхъ говоровъ русскихъ, ни изъ малорусскаго нынѣшняго нарѣчія. Значитъ, ихъ или не было вовсе, или онѣ не успѣли еще вполнѣ развиться и замѣнить собою

живщихъ еще свойствъ древнихъ. Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ,—это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лъ*, въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тъ* въ 3–мъ лицѣ настоящаго времени, единственнаго и множественнаго чиселъ; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами сѣверными, явились и свои особенныя, какъ, напримѣръ: окончаніе *мо*, въ первомъ лицѣ множественнаго числа; измѣненіе *іе* или *ье*, въ окончаніе именъ существительныхъ, послѣ согласныхъ *л*, *н*, *т* и др., въ *я;* смѣшеніе *въ*, и *и;* обращеніе *о* въ *и;* употребленіе *з* вмѣсто *с*, въ предлогѣ *съ*, и другія; хотя сохранилось нѣчто и изъ древняго, потерянаго на сѣверѣ. Г. Максимовичъ, утверждая, что въ древности писалось все на Руси по церковно–славянски, доказываетъ возможность устранить особенности народнаго говора писцамъ сравненіемъ съ сочиненіями XVI-XVII вѣковъ, писанными тоже по церковно–славянски, гдѣ однакожъ также, по его убѣжденію, нѣтъ обмолвокъ въ пользу народныхъ особенностей. Съ этого цѣлію, онъ выписываетъ *семь* строкъ изъ Густинской лѣтописи, подъ 1516 годомъ, писанной малороссіяниномъ, и заключаетъ: «много–ли тутъ малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ козаччины, обронилъ изъ своего нарѣчія?... Словцо *межи*, вмѣсто церковнаго *между?*... «Но во–первыхъ, и на *семи* строкахъ не одно словцо *межи* взято изъ народнаго языка; къ очевиднымъ признакамъ послѣдняго относятся: *нашой* вмѣсто *нашей (въ земль нашой)*, *выше* вмѣсто *выше*, *изыйде* вмѣсто *изиде* (сравн. млр. *ишелъ*, *прійшелъ*,) обычаи *пріятнѣйшыи* вм. обычаи *пріятнѣйшіе*, (во что́, не знаемъ почему, и обращено первое чтеніе подлинника въ выпискѣ г. Максимовича); во–вторыхъ, въ такомъ дѣлѣ семи строкъ крайне недостаточно: въ русскихъ спискахъ церковнославянскихъ памятниковъ нерѣдко и семь листовъ пергаменныхъ не представляютъ ни одной обмолвки переписчика, въ пользу древнѣйшихъ руссизмовъ, неотвергаемыхъ г. Максимовичемъ; и, однако, онъ не усумнится считать переписчика русскимъ человѣкомъ, если хоть на 8–мъ или 9–мъ листѣ, или на какомъ бы то ни было, встрѣтитъ *ж* вм. *жд*, или два *о* вм. *а;* а здѣсь и не на листѣ, а на полустра-

нищѣ, на протяженіи 20 строкъ, изъ которыхъ семь выписаны въ пятомъ письмѣ г. Максимовича, кромѣ указанныхъ признаковъ малорусскаго нарѣчія, читаемъ: *хотя миру зъ Москвою, да его зъ княземъ помирить; изъ земль; чотырохъ*, вмѣстѣ съ польскимъ предлогомъ *презъ*. И какъ же такой языкъ могъ показаться чистымъ церковнославянскимъ г. Максимовичу, будто, кромѣ *межи*, не включившимъ въ себя ничего малорусскаго? и какъ же, послѣ этого, мы не будемъ считать себя въ правѣ утверждать, что съ той поры, какъ появились новыя черты въ языкѣ, онѣ высказывались и въ письменности точно также, какъ высказывались постоянно въ-древности древнѣйшія особенности языка русскаго. Какъ трудно было малороссіянину, составителю Густинской лѣтописи, удержаться отъ особенностей своего говора, очевиднѣе всего свидѣтельствуетъ начало лѣтописи, гдѣ онъ былъ лишь переписчикомъ изъ древнихъ списковъ и гдѣ, при всемъ этомъ, находимъ: *зъ родомъ своимъ, зрубивъ городъ, здумавше, мають* (см. стр. 234), хотя, съ другой стороны, встрѣчаемъ и поправки древней лѣтописи, въ пользу языка церковнославянскаго, какъ: *бранилъ* ихъ, вм. *боронилъ*, *между* вм. *межу* и т. п. (тамъ же, 235). Тó же самое видимъ и у другихъ малорусскихъ лѣтописцевъ, положившихъ, въ основаніе своей лѣтописи, также языкъ церковнославянскій. Стоитъ только прочесть хоть одну страницу лѣтописи, напр., Грабянки, чтобы разомъ опредѣлить всю силу вліянія языка народнаго. Предоставляя на произволъ самому г. Максимовичу избрать *любую* страницу, я, съ своей стороны, приведу лишь нѣсколько строкъ, въ доказательство того, что этотъ лѣтописецъ 17 столѣтія имѣлъ рѣшительное намѣреніе писать по–церковнославянски, и затѣмъ коротко укажу на факты нарѣчія малороссійскаго. Вотъ 16 строкъ предувѣдомленія (см. лѣтопись Грабянки, Кіевъ, 1853, стр. 1.): «начинающу ми повѣсть о дѣйствіяхъ и бранехъ козацкихъ, аще и не весма требѣ бяше о праотцехъ народа того Козарехъ *предмовою* широко возвѣстити, обаче принужденъ для́ *лутшого* разумѣнія пространнѣе сказати, откуду Козаки имѣютъ свое проимѣнованіе, отъ котораго племени и *языка*, и яко ихъ Козаковъ праотцы, Козари, отъ времени праотца своего Гомера, внука Ноева, преходя *кочовисками* и отъ странъ до *страни*, подобіемъ *Колмиковъ*, премѣнялися въ розніе родства и *языки* и превошедше въ силу, составили были своя царства, и яко по оскудѣніи отъ браней премѣнялися съ Козаровъ въ Козаки, о всемъ томъ *нижей предмова по раду*

(po rządu) *скаже*, аще чтущій не стужая о пространствѣ ея, въ чтеніи потрудится, она бо желаніе подаетъ, и до внятія словесъ умъ *зготуетъ*.» Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ находимъ четыре случая замѣны *ы* посредствомъ *и*, какъ слѣдствіе смѣшенія обоихъ звуковъ, разъ перемѣну *с* на *з;* разъ окончаніе *й* въ нарѣчіе сравнительной степени; разъ потерю *тъ* въ 3–мъ лицѣ единственнаго числа, однажды употребленіе *о* вм. *е*, послѣ *ш;* вмѣстѣ съ этимъ, и два польскихъ слова: *предмовою* и *кочовисками*. Всѣ эти особенности разсѣяны въ огромнѣйшей массѣ въ лѣтописи, такъ что считаю лишнимъ и приводить ихъ, ограничась указаніемъ другихъ особенностей нарѣчія малорусскаго. Въ числѣ ихъ находимъ: *зъ словяни*, *зостаетъ* (стр. 7), *щастя* и *щасте* (стр. 8 и 65), *двохъ*, *двома* (стр. 261, 289); или въ лѣтописи Боболинскаго, изданной вмѣстѣ съ первою: *илинскимъ* (вм. Ильинскимъ, отъ Илья, по малороссійски Илля), *осотвореню*, *чого* (стр. 275), *пріймовалъ* (277), *пріишолъ* (283), *до килка тисящій* (274), *абы ему тилко далъ:* послѣднія свойства особенно важны; вотъ какъ отзывается о нихъ г. Максимовичъ, въ 11–мъ письмѣ, г. Погодину: «можетъ быть, въ лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности малорусскаго нарѣчія, какъ, напримѣръ, обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и: конь–кинь*, *ножъ–нижъ*, и т. под. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ южно–русскомъ языкѣ и грамотные малороссіяне, до исхода прошлаго столѣтія, не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: *конь*, *ножъ*.» Вполнѣ вѣримъ г. Максимовичу, что обращеніе *о* въ *и* не повсемѣстно; но тамъ, гдѣ оно существовало, отражалось въ письменности и раньше исхода прошлаго столѣтія, чему доказательствомъ служатъ приведенныя формы: *килко* и *тилко;* а въ Галицкой Руси оно замѣтно и въ началѣ 15 столѣтія.

Такъ, въ Межевой записи 1424 года, напечатанной въ Русалкѣ Днѣстровой, изданной у Будиму, 1837 года, на стр. 121, читаемъ: «а имають пана Юрковського люді изъ острова письюшковець имають *дрыва* рубати, але не паствіті, ані свінеі оупоущаті оу лѣсь.» (1) По указанію самого г. Максимовича, мы взглянули на церковнославянскій

(1) Отношеніе, въ этомъ случаѣ, *ы* къ *и* объяснено въ статьѣ: «обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго;» см. Журналъ Министерства Народн. Просвѣщенія, № 6, 1839 года, стр. 9—10.

языкъ лѣтописцевъ малорусскихъ, XVI—XVII вѣковъ, и, вопреки его утвержденію, нашли въ немъ довольно много, и притомъ рѣзкихъ, признаковъ нарѣчія малорусскаго.

Скажемъ теперь, что значительная часть этихъ признаковъ высказалась гораздо прежде въ письменности южнорусской, начиная съ конца 14 столѣтія, и чѣмъ позже, тѣмъ количество ихъ больше и больше. Такъ, въ концѣ грамоты Луцкаго епископа Іоанна польскому королю Владиславу, 1398 года, читаемъ: «у лѣта нароженья Сына Божія *тисяча* и триста девяносто осмого лѣта» (акты относ. къ исторіи западной Россіи I, № 12); въ присяжной грамотѣ Стародубскаго князя Александра Патрикіевича тому же королю польскому 1400 года: *тисяча* лѣтъ и *чотыриста* лѣтъ (тамъ-же, № 17); въ записи о денежныхъ и медовыхъ данях, 1415 года: у *Святошичохъ* у *Ньжиловичохъ*, у *Сельци зъ Межирѣцкой земли*, у *Нородичохъ*, *чотырьпядное*, *зъ Романова*, *зъ Дьдъковьщины* (тамъ же, № 26); въ грамотѣ подъ 1421 годомъ: *маютъ* (тамъ же, № 30); подъ 1422 годомъ: *приводимо*, *нинѣшнимъ* (тамъ же, № 31); подъ 1424 годомъ: *знаемо*, *зъ Божьей милости* (тамъ же, № 32); въ грамотѣ 1429 года: *есмо*, *зъ вѣнци* (тамъ же, № 34) и т. д, Въ Мѣновой записи старосты луцкаго Петра Яновича (см. памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1845, отдѣлъ второй. стр. 1—2), 1490 года, находимъ также: *з митрополитовым*, *з ларисоніом*, *кмонастирю*, *и зставы и звободами*, *ктому именю* и др.—Вотъ какъ высказывались особенности малорусскаго нарѣчія, коль скоро появились онѣ въ жизни. Гдѣ же хоть одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу, въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, до XIV столѣтія? А, вѣдь, и въ нихъ, какъ нами замѣчено, черты русскаго языка господствуютъ, даже несравненно постояннѣе, чѣмъ въ церковнославянскихъ малорусскихъ лѣтописяхъ XVI—XVII столѣтій, зачастую измѣняющихъ, вопреки обыкновенію лѣтописей древнихъ, *ж* въ *жд*, *ч* въ *щ*, два *о* въ *а*, въ чемъ можетъ убѣдиться г. Максимовичъ, пробѣжавъ хоть одну изъ первыхъ страницъ лѣтописи Густинской, или любую страницу въ лѣтописи Грабянки. И такъ, положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія мы смѣло можемъ повторить, ровно за четыре года, высказанное положеніе, что древній русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, великорус-

ское и малорусское, какое встрѣчаемъ мы впослѣдствіи и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, во 1) на рѣшительномъ отсутствіи неключительныхъ малороссизмовъ во всей древней письменности русской, южной и сѣверной, во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была церковнославянская, что́ положительно доказывается, въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи новгородской, въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства малорусскаго нарѣчія на югѣ, какъ великорусскаго на сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій славянскихъ другъ къ другу, до XIII — XIV столѣтій, что́, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенныхъ чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей.

Послѣ этого общаго разсужденія, скрѣпленнаго, впрочемъ, необходимыми фактами, можно бѣгло взглянуть и на частности, предлагаемыя г. Максимовичемъ, кромѣ, конечно, отдѣльныхъ словъ, признаваемыхъ имъ за чисто-малороссійскія, о чемъ говорено уже нами выше. Въ письмѣ пятомъ, на стр. 108, по случаю правописанія въ лѣтописи: Половци, авторъ говоритъ, что это чисто по-малороссійски, потому что господствующій великороссійскій выговоръ требуетъ послѣ *ц* дебелыхъ гласныхъ, тогда какъ малороссійскій въ концѣ словъ непремѣнно тонкихъ: *ь, я, ю*. Но господствующій нынѣ выговоръ не можетъ быть порукою въ такомъ сочетаніи звуковъ *ц* за 500, 600 и болѣе лѣтъ; а что, дѣйствительно,, и на сѣверѣ Россіи, въ древности, подобное сочетаніе было обыкновенно, доказываетъ положительно гражданская письменность новгородская, въ которой точно также господствуютъ слоги: *ци, цю, ця* (1); да и понынѣ еще не всюду исчезло это свойство, составляя принадлежность говора новгородскаго (см. статьи Даля: опытъ областнаго великорусскаго словаря, стр. 38. Вѣстникъ географическаго общества, за 1852 годъ, книжка V, въ отдѣлѣ библі-

(1) Какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, при ссылкахъ на древніе памятники русскіе, я находилъ лишнимъ приводить примѣры, потому что въ значительномъ количествѣ на каждую особенность приведены они прежде, въ сочиненіи «о языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей.»

ографіи), и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что́ погибло уже и въ нарѣчіи малорусскомъ, какъ исчезло подобное же сочетаніе съ тонкими гласными, употребительное въ древности, звуковъ *ч* и *ш*. Такимъ образомъ, это свойство нарѣчія малорусскаго современнаго есть точно такой же отрывочный остатокъ общерусскаго древняго языка, какъ и смягченіе гортанныхъ передъ *и*. По поводу разсматриваемыхъ словъ въ лѣтописи: *на порозѣ*, *по дорозѣ*, г. Максимовичъ (на стр. 116), на слѣдующій вопросъ г. Погодина: если малороссійское нарѣчіе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ,—отвѣчаетъ такимъ восклицаніемъ: «Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто малороссійскія формы: *на порозѣ*, *по дорозѣ*.» Нѣтъ, онѣ настолько же въ древности южнорусскія, насколько и сѣверно-русскія,—это доказываетъ та же сѣверная свѣтская письменность, со всѣми отличительными чертами древняго русскаго языка и съ постоянно-правильнымъ употребленіемъ смягченности гортанныхъ въ свистящія передъ *и* и *ь*. Даже и теперь, въ народныхъ пѣсняхъ, хоть, правда, и чрезвычайно рѣдко, въ пѣсняхъ самыхъ разгульныхъ, слышатся остатки этой общей древней смягченности, о чемъ мы и имѣли случай сказать, въ приведенномъ выше сочиненіи. Подобныя формы не суть только церковнославянскія и русскія, но, въ древности, общеславянскія, кромѣ, разумѣется, русскаго полногласія упомянутыхъ выше словъ; но и въ другихъ нарѣчіяхъ славянскихъ, не смотря на древнее господство смягченности гортанныхъ, эта смягченность нынѣ или осталась только въ отрывкахъ, касаясь одного звука гортаннаго, или забылась вовсе также, какъ забыли и сѣверные русскіе. Тутъ нельзя не замѣтить нѣкотораго противорѣчія въ основаніяхъ г. Максимовича; онъ, напр., охотно допускаетъ исторію лексической части языка и, находя въ лѣтописи слова: *хоробрый*, *вѣверица*, *сапогъ* и др., несуществующія въ нынѣшнемъ нарѣчіи малорусскомъ, рѣшительно объявляетъ, что они были прежде, но теперь забылись (срв. стр. 123—130); между тѣмъ, никакъ не соглашается допустить измѣненіе звуковъ въ жизни языка, тогда какъ послѣдніе болѣе, чѣмъ что либо другое, подвержены непостоянству и превращеніямъ. — Относительно окончаній *шеть* и *хуть*, въ 3-мъ лицѣ единственнаго и множественнаго чиселъ прошедшаго времени, господствующихъ въ письменности древне-русской, г. Максимовичъ, повторяя свое мнѣніе, изложенное нѣкогда въ Исторіи Древней Русской Словесности, выразился въ письмѣ восьмомъ, на стр. 123, слѣдующимъ образомъ: «эта глагольная форма есть церковносла-

вянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши кіевскіе писатели XI вѣка придавали свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали *ть* и *тъ*).» Во-первыхъ, намъ кажется страннымъ, какимъ образомъ можно взять цѣлую форму изъ языка мертваго для мертваго же языка (потому-что г. Максимовичъ считаетъ письменный древне-русскій языкъ вообще церковнославянскимъ) и измѣнить ее приставкою новаго окончанія, неизвѣстнаго рѣшительно въ источникѣ, откуда взята эта форма: ни г. Максимовичъ, ни другой кто не представитъ, навѣрное, ни одного примѣра такого безцѣльнаго измѣненія заимствованной формы не только въ нарѣчіяхъ славянскихъ, но и въ другихъ языкахъ. Придавали русскіе писатели окончаніямъ *ше* и *ху* свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *ть*; но нарѣчіе церковнославянское, какъ извѣстно г. Максимовичу, нисколько не менѣе имѣло и имѣетъ донынѣ привычку прибавлять *ть* въ третьихъ лицахъ настоящаго и будущаго временъ, и, однако, при *ше* и *ху* не прибавляло и не прибавляетъ его; зачѣмъ же понадобилось *ть* русскимъ писателямъ, писавшимъ по-церковнославянски, особенно южнорусскимъ, когда въ ихъ нарѣчіи, ежели оно было, по теоріи г. Максимовича, нынѣшнее малороссійское *ть* не только не было привычнымъ прибавкомъ, а напротивъ, было непривычнымъ, и отбрасывается большею частію и нынѣ въ настоящемъ времени. Притомъ, почему же прибавка сочтена была необходимою лишь при *ше* и *ху* и опущена при коренныхъ гласныхъ, оканчивавшихъ 3-е лице прошедшаго совершеннаго, какъ: *имѣ*, *чита* и т. под., еще болѣе при *ша* (церк.-слав. *шѧ*), въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа: для послѣдовательности привычнаго *ть* слѣдовало бы непремѣнно ожидать ея и здѣсь. Что-то не такъ. Во-вторыхъ, или формы *шеть и хуть* составились такъ условно, внѣ жизни въ народѣ, подъ перомъ древнѣйшихъ писателей русскихъ, въ сочиненіяхъ оригинальныхъ русскихъ; то какъ же объяснить ихъ въ памятникахъ церковнославянскихъ, писанныхъ русскими переписчиками, въ XI вѣкѣ, слѣдовательно, въ первое время, когда только-что эта письменность появилась въ Россіи. Вѣдь для того, чтобы заимствовать форму, измѣнить ее и сдѣлать общераспространенною, хоть въ письменности, необходимо достаточное время; а между тѣмъ, *шеть* и *хуть* являются въ первыхъ русскихъ спискахъ съ старо-славянскихъ оригиналовъ, которые только-что успѣли познакомить Русскихъ съ языкомъ церковнославянскимъ. Еще болѣе

что-то не такъ. Въ-третьихъ, положительно невѣрно, будто сѣверные Рускіе только съ XII столѣтія переняли съ юга формы *шеть* и *хуть*.

Мы имѣемъ несомнѣнно русскіе списки XI вѣка новгородскихъ переписчиковъ, что̀ очевидно опредѣляется взаимною мѣною *ч* и *ц*, въ которыхъ весьма часто попадается приставка *ть*; привожу пока въ доказательство Минею XI столѣтія, хранящуюся въ императорской публичной библіотекѣ, гдѣ читаемъ: *видѧшеться*, *благоухъ нѧшеться*, *прѣдъобразовѧшеться*, и мн. др. Не доказываетъ-ли, напротивъ, это отрицательное объясненіе того, что окончанія *шеть* и *хуть* суть чисто народныя русскія, а что, слѣдовательно, народнымъ было и прошедшее на *хъ*, какъ было оно во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, есть и теперь еще въ нарѣчіяхъ: болгарскомъ, сербскомъ хорутанскомъ и лужицкомъ, и забылось на Руси также, какъ забылось оно въ нарѣчіи хорватскомъ, польскомъ и чешскомъ, кромѣ формы *bych*. Тогда и окончаніе *ть* становится уже не воображаемымъ, мечтательнымъ прибавкомъ, а остаткомъ, отъ глубокой древности, окончанія 3-го лица и въ прошедшемъ времени, необходимо существовавшемъ въ предавнюю старину во всѣхъ языкахъ отрасли индоевропейской, сберегшимся и въ старославянскомъ нарѣчіи въ отрывкахъ, какъ показываютъ: *бысть*, *повить*, начѧть, приѧть и др., и только погибшимъ издавна во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, кромѣ русскаго. И мы смѣло относили эти формы къ числу отличительныхъ признаковъ древняго языка русскаго, на ряду съ *ж*, *ч*, полногласіемъ и такъ д., сравнительно съ остальными родственными нарѣчіями славянскими.—Не менѣе страннымъ, натянутымъ и несправедливымъ представляется объясненіе и звуковъ церковнословянскихъ *жд*, млр. *дж* и общерусскаго *ж*, на стр. 98—99 въ письмѣ четвертомъ. Силясь видѣть въ малорусскомъ нарѣчіи все древнѣйшимъ, г. Максимовичъ, показавши, по своему разумѣнію, какимъ путемъ изъ кореннаго *д* являются приведенные только-что звуки, продолжаетъ: «языкъ южно-русскій въ своемъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, напримѣр: *джерло — жерело*, *жерло*, *джбанъ — жбанъ*. Такъ и въ санскритскомъ *джани — жона*, *жена*; *дживи — жизнь*, и проч.» Эту первобытность звука *дж*, выводитъ онъ и примѣромъ, какъ «изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу*, выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говоритъ южно-русскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червоной Руси.» По нашему же крайнему убѣжденію

во 1) ни *жд*, ни *дж*, еще менѣе *ж* не суть первобытные звуки. Смягченіе простыхъ звуковъ, посредствомъ сочетанія съ звукомъ другимъ, есть и было всегда явленіемъ позднѣйшимъ, сравнительно съ смягченіемъ непосредственнымъ.—Какъ звукъ *д*, такъ и *т*, въ языкахъ древнѣйшаго вида, ограничивались при смягченіи йотированіемъ; это мы видимъ въ древне-нѣмецкомъ, латинскомъ, греческомъ и санскритскомъ; за этимъ, послѣдовало соединеніе двухъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ сохранилъ звукъ коренной; это мы находимъ въ языкахъ: пракритскомъ, литовскомъ и въ славянскомъ; наконецъ, сдѣлался ненужнымъ вовсе коренной звукъ въ звукѣ двусложномъ, какъ въ нарѣчіи русскомъ, чешскомъ, лужицкомъ. Такимъ образомъ, первобытнымъ звукомъ отъ смягченія *д* будетъ всетаки *д* (*дь*, *ді*), а *дж* уже вторичнаго образованія, наравнѣ съ оборотнымъ церковнославянскимъ *жд* или польскимъ *dz*. То же происходило и съ звуками гортанными, *г*, *к*, причемъ и самый санскритскій языкъ обнаружилъ уже и развилъ посредственную ихъ смягченность въ *дж* и *ч*. Во 2) въ словахъ: *джерело* и *джбанъ* *дж* никоимъ образомъ не произошло отъ *д*, а приставлено произношеніемъ къ *ж*, также точно какъ приставляютъ его малороссіяне и къ *з*: *дзеркало*, *дзерно*, *дзвинъ*, *дзюрчать* и т. п. Равно не справедливо и сближеніе малорусскаго *дж*, происшедшаго отъ *д*, съ санскритскимъ *дж*, въ словахъ: *джани* и *джива*: и въ томъ и другомъ *дж* образовалось изъ кореннаго г (=g), на что, между прочимъ, прямо указываетъ греческое γυνη, γενω γιγνω. Это коренное *г* не рѣдко, въ санскритѣ, и возвращается въ формахъ, хотя послѣднія уже и образуются отъ вторичнаго корня, гдѣ является *дж*. Такъ, отъ *тадд* погружать, причастіе *тадна*, отъ, *vidg*—возмущать,—*vidna* и др.—Вообще, намъ очень жалко, что г. Максимовичъ не обратилъ на это строгаго вниманія. Оно освѣтило-бы передъ нимъ различіе въ церковно-слав. языкѣ *жд* отъ *д* и *жд* отъ *г* и дало-бы поводъ опредѣлить причину приставки *д*, въ малорусскомъ нарѣчіи, передъ *ж*, какъ въ словахъ: *джерело*, *джбанъ* и т. д.; вѣдь, и въ этой приставкѣ должна быть законная причина: случайностей, съ вѣтру, въ языкѣ не бываетъ. Г. Максимовичъ увидѣлъ-бы ясно, что и тутъ не приставное *д* къ *ж*, а двойный звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *г* (*горло*, *гну*, *гибать*, отсюда *жбанъ* въ рус., *джбанъ* м. рус. Смѣемъ думать и быть даже увѣреннымъ, что таково же происхожденіе и *д* при *з*, въ словахъ *дзеркало*, *дзвинъ* и т. п. Относительно глагольнаго окончанія *жу*, въ настоящемъ *ходжу*, я не

говорю въ 3), потому что скорѣе признаю въ этомъ опечатку, не допуская даже обмолвки или описки подъ рукою г. Максимовича.

Этимъ я прекращаю замѣтки о частностяхъ г. Максимовича, хотя бы ихъ можно было и удвоить, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерываю и вообще свои замѣчанія, вызванныя его письмами къ г. Погодину. Не измѣнивши ни мало своего мнѣнія вслѣдствіе этихъ писемъ, напротивъ, еще болѣе укрѣпившись черезъ нихъ въ прежнемъ своемъ положеніи, что малорусское нарѣчіе, дѣйствительно, ничѣмъ не выразило себя въ древней письменности русской, что на югѣ Россіи въ древности рѣшительно не видно и не было такого отдѣльнаго нарѣчія отъ языка сѣвернаго, какое существуетъ теперь, я тѣмъ не менѣе не могу не желать и, если смѣю, просить, чтобы г. Максимовичъ подвергнулъ вопросъ этотъ новому обслѣдованію и представилъ болѣе вѣрныя, справедливыя и прочныя доказательства своего убѣжденія, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, бездоказательнаго.

П. Лавровскій.

Харьковъ. 8 декабря,
1856 г.

ПАМЯТНОЕ ДѢЛО.

Кому изъ жителей Черниговской и Полтавской губерній не приходилось слышать о Заботинѣ и его странной судьбѣ? Разсказы о немъ и его отцѣ, генералѣ Шираѣ, переходили въ Малороссіи изъ устъ въ уста съ разными вымыслами и украшеніями. Подобные случаи, какъ непризнаніе отцемъ сына, такъ рѣдки и необыкновенны, что невольно влекутъ любопытство каждаго — и неудивительно, если они служатъ темою для самыхъ романическихъ разсказовъ. Тамъ, гдѣ суды открыты для общества, молва скоро отрезвляется исторически–точнымъ разсказомъ о дѣлѣ; у насъ же, пока, открыто только обширное поле толкамъ, и мы узнаемъ самыя близкія къ намъ по времени происшествія, случаи, дѣла, по преданію и, большею частію, въ искаженномъ видѣ.

Пользуясь обнародованіемъ въ журналѣ Министерства Юстиціи всѣхъ документовъ, относящихся до признанія Александра Заботина законнымъ сыномъ Щирая, мы думаемъ, что читатели наши не безъ интереса прочтутъ подробныя свѣдѣнія о томъ, что́ до сихъ поръ они знали по слухамъ. Дѣло это представляетъ много занимательнаго. Самъ Ширай, отецъ Александра, представляетъ образчикъ человѣка другого вѣка. Екатерининскій генералъ, человѣкъ любившій жить на широкую ногу, онъ не хочетъ признавать своего сына законнымъ. Онъ воспитанъ въ томъ вѣкѣ, когда человѣкъ сильный и богатый не любилъ подчиняться законному порядку, и вотъ онъ совершаетъ актъ непризнанія своего сына собственною властію. И ка́къ это ему легко, ка́къ всё готово къ его услугамъ. Узнавъ о внесеніи новорожденнаго въ метрику, онъ велитъ вырвать листы и замѣнить ихъ другими. Онъ находитъ въ церковномъ причтѣ, въ членахъ и чиновникахъ духовнаго правленія и въ своемъ управляющемъ, совершенную готовность исполнить его желаніе. Онъ такъ самоувѣренъ, та́къ увѣренъ въ своей

безнаказанности, что дѣлаетъ это почти открыто, и могущество его до-того велико, что въ теченіи 23 лѣтъ, пока онъ живъ, никто не берется его обвинить за самоуправство и подлогъ.

Въ концѣ 1842 г., флигель-адъютантъ полковникъ Демидовъ, находившійся въ Черниговѣ, для наблюденія за производствомъ рекрутскаго набора, представилъ бывшему шефу корпуса жандармовъ, графу Бенкендорфу, записку о томъ, что умершій Стародубскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Степанъ Ширай, по ненависти къ женѣ своей, Ульянѣ, урожденной Бороздиѣ, не призналъ младшаго ея сына Александра законнымъ и уничтожилъ въ метрическихъ книгахъ листы, въ которыхъ было записано рожденіе и крещеніе того младенца, воспитаннаго впослѣдствіи въ московскомъ ремесленномъ училищѣ подъ вымышленною фамиліею Заботина.

По докладу графомъ Бенкендорфомъ этой записки, Государь Императоръ, въ январѣ 1843 г., повелѣлъ произвести о Заботинѣ формальное слѣдствіе черниговскому губернскому предводителю дворянства, Лядомірскому, флигель-адъютанту Демидову и штабъ-офицеру корпуса жандармовъ, полковнику Ливенцову.

Послѣ сего, 15 февраля 1843 г., черниговскій гражданскій губернаторъ препроводилъ къ слѣдователямъ полученную имъ отъ генералъ-губернатора записку—безъ года, мѣсяца и числа, и никѣмъ неподписанную , въ началѣ которой сказано, что у умершихъ Шираевъ, кромѣ двухъ дочерей, наслѣдовавшихъ имѣніемъ отца и матери, было четверо сыновей. Изъ нихъ старшій, Михаилъ, умеръ въ 1831 г., второй и третій, Петръ и Константинъ, умерли въ младенчествѣ, послѣдній же Александръ живъ, но удаленъ отъ своего рода, лишенъ всѣхъ правъ и даже имени. Далѣе, въ запискѣ этой, имѣющей видъ подметнаго письма, описывается исторія похожденій Александра Заботина и указываются доказательства и свидѣтели, которые могутъ подтвердить рожденіе сего послѣдняго отъ Ульяны Ширай и мужа ея Степана Ширая.

Къ слѣдствію доставлены были четыре экземпляра метрическихъ книгъ села Соловы за 1818 годъ; изъ нихъ одинъ принадлежалъ черниговской духовной консисторіи, другой стародубскому духовному правленію, третій, хранившійся при приходской церкви села Соловы, четвертый — представленный титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою.

По разсмотрѣніи консисторской метрической книги села Соловы за 1818 годъ, слѣдователи нашли: а) что рожденія отъ Степана

Ширая и жены его Ульяны сына Александра въ этой книгѣ не значится; б) что одинъ листъ въ этой книгѣ, половина котораго находится въ отдѣленіи родившихся, а половина въ отдѣленіи умершихъ, представляется сомнительнымъ, по блѣдности цвѣта противу прочихъ листовъ и по обрѣзкѣ его сверху; в) на обоихъ полулистахъ нумера по порядку родившихся и умершихъ идутъ вѣрно; но послѣ послѣдняго полулиста, оканчивающагося въ отдѣленіи объ умершихъ нумеромъ 11-мъ, всѣ послѣдующіе нумера, съ 12 до 20 включительно, переправлены такъ: изъ 11-го 12 и т. д.; г) почеркъ письма означеннаго листа имѣетъ мало сходства съ почеркомъ на прочихъ полулистахъ, скрѣпа протоіерея Рклицкаго сходна съ его почеркомъ, а скрѣпа священника и дьячка Лапчинскихъ вовсе не имѣетъ сходства, и проч.

При разсмотрѣніи метрической книги, хранившейся въ стародубскомъ духовномъ правленіи, слѣдователями обнаружено: а, пятый и шестнадцатый полулисты цвѣтомъ отличаются отъ прочихъ, внизу обрѣзаны, вшиты внизъ видимымъ внутри гербомъ фабрики и почеркомъ отличаются отъ прочихъ (1); б, на 5 полулистѣ подъ № 17 въ первой статьѣ 6 ноября показанъ рожденнымъ сынъ дворянина Василія Лапчинскаго, Павелъ Лапчинскій, который въ той же книгѣ на 16 листѣ въ отдѣлѣ умершихъ значится подъ № 19 умершимъ двухъ лѣтъ 6 декабря (2); в, что въ концѣ 5 листа (отдѣлъ родившихся) послѣ окончанія 17 статьи послѣднія слова «жена Анна Васильева дочь Демьяненкова», повторены на слѣдующемъ 6листѣ, не тѣми чернилами, что на предъидущемъ, а послѣдняя статья на 16 листѣ (отдѣлъ умершихъ) подъ № 18 оканчивается такъ «причастился отъ приход» — затѣмъ пробѣлъ въ два вершка, и на слѣдующемъ 17 листѣ написаны другими чернилами «скаго священника».

Церковная метрическая книга села Соловы, по сличеніи слѣдователями съ двумя первыми, признана ими списанною съ книги, хранившейся въ духовномъ правленія; въ ней не оказалось записки о рожденіи отъ Ширая и жены его сына Александра.

---

(1) При обозрѣніи этой книги въ общемъ собраніи сената, найдено, что листы 10 и 11 также обрѣзаны, что на обрѣзанныхъ листахъ (5, 10, 11 и 16) водяные знаки изображаютъ буквы Я, Б, М, Я, гербъ медвѣдь, стоящій на заднихъ лапахъ и 1816 г., и что на необрѣзанныхъ листахъ буквы М. О. К. Ф. 1817 г. гербъ скачущая лошадь.

(2) Рожденіе этого младенца также записано и въ консисторской метрической книгѣ.

По разсмотрѣніи 4 метрической книги, отобранной отъ титулярнаго совѣтника Заверухи, слѣдователи нашли, что она написана на одинаковой съ первыми двумя книгами бумагѣ (1). Въ ней подъ № 15, написано: «отъ генералъ-маіора Ширая и жены его Іульяны Петровой дочери Борозновны, родился сынъ Александръ, крещенъ сего мѣсяца 8 числа приходскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ; воспріемникомъ отъ святаго крещенія тому младенцу былъ тогожъ села Соловы священникъ Николай Яковлевъ сынъ Лапчинскій» (2). Книга эта вложена въ особый листъ, на которомъ собственною рукою архіепископа черниговскаго Павла сдѣлана слѣдующая надпись: «что сія книга есть та самая, которая взята у священника села Соловы Ивана Лапчинскаго въ 1839 г. титулярнымъ совѣтникомъ Заверухою, лично подтвердилъ мнѣ самъ священникъ Іоаннъ Лапчинскій.»

При допросѣ гражданскими слѣдователями, и, по указу синода, слѣдователями со стороны духовнаго вѣдомства, спрошенныя лица показали:

1) *Титулярный совѣтникъ Заверуха,* спрошенный гражданскими слѣдователями 25 февраля безъ присяги, а 2-го марта подъ присягою, показалъ, что, по приказанію генералъ-маіора Ширая, взялъ онъ, въ 1839 г., у приходскаго священника Ивана и дьякона Ѳедора Лапчинскихъ метрическую книгу села Соловы, а вмѣсто ея отдалъ копію съ метрики Стародубскаго духовнаго правленія, переданную ему секретаремъ правленія Борщевскимъ (3), умершимъ 14-го февраля 1840 г. По предъявленіи этой метрической книги Шираю, сей послѣдній, прочитавъ, возвратилъ ее ему, Заверухѣ, сказавъ: «пусть она у тебя останется». Метрику эту онъ, Заверуха, хранилъ у себя, боясь отвѣтственности за самовольное истребленіе.

2) *Священникъ села Соловы Иванъ Лапчинскій* показалъ духовнымъ и гражданскимъ слѣдователямъ, что Александръ сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ былъ записанъ рукою священническаго сына Ивана Лапчинскаго (сынъ священника Николая Лапчинскаго, впослѣдствіи отставной унтеръ-офицеръ). Метрическая

---

(1) При разсмотрѣніи этой книги въ канцеляріи общаго собранія найдено, что на листахъ оной знаки водяные тѣ же, что и на листахъ оподозрѣнныхъ правленской книги, а именно буквы Я. Б. М. Я. 1816 г.

(2) Священникъ Николай Лапчинскій умеръ 3 апрѣля 1821 г.

(3) Въ безприсяжномъ показаніи Заверуха утверждалъ, что копію съ правленской метрической книги секретарь Борщевскій передалъ не ему, а Шираю.

книга села Соловы, въ которой записано было рожденіе Александра, постоянно хранилась при церкви до 1839 г., а въ томъ году отдана имъ, по приказанію Ширая, Заверухѣ, который оставилъ копію съ оной безъ всякаго завѣренія; въ ней рожденіе Александра не было записано; подлинную книгу Заверуха не возвращалъ. О всѣхъ сихъ обстоятельствахъ онъ словесно объявлялъ благочинному Ивану Демѣ, который никакого не сдѣлалъ распоряженія. Соловская метрическая книга за 1818 г. имъ не была подписана (Іоаннъ былъ тогда дьячкомъ) потому, что ее не подписывалъ священникъ Николай Лапчинскій; экземпляры книгъ консисторской и правленской подписаны имъ по листамъ, кромѣ листовъ, на правленскомъ 5 и 16, а на консисторскомъ 6 и 15; подпись здѣсь оказывается не его. Къ сему Іоаннъ Лапчинскій присовокупилъ, что отъ священническаго сына унтеръ-офицера Ивана Лапчинскаго онъ слышалъ о запискѣ Александра сыномъ Ширая и жены его въ метрическихъ книгахъ за 1818 годъ, отправленныхъ въ консисторію и правленіе, что по просьбѣ Ширая и распоряженію протоіерея Леонтія Рклицкаго книги эти возвращены были священнику Николаю Лапчинскому для исключенія рожденія Александра, что и было исполнено; вновь вшитые листы переписывалъ, по приказанію отца, Иванъ Лапчинскій. Въ подтвержденіе своего показанія, священникъ Иванъ Лапчинскій представилъ подлинное къ нему письмо благочиннаго Демы, въ которомъ, между прочимъ, *Дема пишетъ*: «въ бытность у меня Ивана Яковлевича, я показывалъ ему метрическую книгу; онъ сказалъ мнѣ: «я это знаю, она переписана съ моего позволенія; только на васъ претендовалъ, зачѣмъ вы дали настоящую книгу и не донесли правленію.» Я просилъ, чтобы онъ умолчалъ и не объявлялъ никому; на это онъ мнѣ отвѣчалъ: «ежели можно будетъ, умолчимъ.» Теперь 7-го числа прислалъ мнѣ записку, чтобы вы непремѣнно донесли правленію насчетъ перемѣны метрической книги 1818 г. Поѣзжайте къ Ивану Яковлевичу для совѣта и наставленія, и просите его, нельзя ли умолчать хотя до смерти старика; если же не можно, то спросите, что дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы не огорчить тѣхъ персонъ, и чтобы не возвести на себя гнѣва». По объясненію священника Ивана Лапчинскаго, Иванъ Яковлевичъ Борщевскій былъ столоначальникъ духовнаго правленія, а подъ именемъ старика разумѣлся Ширай.

3) Бывшій дьякономъ села Соловы, *священникъ села Шкябина, Ѳедоръ Лапчинскій*, гражданскимъ и духовнымъ слѣдователямъ

показалъ, что повѣренный Ширая, Заверуха, угрозами лишить мѣста, принудилъ ихъ отдать метрическую книгу за 1818 г., а взамѣнъ отдалъ копію, въ которой не было записано рожденія отъ Ширая и жены его сына Александра.

4) *Благочинный Дема* подтвердилъ показанія священниковъ Ивана и Ѳедора Лапчинскихъ, до него относящіяся, причемъ объяснилъ, что, подъ словомъ «не огорчить персонъ» разумѣлъ Ширая и дочерей его, Марью и Анастасью.

5) *Членъ духовнаго правленія, протоіерей Павелъ Рклицкій*, рукоприкладствовавшій книги села Соловы за 1818 г., отозвался, что, подписывая книги, вѣроятно въ 1821 г., онъ перемѣны листовъ въ двухъ экземплярахъ метрикъ не примѣтилъ и самъ въ томъ не участвовалъ; листы эти, какъ полагаетъ, должны быть перемѣнены до скрѣпы означенной книги.

6) *Вдова титулярнаго совѣтника Евфросинья Масловская* 25–го февраля безъ присяги, а 2–го марта 1843 г. подъ присягою, показала, что во время болѣзни мужа, бывшаго секретаремъ старо–дубскаго духовнаго правленія, Луки Масловскаго, она вмѣсто его приняла слѣдовавшую въ духовное правленіе метрическую книгу церкви села Соловы за 1818 г. отъ дьячка Ивана Лапчинскаго; помнитъ, что въ книгѣ той было записано рожденіе, отъ Степана Ширая и жены его, сына Александра; въ февралѣ или мартѣ 1819 г. помянутая книга похищена изъ духовнаго правленія членомъ онаго, священникомъ Иваномъ Пашинскимъ, уже умершимъ; когда, затѣмъ, книга возвращена, не помнитъ, а долженъ знать управляющій имѣніемъ Ширая Андрей Ракицкій. Кромѣ этого, Масловская, при духовномъ слѣдствіи, показала, что она собственными глазами видѣла, какъ Пашинскій, бывшій учителемъ сына Ширая Михайлы, въ часы послѣ присутствія уносилъ метрическія книги, о чемъ тогда же объявила мужу.

7) *Титулярный совѣтникъ Ракицкій* (1) подъ присягою объяснилъ, что въ метрическихъ книгахъ Александръ былъ записанъ приходскимъ священникомъ безъ спроса Ширая, а когда священникъ Пашинскій объявилъ ему о томъ, тогда Ширай былъ разсерженъ и велѣлъ Пашинскому выключить Александра; какъ исполнено это приказаніе — не знаетъ.

8) *Унтеръ–офицеръ Иванъ Лапчинскій* (сынъ священника Ни-

(1) Бывшій управляющимъ имѣніями генерала Ширая.

колая Лапчинскаго) подъ присягою объяснилъ: 1) что метрическія книги села Соловы писалъ онъ въ 1818 г. при жизни отца и по его приказанію; сынъ Ширая, Александръ, былъ записанъ въ тѣхъ книгахъ въ числѣ родившихся въ ноябрѣ 1818 г., но на мѣсто того Александра, около года спустя послѣ его рожденія, Лапчинскій, по приказанію отца, вписалъ въ тѣ книги сына дворянина Лапчинскаго Павла; книги были присланы претоіереемъ Леонтіемъ Рклицкимъ для перемѣны листа, на которомъ Александръ былъ записанъ; скрѣпу на вновь вшитыхъ листахъ, вмѣсто священника и дьячка, онъ сдѣлалъ также по приказанію отца.

10) Дворянинъ Василій Лапчинскій подъ присягою показалъ, что у него былъ сынъ Павелъ; когда родился, не помнитъ, а полагаетъ тому 27 лѣтъ; умеръ означенный сынъ чрезъ три года послѣ рожденія.

Слѣдственная коммисія, по соображеніи показанія Василія Лапчинскаго съ метрическою книгою 1818 г., по журналу заключила, что сынъ Лапчинскаго Павелъ, который въ метрикѣ 1818 г. показанъ умершимъ 2-хъ лѣтъ, не могъ родиться въ томъ же году, а изъ сего открывается, что, на мѣсто сына Ширая Александра въ метрическихъ книгахъ духовнаго правленія и консисторіи, былъ впослѣдствіи вписанъ Павелъ Лапчинскій.

О рожденіи Александра Заботина показали:

Священникъ Иванъ Лапчинскій,—что онъ находился въ званіи дьячка при крещеніи соловскимъ священникомъ Николаемъ Лапчинскимъ родившагося, въ ноябрѣ 1818 г., у Ширая и жены его сына Александра; воспріемникомъ былъ означенный священникъ Николай, постороннихъ свидѣтелей и Ширая не было. Въ заключеніе Лапчинскій сказалъ: «кажется, Александръ жилъ въ младенчествѣ при матери и она сама его кормила; потомъ увезенъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, а оттуда въ Москву, но кѣмъ—не знаетъ».

Присяжныя показанія.

Титулярный совѣтникъ Заверуха, — бывшій повѣреннымъ Ширая съ 1834 г. по смерть Ширая, т. е. по 1-е августа 1841 показалъ: съ 1834 г. Ширай жены не навѣщалъ, но поручалъ ему имѣть

попеченіе, чтобы она ни въ чемъ не нуждалась; Ширай зналъ о нахожденіи Заботина въ Москвѣ, но никогда не называлъ его сыномъ своимъ и отрицанія о немъ въ записяхъ и завѣщаніи сдѣлать не хотѣлъ, слышалъ же о немъ Ширай болѣе всего отъ дочери своей Анастасьи (Чернолузской), которая никогда не называла его братомъ, а *несчастнымъ*.

Козакъ села Соловы Михайло Сапоновъ показалъ, что онъ знаетъ, что у Ширая и жены его Ульяны родился въ Соловѣ сынъ Александръ и жилъ при матери 4 года, потомъ отправленъ былъ, какъ онъ слышалъ, въ деревню Болдовку. Согласно съ Сапоновымъ, показали порознь 14 человѣкъ другихъ козаковъ.

Коллежскій секретарь Семенъ Гаевскій, — управлявшій имѣніемъ Ширая съ 1817 и съ мая 1818 г. до 1831 г., что онъ жилъ въ Соловѣ, гдѣ жила и жена Ширая; Ширай жилъ въ Стародубѣ и Пантусовѣ; но всякій разъ, проѣзжая въ Черниговъ по должности губернскаго предводителя дворянства, заѣзжалъ въ Солову и проживалъ тамъ по нѣсколько дней, но не жилъ въ одномъ домѣ съ женою; былъ ли Ширай въ концѣ 1817 г. въ Соловѣ, не знаетъ, но бывалъ тамъ въ началѣ 1818 г. Причина несогласія супруговъ ему неизвѣстна, и чтобы Ширай навѣщалъ жену свою послѣ того, какъ они не жили уже вмѣстѣ, того онъ не замѣтилъ; но въ маѣ 1818 г., она была беременна и 6-го ноября того года родила сына, котораго назвали Александромъ; въ тотъ день Ширай былъ въ Соловѣ проѣздомъ изъ Чернигова, но при крещеніи не былъ и Гаевскій полагаетъ, что Ширай о рожденіи и крещеніи сына не зналъ. Александръ былъ при матери до 4-хъ лѣтъ; потомъ сыномъ Ширая, умершимъ Михайлою, помѣщенъ, не знаетъ почему, въ крестьянскую избу въ деревнѣ Болдовкѣ, а оттуда порученъ онъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу.

Титулярный совѣтникъ Ракицкій, — что онъ поступилъ къ Шираю въ 1811 г., жилъ съ нимъ въ Соловѣ по декабрь 1811 г., откуда переѣхалъ съ Шираемъ въ Стародубъ и постоянно при немъ находился до 1830 г. По образу жизни Ширая, можно было заключить, что онъ жилъ въ несогласіи съ женою, ибо Ширай, во всю бытность Ракицкаго у него, жилъ въ Соловѣ въ большомъ домѣ, а жена во флигелѣ; навѣщалъ ли Ширай жену, по переѣздѣ въ Стародубъ, не знаетъ. По слухамъ, у жены Ширая былъ сынъ Александръ; во время рожденія Ширай былъ въ Соловѣ, но о рожденіи и креще-

ніи узналъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Почему Ширай не признавалъ Александра сыномъ, не знаетъ.

Въ присяжныхъ отвѣтахъ, 21 человѣкъ дворянъ черниговской губерніи стародубскаго уѣзда показали:

1, *Титулярный совѣтникъ Куликевичъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1810 по 1841 г.: извѣстно ему, что у жены Ширая былъ сынъ Александръ, находившійся въ младенчествѣ при ней; но отъ Ширая ли онъ рожденъ и зналъ ли онъ о его существованіи, не знаетъ.

2, *Титулярный совѣтникъ Страшненко*, знакомый съ Шираемъ съ 1816 по 1841 г.: былъ ли у Ширая отъ жены сынъ Александръ и зналъ ли о томъ отецъ, не знаетъ; но если Ширай не признавалъ Александра сыномъ, то вѣроятно тому была причина, а только 20 лѣтъ носится слухъ въ народѣ, что есть-таковой сынъ, увезенный отъ матери въ малолѣтствѣ.

3, *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*, знакомый съ Шираемъ съ 1824 по 1841 г.: по слухамъ, носившимся въ народѣ, былъ у жены Ширая сынъ; о существованіи его, вѣроятно, зналъ Ширай; а сынъ сего послѣдняго Михайла, разсказывая ему о намѣреніи исходатайствовать у отца распредѣлительный актъ, говорилъ: «между нами есть одна семейная тайна, есть лицо, которое называютъ сыномъ нашей матери».

4, *Титулярный совѣтникъ Середа*, знакомый съ Шираемъ съ 1808 по 1841 г.: жена Ширая родила сына Александра, но не отъ Ширая, какъ носился въ народѣ слухъ; ребенокъ этотъ находился нѣсколько лѣтъ при матери въ Соловѣ, потомъ у священника новгородъ-сѣверскаго и оттуда увезенъ въ Москву.

5, *Коллежскій регистраторъ Янжулъ*, знакомый съ Шираемъ съ 1798 по 1841 г.: при женѣ Ширая видѣлъ сына Александра, который жилъ при ней до пяти лѣтъ, но отъ Ширая ли рожденъ, не знаетъ; по порученію матери, передавалъ новгородъ-сѣверскому священнику Мануйловичу для сына ея бѣлье и разныя вещи.

Другіе дворяне отозвались незнаніемъ.

Показанія по священническому увѣщанію.

25 крестьянъ и крестьянокъ, бывшихъ въ услуженіи при женѣ Ширая, принадлежавшихъ къ соловской дворнѣ, и двое камерди-

неровъ Ширая показали, что они совершенно знаютъ о рожденіи Александра у Ширая и жены его въ 1817 или 1818 г.; Александръ жилъ при матери до 4–хъ лѣтъ (двое до 5–ти, одинъ до 6–ти); не знаютъ, по чьему приказанію онъ отвезенъ былъ въ Болдовку, а оттуда въ Новгородъ–Сѣверскъ. *Попсуй* (бывшій при женѣ Ширая дворецкимъ) сверхъ того показалъ, что по приказанію, данному ему лично Шираемъ, онъ отправилъ Александра съ кучеромъ Ющенкомъ (умершимъ) въ деревню Болдовку вмѣстѣ съ нянькою Лобановою, гдѣ Александръ былъ помѣщенъ въ домѣ войта Винокурова, жилъ тамъ 6 недѣль, потомъ сынъ Ширая, пригласивъ Мануйловича, отправилъ его съ нимъ въ Новгородъ–Сѣверскъ. Трое показали, что во время рожденія Александра старикъ Ширай ночевалъ въ селѣ Соловѣ въ большомъ флигелѣ и утромъ уѣхалъ въ Черниговъ. Ширай постоянно жилъ въ Стародубѣ, но пріѣзжалъ въ Солову довольно часто и всегда останавливался въ большомъ домѣ, а во флигелѣ жила жена его, съ которою онъ видѣлся; за что Ширай жилъ въ несогласіи съ женою, не знаютъ, (Попсуй, что несогласіе произошло 15 лѣтъ назадъ, а Гредченковъ, что Шираи разошлись по пріѣздѣ старика изъ С. – Петербурга; по полученіи собственнаго ея имѣнія, Ширай запретилъ ей выѣзжать изъ Соловы далѣе деревень Болдовки и Еленки). Попсуй показалъ кромѣ того, что въ продолженіи уединенной жизни жены Ширая, ее навѣщали большею частію родственники, а также и сосѣди; дочери въ малолѣтствѣ жили при ней, а въ 1814 или 1815 г. отвезли ихъ въ Москву; по возвращеніи жили съ матерью, а потомъ при отцѣ въ селѣ Пантусовѣ.

Кромѣ вышепомянутыхъ присяжныхъ отзывовъ дворянъ, губернскій предводитель предлагалъ вопросы о рожденіи Александра Заботина 32 дворянамъ. Въ письменныхъ отзывахъ большая часть отозвалась незнаніемъ, другіе свѣдѣнія свои основывали на слухахъ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ показанія генералъ–маіора графа Гудовича и поручика Губчица, дальнихъ родственниковъ Ширая.

Гр. Гудовичъ отозвался, что Ширай, узнавъ письменно изъ Москвы отъ Барковскаго, что по разсказамъ сынъ его находится въ Москвѣ подъ попеченіемъ учителя Кубарева, сказалъ ему, Гудовичу, передъ отъѣздомъ въ Москву: «узнай пожалуйста, что тамъ за хлопецъ явился и разскажи, когда возвратишься». Дочь Ширая Настасья (Чернолузская) дала Гудовичу адресъ ребенка. Въ Москвѣ Гудовичъ видѣлъ Александра Заботина и, возвратившись, хвалилъ его

Шираю и совѣтовалъ перевести его изъ ремесленнаго отдѣленія въ словесное, но Ширай слышать не хотѣлъ, говоря: «пусть будетъ, какъ есть». Впослѣдствіи Гудовичъ убѣждалъ Ширая сдѣлать какое либо назначеніе Александру, который по крайней мѣрѣ рожденъ отъ его жены, имъ нѣкогда любимой, но и на это Ширай не согласился.

Поручикъ Губчицъ, въ письменномъ отзывѣ показалъ, что Долинская говорила съ нимъ о распоряженіяхъ отца, признавала ихъ неудовлетворительными; причемъ сказала ему: «да вы знаете ли, что у насъ есть братъ Александръ въ Москвѣ?» Въ 1838 или 1839 г., пріѣхавъ въ Пантусово, онъ сообщилъ Шираю носившійся слухъ, что московскій (Заботинъ) имѣетъ метрическое свидѣтельство; съ симъ словомъ Ширай, встревоженный, вскочилъ, и, обратясь къ Завѣрухѣ, сказалъ: «что это?» Заверуха отвѣчалъ: «неправда, ваше превосходительство, по всѣмъ мѣстамъ уничтожено».

Однокровные братья Ульяны Ширай, Василій и Иванъ *Бороздны*, сестры ея и родственники ихъ *Миклашевскіе*, въ письменныхъ отзывахъ, утвердительно доказывали, что Александръ Заботинъ законный сынъ ихъ сестры и Ширая, преслѣдуемый безвинно отцомъ со дня рожденія своего.

Показанія о жизни и характерѣ жены Ширая.

Титулярные совѣтники Кункевичъ и *Грасевичъ*: Извѣстно имъ, что Ульянѣ Ширай не велѣно было выѣзжать изъ села Соловы. *Священникъ Иванъ Лапчинскій, титулярный совѣтникъ Страшенко, коллежскій ассесоръ Животкевичъ и коллежскій регистраторъ Янжулъ:* что Ширай, проѣзжая изъ Стародуба въ Черниговъ и обратно, останавливался въ Соловѣ въ своемъ домѣ. *Титулярный совѣтникъ Коцкевичъ*: — совершенно извѣстно ему, что жена Ширая была удалена отъ общества и терпѣла крайніе недостатки. *Титулярный совѣтникъ Хоминскій*,—что когда случалось ему быть въ Соловѣ, то всегда видѣлъ жену Ширая прилично одѣтою въ кругу дѣтей и постороннихъ. *Губернскій секретарь Лайкевичъ*,—что жизнь жены Ширая походила на заточеніе, и что въ 1817 г. мать его, проѣзжая съ нимъ чрезъ Солово, была у жены Ширая, которая въ то время не пользовалась пристойнымъ содержаніемъ и находилась въ крайней бѣдности. *Титулярный совѣтникъ Середа*,—что за женою Ширая присматривали крѣпостные лю-

ди, дабы она никуда не отлучалась. *Священникъ Лапчинскій*, — что Ширай съ женою не обращался жестоко и все содержаніе отпускалось ей изъ экономіи, какъ слѣдуетъ; *Янжулъ*,—что когда управлялъ имѣніемъ Солово дворянинъ Рухлядка, то обращался, по невѣжеству, съ женою Ширая грубо, а сей послѣдній всегда у него спрашивалъ, не заѣзжалъ ли въ Солово и здорова ли жена; *Животкевичъ*,—что жена Ширая находилась подъ присмотромъ крѣпостныхъ людей и однажды ему жаловалась на недостаточное содержаніе, относя это не къ мужу, а къ управляющему.

О характерѣ Степана Ширая спрошенные подъ присягою дворяне отозвались, что онъ былъ человѣколюбивъ, твердъ, рѣшителенъ, благороденъ, добръ, веселъ, любилъ общество, гостепріименъ, строгъ, скрытенъ, неуступчивъ, своенравенъ, гордъ, честолюбивъ, помнилъ нанесенное ему огорченіе. Другіе показали, что о характерѣ его ничего не знаютъ. Одинъ генералъ – маіоръ Гудовичъ, родственникъ Ширая, безъ присяги показалъ, что Ширай былъ честолюбивъ и гордъ, а къ крестьянамъ своимъ и служителямъ весьма снисходителенъ; съ дѣтьми суровъ.

Объ Ульянѣ Ширай отозвались, что она была умная, кроткая и добродѣтельная; характеръ имѣла тихій, скромный, благородный; одинъ (Животкевичъ), — что Ульяна Ширай была характера скромнаго, но сложенія горячаго. *Животкевичъ* подъ присягою показалъ, что Ульяна Ширай имѣла болѣзненный припадокъ въ родѣ сумасшествія и тогда дарила кому что попало и въ забывчивости выходила изъ границъ благопристойности къ мужескому полу. Во время освѣщенія соловскаго дома, когда Ширай жилъ съ женою, по просьбѣ перваго, преосвященный черниговскій назидалъ Ульяну Ширай въ особой комнатѣ о вѣрности супружеской.

Графъ Николай Гудовичъ безъ присяги: онъ рѣдко имѣлъ случай видѣть жену Ширая, но ему всегда казалось, что въ свободное время отъ болѣзненныхъ припадковъ она была въ обращеніи скромна, кротка и привѣтлива.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Искрицкій, безъ присяги: онъ слышалъ отъ родныхъ своихъ, посѣщавшихъ Ульяну Ширай, что она, будучи въ болѣзненномъ состояніи, предпочитала бесѣду и занятія званію ея несвойственныя, любила жить въ людскомъ флигелѣ, а не въ домѣ, и объ одеждѣ не была довольно заботлива. Впослѣдствіи говорилъ ему Ширай, что, по его приказа-

нію, дочь Анастасія (Черполузская) посѣщала мать, а сама Черполузская — что мать устроена въ Соловѣ прилично.

Стародубскій уѣздный врачъ штабъ-лекарь Кузьминскій, безъ присяги, отозвался, что онъ пользовалъ жену Ширая съ 1833 г., которая вскорѣ послѣ смерти сына Ширая, Михайлы, была больна желтухою; по излеченіи отъ этой болѣзни черезъ полгода, или немного болѣе, заболѣла водяною, которою страдала до самой смерти. Кромѣ этой болѣзни два раза подвержена была параличному удару: въ первый разъ отнялась у нея половина всего тѣла, но при пользованіи получила облегченіе; отъ другаго удара, кажется, чрезъ полгода послѣ перваго, она умерла въ 1839 г. Сверхъ того, иногда, а чаще періодически, во время малоколичественнаго очищенія, имѣла общее умономѣшательство, продолжавшееся иногда по недѣлѣ и обнаруживавшееся безсонницею, говорливостью или молчаливостью, и угрюмостью.

Розысканія о воспитаніи Александра Заботина.

Священно-намѣстникъ Новгородъ-Сѣверска Логинъ Мануйловичъ, 2-го марта 1843 г., показалъ, что въ 1822 г., по письменному приглашенію Михайлы Ширая, пріѣзжалъ онъ въ Солово, гдѣ, наединѣ, сей послѣдній объяснилъ ему о притѣсненіи отцомъ его матери и объ удаленіи, по приказанію отца, управляющимъ Гаевскимъ, маленькаго его брата Александра въ деревню Болдовку, для воспитанія съ крестьянами. Въ Болдовкѣ Мануйловичъ взялъ Александра, который воспитывался у него около 3-хъ лѣтъ, но потомъ Михайлъ Ширай, объяснивъ ему въ д. Пантусовѣ, что отецъ его узналъ о мѣстѣ пребыванія Сани, сообщилъ ему намѣреніе свое взять Александра въ Москву,—для опредѣленія въ учебное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи поступилъ въ университетъ. Согласно волѣ Михайла Ширая, Мануйловичъ, въ іюлѣ 1825 г., отдалъ Александра присланному человѣку Ивану Терещенку, въ присутствіи штабсъ-капитана Емельяновича. Александръ, прозванный, не знаетъ почему, Заботинымъ, есть тотъ самый, который у него воспитывался; онъ имѣлъ маленькій шрамчикъ близъ глаза, и его признаютъ всѣ тѣ, которые видѣли въ его, Мануйловича, домѣ. Мануйловичъ представилъ слѣдователямъ 13 писемъ къ нему Михайлы Ширая и 2 письма Ульяны Ширай.

Въ письмахъ своихъ Михайла Ширай спрашиваетъ о здоровьѣ и

воспитаніи Александра, называя его *извѣстнымъ предметомъ, нашимъ безпокровнымъ Сашею*, и семьяниномъ Мануйловича.

Въ первомъ письмѣ отъ 18-го января 1824 г., Ульяна Ширай посылаетъ Мануйловичу шнурочикъ для часовъ своей работы, присовокупляя: носите его всегда; я еще лучшій постараюсь сдѣлать. Посылаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, своему Сашинькѣ платье и бѣлье, проситъ писать о его потребностяхъ, ибо она можетъ все доставить. Далѣе она пишетъ: я думаю, у моего маленькаго Сашиньки нѣтъ шубки, смѣряйте его ростъ и въ письмѣ, хоть чрезъ почту, пришлите бумажную мѣрочку; не опасайтесь теперь ничего; мой старшій сынъ показывалъ мнѣ почтенное письмо ваше и открылъ мнѣ, что вы сдѣлали мнѣ благодѣяніе, взявши воспитывать и учить моего маленькаго Сашиньку. Я всегда буду чувствовать и благодарить васъ за это воспитаніе и ученіе и должна помнить васъ по гробъ и дорогаго моего сына Мишеньку. Моему сердцу очень больно было разстаться съ маленькимъ Сашинькою; но надобно было рѣшиться учить его; надѣюсь, что вы заступите мое мѣсто,—вѣрно сожалѣете его въ чужой сторонѣ. Я слышала, что малютка мой былъ опасно болѣнъ.

Во второмъ письмѣ отъ 14 іюня 1826 г., Ульяна Ширай проситъ Мануйловича возвратить посылку, «которую я посылала моему Сашинькѣ». Далѣе благодаритъ за воспитаніе и попеченіе о Сашѣ и въ заключеніе присовокупляетъ: «слава Богу, онъ здоровъ, учится хорошо, только очень далеко за Москвою».

Вслѣдствіе объясненія Мануйловича, подъ присягою показали:

Жена Мануйловича,—что представленный ей Заботинъ есть тотъ самый, который жилъ въ домѣ мужа ея около трехъ лѣтъ; узнаетъ она Александра по шрамику у лѣваго глаза, родимому круглому пятну на правой щекѣ, по всѣмъ чертамъ лица и, наконецъ, по воспоминаніямъ о разныхъ мелкихъ случаяхъ, бывшихъ въ ихъ домѣ во время его пребыванія.

Священникъ Ѳедоръ Мануйловичъ и *отставной штабсъ-капитанъ Емельяновичъ* и дьячекъ *Терасевичъ* подъ присягою показали, что они видѣли Александра у Мануйловичей; Емельяновичъ, кромѣ того, показалъ, что онъ провожалъ, съ Мануйловичами, Александра, при отправленіи его въ Москву.

Между тѣмъ, Александръ Заботинъ подалъ слѣдователямъ записку, изъ которой видно, что въ 1825 году, семи лѣтъ, онъ отданъ былъ священническою вдовою Кубаревою въ московскій воспитательный

домъ; на третьемъ году изъ классовъ переведенъ въ ремесленное отдѣленіе, изъ коего выпущенъ въ 1839 г. для пріисканія себѣ мѣста, а въ 1840 г. поступилъ, по контракту, къ помѣщику Орловской губерніи, штабсъ-ротмистру барону Таубе, съ жалованьемъ по 120 руб. асс. въ годъ. При запискѣ Заботинъ представилъ письма бывшаго профессора московскаго университета Кубарева на имя Ивана и Николая Бороздинъ, однокровныхъ братьевъ Ульяны Ширай. Въ письмахъ этихъ Кубаревъ принимаетъ участіе въ судьбѣ Заботина относительно отысканія правъ на настоящее происхожденіе и изъявляетъ готовность свою и своей матери принять участіе въ дѣлѣ справедливомъ, по христіанской совѣсти.

Адъюнктъ московскаго университета Кубаревъ, спрошенный подъ присягою, показалъ, что Александръ Заботинъ былъ принятъ матерью его, Кубарева, отъ его товарища и друга Михайлы Ширая и доставленъ имъ крѣпостнымъ его человѣкомъ, Иваномъ. Помѣщенъ Заботинъ матерью его, Кубарева, въ воспитательный домъ по письму Михайлы Ширая, который дѣлалъ ему денежное пособіе. Отъ Михайлы Ширая онъ ничего не слыхалъ о происхожденіи Заботина, но былъ свидѣтелемъ самаго заботливаго о немъ попеченія, какъ о человѣкѣ ему близкомъ. По общей молвѣ, ему извѣстно, что Заботинъ— сынъ отца Михайлы Ширая. При этомъ Кубаревъ представилъ 9 писемъ: пять Ивана Бороздны, два брата его Николая и два Александра Заботина.

Въ письмахъ къ Кубареву Иванъ Бороздна пишетъ отъ 22 іюля 1842 г., что всѣ родные покойницы не согласны на прежнее удовлетвореніе: нужно возстановить права извѣстнаго лица. Убѣждаетъ Кубарева, чтобы на случай пріѣзда къ барону (Таубе) одного ихъ родственника, Саша послѣдовалъ его совѣту и былъ твердъ, какъ адамантъ: уступчивость испортитъ дѣло, ея не должно быть ни съ вашей, ни съ Сашиной стороны. Въ письмѣ отъ 30 августа изъявляетъ сомнѣніе въ успѣхѣ предпринимаемаго имъ дѣла, говоря: Долинскій и Черполузскій имѣютъ связи и деньги, и разумѣется, не пощадятъ капиталовъ, чтобъ отстоять себя. Изъ 4 письма видно, что Бороздны посылали къ Таубе родственника своего Сребдольскаго со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ и съ бумагою на имя графа Бенкендорфа. Бумагъ этихъ Заботинъ не согласился подписать и обѣщалъ съ Таубе пріѣхать къ Бороздамъ. Въ заключеніи письма, Иванъ Бороздна говорилъ, что съ Долинскою нельзя кончить дѣло миромъ.

Николай Бороздна, въ первомъ письмѣ къ Кубареву, отъ 15 января 1843 г., проситъ его и мать содѣйствовать въ кровномъ для нихъ дѣлѣ о возстановленіи правъ племянника ихъ Александра, и, извѣщая о посылкѣ Долинскою и Чернолузскою своего агента, Кароля, изъявляетъ надежду, что Кубаревъ изгонитъ его отъ себя. Во второмъ письмѣ Николай Бороздна извѣщаетъ о посылкѣ Сребдольскаго для обсужденія плана по дѣлу Заботина.

Александръ Заботинъ, отъ 12 августа 1842 г., пишетъ къ Кубареву, что онъ съ Таубе отправился-было въ Малороссію, не смотря на то, что онъ просилъ Таубе туда не ѣздить, благодаритъ Кубарева за письмо, которое остановило поѣздку; «я не знаю, пишетъ онъ, что́ было бы изъ нашей поѣздки: баронъ хотѣлъ тамъ дѣлать справки въ метрикахъ и Богъ знаетъ что́, между тѣмъ какъ все это вздоръ, а можетъ быть....» Во второмъ письмѣ Заботинъ проситъ Кубарева быть откровеннымъ съ барономъ Таубе и разсказать все, что́ знаетъ о его происхожденіи.

Вдова священника, Анна Кубарева, подъ присягою, показала, что Михаилъ Ширай, въ письмѣ отъ 17 іюля 1825 г., прислъ ее, Александра Алексѣева, сына умершей канцелярской вдовы Маріи Заботиной, помѣстить въ воспитательный домъ, для чего прислалъ просьбу и свидѣтельство, имъ самимъ приготовленное. О происхожденіи Заботина Михаилъ Ширай ей ничего не говорилъ и она никакихъ доказательствъ не имѣетъ. Въ подтвержденіе своего показанія, Кубарева представила подлинное письмо Михаила Ширая отъ 17 іюля 1825 года.

На предложенные слѣдователями вопросы генералъ-маіоршѣ Долинской и сестрѣ ея коллежской совѣтницѣ Чернолузской, онѣ отвѣчали:

1, *Марья Долинская*: 1, покойный братъ Михаилъ въ день свадьбы ея сказалъ ей: «въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть мальчикъ, котораго ты, въ случаѣ моей смерти, не должна оставить безъ пособія, когда будешь владѣть родительскимъ имѣніемъ». Но ни братъ, ни родители не говорили ей, что у нея есть или былъ еще братъ Александръ. 2, Сестра ея Анастасья Чернолузская говорила ей, не помнитъ когда, что послѣ брата найдено письмо, въ которомъ онъ проситъ каждую изъ нихъ внесть въ московскій воспитательный домъ на имя воспитанника Заботина по 30,000 рублей асс. 3, По смерти отца просила она дядю, Ивана Бороздну, ѣхавшаго въ

Москву, узнать о помянутомъ воспитанникѣ и на первый разъ сестра ея дала 500 руб. асс. По дядя отвѣчалъ изъ Москвы въ первомъ письмѣ, что извѣстной «особы» нѣтъ въ Москвѣ и что о немъ пустая болтовня, а во второмъ, что денегъ ему давать не для чего, чтобъ онѣ ничему не вѣрили; онъ за нихъ горою. Потомъ мѣсяцевъ черезъ пять, 27 марта 1842 г., получили онѣ отъ дяди страховыя письма, совершенно другаго содержанія. Послѣднее письмо Бороздны Долинская представила въ подлинникѣ.

Коллежская совѣтница Анастасья Чернолузская: 1, подтвердила показаніе сестры объ оставшемся письмѣ послѣ брата ихъ Михаила Ширая, о внесеніи для Заботина въ сохранную казну каждою изъ нихъ по 30,000 руб. асс. 2, Отецъ ея зналъ о существованіи въ Москвѣ Заботина не отъ нея, а потому, что братъ Михаилъ имѣлъ о немъ попеченіе, самъ же отецъ ея не только не принималъ никакого въ Заботинѣ участія, но былъ недоволенъ на сына за излишнюю заботливость. 3, Отца она никогда не убѣждала подать прошеніе объ устраненіи Заботина отъ наслѣдства, потому что сей послѣдній, какъ непринадлежавшій къ ихъ роду, и безъ-того къ имѣнію отца не могъ быть наслѣдникомъ. 4, Утверждаетъ, что у отца ея не было, кромѣ умершихъ Михаила и Петра, никакого третьяго сына, что̀ подтверждается родословнымъ актомъ отца на родовое имѣніе, при жизни матери ихъ составленнымъ. Признавая Заботина самозванцемъ, въ чемъ можетъ удостовѣрить письмо изъ Шацка, въ которомъ другое лицо называетъ себя ихъ братомъ, Чернолузская просила слѣдователей: а) о другомъ самозванцѣ произвести розысканіе, Ивана и Николая Борозденъ и также Заверуху, прикосновенныхъ къ дѣлу о самозванствѣ Заботина, ни къ какому свидѣтельству не допускать, а Лейкевича, вмѣшавшагося произвольно въ это дѣло, отъ дѣла устранить; б) отъ Заботина истребовать доказательства и предъявить ей, а до того времени никого не допрашивать; въ допущеніи же къ присягѣ и свидѣтельству допрашиваемыхъ поступить по законамъ.

Изъ писемъ, представленныхъ Чернолузскою и сестрою ея Долинскою, видно:

1) Михаила Ширая, отъ 21 февраля 1828 г. изъ села Пантусова. Въ письмѣ этомъ Михаилъ Ширай открываетъ сестрамъ важную тайну, что подъ № 3561 въ московскомъ воспитательномъ домѣ есть воспитанникъ Александръ Заботинъ. «Давъ слово его матери быть вторымъ его отцемъ», Михаилъ Ширай завѣщеваетъ своимъ

сестрамъ, въ случаѣ своей смерти, приложить попеченіе объ устройствѣ судьбы Заботина и внести въ Сохранную Казну каждою по 30,000 руб. асс. Дѣлая дальнѣйшія распоряженія относительно условій, на которыхъ вкладъ долженъ быть учиненъ и порядка выдачи Заботину, женѣ и дѣтямъ его денегъ, Ширай въ заключеніе присовокупляетъ: «все вышеизложенное должно быть приведено въ исполненіе въ такомъ только случаѣ, если воспитанникъ Александръ будетъ чувствовать ихъ благодѣяніе; когда же, напротивъ, онъ окажется имъ неблагодарнымъ, предпринявъ что нибудь противъ нихъ,— въ такомъ случаѣ, оставшійся въ Совѣтѣ капиталъ поступаетъ къ нимъ обратно, за исключеніемъ денегъ, ему выданныхъ, коихъ не требовать».

Письма Ивана Бороздны содержатъ въ себѣ слѣдующее: Въ первомъ письмѣ, Бороздна, отъ 17 ноября 1841 г. изъ Москвы, извѣщаетъ Чернолузскую, что, несмотря на доходящіе до него слухи о глупыхъ въ нѣкоторыхъ обществахъ толкахъ, насчетъ извѣстной особы, которой еще нѣтъ въ Москвѣ, все это, по общему разсужденію съ Алексѣемъ Михайловичемъ (Кубаревымъ) и его матерью, кажется, кончится болтовнею и пустяками; во второмъ, отъ 27 марта 1842 г., которое въ двухъ экземплярахъ было послано къ Долинской и Чернолуской, Иванъ Бороздна извѣщаетъ, что молодой человѣкъ (Заботинъ), вызванный въ Москву непосредственнымъ своимъ начальствомъ, былъ препровожденъ къ нему и высказалъ всѣ совершенно извѣстныя ему, Заботину, обстоятельства странной судьбы своей и участіе, принимаемое въ немъ начальствомъ воспитательнаго дома; къ счастью, добрые Кубаревы, при самомъ пріѣздѣ его, Заботина, въ Москву, употребили стараніе, чтобы утушить на первыхъ порахъ дѣло. Онъ, Бороздна, сказалъ ему, Заботину, все, что впушало ему усердіе и любовь къ Долинской и Чернолузской и незабвеннымъ покойникамъ, совѣтовалъ ему положиться вполнѣ на Кубаревыхъ и на великодушіе Долинской и Чернолузской и далъ слово написать къ нимъ; что, вслѣдствіе сношенія Кубарева съ начальствомъ ремесленнаго училища при воспитательномъ домѣ, оставлена предположенная переписка этого начальства съ высшимъ, устранена отправка молодаго человѣка въ С.-Петербургъ и онъ снова препровожденъ къ барону Таубе въ Орловскую губернію, впредь до полученія отвѣта на письмо. Если же онѣ не дадутъ никакого отвѣта, или дадутъ нерѣшительный, тогда уже ни Кубаревы, ни онъ, Бороздна, не будутъ

въ силахъ остановить ходъ дѣла, которое сопряжено съ такими для нихъ непріятностями. Бороздна проситъ не медлить и прислать мужа своего, генерала Долинскаго, поскорѣе въ Москву, присовокупляя, что когда старикъ (Ширай) не былъ погребенъ, Егоръ Яковлевичъ (Долинскій) въ Соловѣ сказывалъ ему и ручался за готовность ихъ, Долинской и Чернолузской, дать молодому человѣку по 100 т. каждая, лишь бы онъ оставилъ ихъ въ покоѣ. «Напишите,» продолжаетъ Бороздна, «какою именно суммою хотите обезпечить его: тогда онъ изберетъ родъ жизни и состояніе, и вы останетесь спокойными.» Далѣе Бороздна пишетъ, что тѣнь матери ихъ, Чернолузской и Долинской, вопіетъ въ пользу несчастнаго, котораго всѣ средства къ существованію ограничиваются 10 рублями жалованья въ мѣсяцъ; хвалитъ молодаго человѣка, описываетъ его умъ, способности, присовокупляя, что братъ ихъ Михаилъ за два дня до смерти сказалъ ему о Заботинѣ: «я умираю съ увѣренностію, что сестры мои не покинутъ его».

Въ третьемъ письмѣ Иванъ и Николай Бороздны изъясняютъ, что всѣ собранныя ими свѣдѣнія убѣждаютъ ихъ, что Александръ Заботинъ есть родной братъ ихъ, Долинской и Чернолузской, а потому убѣждаютъ страданіями ихъ матери, просить государя императора о дарованіи Александру имени, котораго онъ лишенъ несправедливо.

Въ представленномъ Чернолузскою письмѣ, полученномъ ею съ сестрою Долинскою изъ Шацка, отъ 13-го апрѣля 1842 г., за подписью «Александръ Ширай,» между прочимъ, сказано: «я слышалъ, что вамъ Бороздна писалъ, что онъ знаетъ обо мнѣ. Не вѣрьте ему, онъ вѣроятно давно потерялъ меня изъ виду, можетъ вамъ представить какого нибудь самозванца и назвать вашимъ братомъ, то будьте осторожны, не дайте воспользоваться тому, кто не наслѣдникъ. У меня не погасла любовь къ роднымъ, чувствую, что вы мнѣ сестры, то пусть лучше вы владѣете нашимъ общимъ имѣніемъ, нежели отдать тому, о комъ пишетъ Бороздна. Напишите Бороздѣ, чтобы онъ не безпокоился обо мнѣ и не думалъ бы васъ обманывать, а если онъ вздумаетъ представить вмѣсто меня самозванца, то я тихимъ образомъ самъ предъ вами явлюсь и докажу.»

По требованію слѣдователей, тамбовскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ, что, по тщательному секретному розысканію, въ г. Шацкѣ Александра Ширая не оказалось; а по полицейскимъ книгамъ 16-го апрѣля 1842 г. не значится; Александръ Ширай, объщавшій Долин-

ской и Чернолузской, въ письмѣ явиться для опроверженія правъ самозванца Ширая, какъ видно изъ дѣла, ни къ нимъ, ни къ слѣдователямъ не являлся.

Въ отзывѣ своемъ отъ 1-го марта 1843 г., Бороздна объяснилъ слѣдователямъ, что дочери Ширая могутъ представить письма его, смыслъ которыхъ покажется противорѣчащимъ объявленію, поданному имъ вмѣстѣ съ братомъ; но упомянутыя письма относятся къ тому времени, когда онъ, не вникнувъ въ существующія узаконенія, ошибочно думалъ, что права Заботина неопровержимо и законно уничтожены Степаномъ Шираемъ, и когда онъ не имѣлъ въ виду ни свѣдѣній, ни фактовъ, опровергающихъ его первоначальное убѣжденіе; послѣ чего, ему, Бороздѣ, ничего болѣе не оставалось, какъ въ перепискѣ его съ племянницами (Долинскою и Чернолузскою) сильно выражаться въ пользу Александра Заботина, чтобы, склонивъ обѣихъ къ большему довѣрію, успѣшнѣе исходатайствовать отверженному несчастливцу хотя 200 т. руб. капитала.

Розысканія объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Шираямъ и совершенныхъ ими на оныя актахъ.

По требованію слѣдователей, стародубскій уѣздный судъ и дочери Ширая представили разные акты отца ихъ и матери на принадлежавшія имъ имѣнія.

Акты сіи суть слѣдующіе:

1) Запись 15 іюня 1802 г., которою Ульяна Ширай все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе записала мужу своему, предоставляя однакожъ себѣ право отмѣнить сію запись.

2) Вѣчистая запись 17 августа 1809, которою Ульяна Ширай записала все принадлежащее ей движимое и недвижимое имѣніе вѣчно и потомственно дѣтямъ своимъ, рожденнымъ отъ Степана Ширая, сыновьямъ Михайлу и Петру и дочерямъ Марьѣ и Анастасьѣ, съ предоставленіемъ мужу своему права владѣть, распоряжаться и распредѣлить его между дѣтьми по своему усмотрѣнію, безъ всякаго съ ея стороны вмѣшательства.

3) Актъ 1 ноября 1838 г., которымъ Ширай утверждаетъ и опредѣляетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе единственнымъ по немъ наслѣдницамъ (такъ-какъ (сказано въ актѣ) за смертію сына его,

Михаила, мужеское колѣно въ родѣ его вовсе пресѣклось) дочерямъ Марьѣ и Анастасіи свое родовое имѣніе (1581 д.).

4) Второй распредѣлительный актъ 5 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай, по праву, женою ему предоставленному, утверждаетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе дочерямъ своимъ Марьѣ и Анастасіи, единственнымъ, за смертію сыновей его Петра и Михаила, наслѣдницамъ, родовое наслѣдственное жены своей имѣніе (1825 д.).

5) Третій распредѣлительный актъ 9 ноября 1838 г., которымъ Ст. Ширай завѣщеваетъ все благопріобрѣтенное свое недвижимое имѣніе (1114 душъ) и капиталы единственнымъ своимъ, за смертію сыновей, наслѣдницамъ Марьѣ и Анастасіи.

По окончаніи, въ апрѣлѣ, слѣдователями розысканія о происхожденіи Заботина, черниговскій, полтавскій и харьковскій генералъ-губернаторъ, представилъ слѣдствіе къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Вмѣстѣ съ слѣдствіемъ, къ главноуправляющему III отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу и къ министру внутреннихъ дѣлъ, поступили прошенія Долинской и Чернолузской, въ которыхъ онѣ, доказывая, что настоящее дѣло возникло по зависти и злобѣ ихъ враговъ, которые воспользовались завѣтною тайною ихъ фамиліи, и что ужасная болѣзнь матери ихъ, съ несчастными своими послѣдствіями разрушила союзъ родителей до гроба, представили письма дѣда ихъ и отца, объясняя, что первое письмо отца ихъ матери коллежскаго совѣтника Петра Бороздны къ отцу ихъ Шираю, а другое отца ихъ къ Николаю Ивановичу Немировичу—Донченку. Ссылаясь затѣмъ на Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу княгини Касаткиной—Ростовской, Долинская и Чернолузская жаловались на отступленіе слѣдственною коммисіею отъ узаконенныхъ формъ и, въ-заключеніе, просили дѣло по извѣтамъ Заботина вовсе уничтожить.

Содержаніе представленныхъ Долинскою и Чернолузскою бумагъ слѣдующее: письмо Петра Бороздны изъ села Медвѣдева отъ 16-го августа къ дочери Ульянѣ Ширай (года не означено): (1) «Простить тебя я могу только тогда, когда ты обратишься на путь истинный, угодный Богу, мужу твоему и мнѣ; безъ сего исполненія подвига ничто тебя не можетъ оправдать; преступленіе твое столь богопро-

(1) По словамъ Долинской и Чернолузской письмо это писано въ 1809 г.

тивно, мерзкое и меня убивающее, столь велико, что одно раскаяніе, благородное поведеніе и честные поступки могутъ оное загладить. Прошу тебя, заклинаю и приказываю правомъ отца и данною властью отъ Бога, перемѣни свое поведеніе, оставь дурачество и подумай хорошенько и здраво, что̀ ты надѣлала: нарушила присягу свою, предъ Богомъ данную и мужемъ, огорчила его и меня убила, навела безчестіе моей и своей фамиліи и сдѣлала вѣчное безславіе твоимъ дѣтямъ? Гдѣ же наставленія, кои преподавалъ тебѣ я и вторая твоя мать (1) и благодѣтельница съ самаго твоего юношества? Гдѣ то воспитаніе, которое старался я дать тебѣ, сколько моихъ силъ и способовъ доставало? Всѣ таковыя благодѣянія забыла ты, и отдалась во власть демону, дабы симъ зломъ убійственно огорчить меня и вмѣстѣ лишить здоровья.» Совѣтуя ей обратиться къ Богу и съ его помощью сдѣлаться доброю женою и дочерью, на этомъ условіи Бороздна обѣщаетъ дочери исходатайствовать у мужа ея прощеніе. Для обезпеченія же участи дѣтей, которыхъ Бороздна своими считаетъ, онъ приказываетъ дочери записать имъ вѣчно имѣніе подъ управленіемъ мужа; для сего посылаетъ ей бумагу, которую она безъ сопротивленія должна сознать. Далѣе Бороздна объясняетъ дочери, что бумагу эту видѣлъ братъ Михаилъ Михайловичъ и сестра Анастасія Ивановна; обѣщаетъ пріѣхать къ дочери по выздоровленіи и кончаетъ письмо слѣдующими словами: «Смотри, я всякій твой шагъ знать буду. Старайся заслужить милость у мужа твоего и у меня».

Второе письмо черновое (2), въ началѣ поставлены буквы: М. Г. Н. И., безъ означенія числа и года и безъ подписи, а потому не видно, когда и къ кому писано и было ли послано. Письмо это начинается разсужденіемъ о суетѣ мірской и потомъ писавшій оное продолжаетъ: «видѣть васъ я имѣю великое желаніе, но пріѣздъ мой можетъ ли имѣть желаемый успѣхъ, о семъ да позволено мнѣ будетъ объясниться. Семейныя дѣла покрыты непроницаемою тайною, злостные почерпаютъ ихъ изъ источниковъ площадныхъ, а разсказы глупцовъ уподобить можно крику индѣекъ. То симъ способомъ заставить ихъ можно умолчать или признаться въ послѣднемъ; но я намѣренъ поговорить съ вами о первомъ. Вамъ много извѣстно, что̀

(1) Ульяна Ширай рождена была отъ первой жены Петра Бороздны.

(2) Черполузская и Долинская, въ прошеніяхъ своихъ, показываютъ, что письмо это отецъ ихъ писалъ къ капитану Николаю Ивановичу Донченку-Немировичу въ 1811 г. послѣ окончательнаго выѣзда ихъ отца изъ села Соловы.

со мною происходило; вы обо мнѣ соболѣзновали, помогали и ни въ чемъ не погрѣшили противъ правилъ честности и я во всемъ слѣдовалъ вашимъ совѣтамъ. Боровшись же долго не съ обстоятельствами, а съ безуміемъ, не оставалось мнѣ болѣе, какъ, поруча себя покрову всесильнаго, удалиться и не быть зрителемъ таковыхъ бѣдствій. И такъ, когда вы не перестаете и нынѣ быть при тѣхъ усердныхъ расположеніяхъ вашихъ семейству моему, то вы имѣете всѣ средства, паче же въ присутствіи и съ согласія родителя, начертать планъ для возстановленія спокойствія, удаленіемъ клеветы, а я, налагаю на себя обязанность исполнить вѣрно все то, что́ только не касается къ нарушенію моего покоя и чести, а потому и не можетъ войти, до нѣкотораго времени, въ составъ вашего расположенія, видѣться и жить вмѣстѣ; видѣться воспрещаютъ мнѣ права гражданскія, жить въ одномъ домѣ испугъ, страданіе и многія предосторожности, ибо свѣжеперехваченная переписка состоитъ въ желаніи мнѣ смерти, въ похищеніи имущества и въ похоти скотской; клянусь всемогущимъ Богомъ, что я не имѣю никакой ненависти за все мнѣ сдѣланное, признавая все то за произведеніе злыхъ духовъ; болѣзнь, притомъ неутолимая, къ мерзостямъ безъ разбора, тревога ежечасная въ домѣ, привлеченіе со всѣхъ сторонъ мошенниковъ, развратъ домашнихъ и безпрестанно подвергать себя опасности, все это заставило бы меня давно принять другія мѣры, если бы я не уважалъ правъ человѣчества и, не боясь гнѣва Господня, потому что тамъ нѣтъ преступленія, гдѣ творится невольнымъ побужденіемъ. Въ заключеніе сего письма сказано: «владѣемое мною имѣніе для зависти кажется быть только стромкимъ (огромнымъ), но мое собственное превосходитъ вдвое; не для прихотей и тщеславія, а для благосостоянія дѣтей моихъ, я долженъ сохранить и защищать его отъ всякаго неправаго притязанія».

Въ свидѣтельствѣ, данномъ предводителемъ дворянства суражскаго уѣзда и дворянами Степану Шираю о наслѣдственныхъ правахъ дѣтей его на имѣніе, оставшееся послѣ безпотомно-умершаго полковника Будлянскаго, сказано, что отъ Ульяны, урожденной Бороздны и Степана Ширая, родились сынъ Михаилъ и дочери Марья и Анастасія (1). Свидѣтельство это подписано предводителемъ дворянства и

(1) О Петрѣ, родившемся и умершемъ въ 1809 г., въ свидѣтельствѣ не упомянуто.

12 дворянами, въ томъ числѣ единокровнымъ братомъ Ульяны Ширай, коллежскимъ ассесоромъ Василіемъ Бороздною и родными братьями мачихи ея, Александромъ и Григоріемъ Кулябками-Корецкими и завѣрено стародубскимъ уѣзднымъ судомъ.

Въ такомъ видѣ настоящее дѣло поступило, по Высочайшему повелѣнію, къ судебному разсмотрѣнію.

Стародубскій уѣздный судъ заключилъ письмо отца Ульяны Ширай и Степана Ширай предъявить Ивану и Николаю Бороздамъ на тотъ конецъ, признаютъ ли они ихъ подлинность.

Вслѣдствіе сего, Бороздны, разсмотрѣвъ сіи письма, въ отзывѣ отъ 4 августа 1843 г., изъяснили: 1) что они не признаютъ подлиннымъ письмо отца ни по почерку, ни по грубымъ выраженіямъ, ему не свойственнымъ, ни по любви и уваженію, которое онъ постоянно питалъ къ дочери, ни по содержанію; ибо въ письмѣ сестра ихъ, извѣстная всѣмъ своею кротостью и добродѣтелью, обвиняется въ какомъ-то преступленіи, и ей приказывается записать имѣніе дѣтямъ, тогда какъ извѣстно всему семейству, что отецъ никогда не соглашался на таковую запись. 2) Подлинность черноваго письма Ширая, они, Бороздны, ни утверждаютъ, ни опровергаютъ, потому что не помнятъ почерка Ширая. Но какъ оно писано въ 1808 или первой половинѣ 1809 г. (мнѣніе это Бороздны основываютъ на томъ, что письмо это будто бы писано до совершенія сестрою ихъ записи, о которой въ письмѣ рѣчь идетъ), то оно не могло быть адресовано къ Немировичу-Донченкѣ, который въ 1810 г. женился на ихъ сестрѣ Аннѣ, а до того времени не былъ такъ близокъ къ отцу ихъ, чтобы на него дѣйствовать.

Для сличенія почерка ихъ отца, Бороздны представили три письма и одинъ документъ, гербъ рода Кобольчичей, Петромъ Бороздной подписанный.

Семь секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ, по сличеніи почерка письма Петра Бороздны, представленнаго Долинскою и Чернолузскою съ письмами и документомъ, представленными сыновьями Петра Бороздны Иваномъ и Николаемъ, въ отзывахъ своихъ отъ 1-го сентября 1843 г., признали единогласно почеркъ письма, предъявленнаго дочерьми Ширая, неимѣющимъ сходства съ письмами и документомъ Петра Бороздны, представленными его сыновьями.

Стародубскій уѣздый судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, рѣшеніемъ 9-го сентября 1843 г. заключилъ: рожденнаго въ законномъ

бракѣ отъ Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра признать законнымъ сыномъ; но какъ съ этимъ сопряжено возвращеніе правъ дворянскихъ, на что́ слѣдуетъ испросить Высочайшее соизволеніе, то дѣло представить на ревизію въ черниговскую гражданскую палату.

Повѣренный Долинской и Чернолузской, жалуясь черниговской гражданской палатѣ на неистребованіе уѣзднымъ судомъ исповѣдныхъ росписей о Заботинѣ и недопущеніе ихъ къ отвѣтамъ и рукоприкладству, представили одно письмо Петра Бороздны, для удостовѣренія подлинности ими прежде предъявленнаго и два письма Степана Ширая, для сличенія съ его почеркомъ.

Въ письмѣ отъ 17 іюня (года не означено) (1), Петръ Бороздна пишетъ: «весьма важныя обстоятельства, открывшіяся мнѣ мгновенно, до васъ, любезнѣйшій Степанъ Михайловичъ, относящіяся и кои наводятъ на меня горесть съ нарушеніемъ спокойствія отцу семейства, вынуждаютъ меня просить васъ усерднѣйше пріѣхать ко мнѣ въ Медвѣдово, гдѣ я вамъ открою такую эпоху, которая требуетъ рѣшительныхъ мѣръ. Тайну сію я долженъ сокрыть, не смѣя начертать оную на бумагѣ. Вы узнаете оную отъ меня лично и тогда, можетъ-быть, удостовѣритесь въ моихъ благородныхъ чувствахъ и привязанности къ вамъ и дѣтямъ вашимъ. Сдѣлайте же только такимъ образомъ, чтобы о посѣщеніи меня вашемъ никто не видалъ. Скажу вамъ также, что я готовъ былъ самъ ѣхать къ вамъ въ Стародубъ, но существо дѣла сего запрещаетъ мнѣ то исполнить, сверхъ моего желанія. Завтра я васъ непремѣнно къ себѣ ожидаю.»

Черниговская гражданская палата 6-го октября 1843 года утвердила рѣшеніе стародубскаго уѣзднаго суда; но вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая, что для предоставленія Александру дворянскихъ правъ и фамиліи Ширая, слѣдуетъ испросить соизволеніе Государя, представила дѣло на ревизію въ правительствующій сенатъ.

На недопущеніе къ рукоприкладству и на необъявленіе имъ рѣшенія палаты, Чернолузская и Долинская жаловались правительствующему сенату.

Государственный совѣтъ, до разсмотрѣнія котораго доходило настоящее дѣло, вслѣдствіе несостоявшагося въ общемъ собраніи правительствующаго сената узаконеннаго большинства сенаторовъ, положилъ утвердить мнѣніе министра юстиціи, состоящее въ томъ, что дѣло

(1) Долинская и Чернолузская утверждаютъ, что оно писано въ 1809 г.

это должно производиться съ соблюденіемъ всѣхъ формъ гражданскаго суда, что Долинская и Чернолузская не могутъ быть лишены средствъ къ огражденію своихъ правъ. Это мнѣніе высочайше утверждено 16 октября 1844 года.

Въ исполненіе этого мнѣнія, черниговская гражданская палата разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла поручила суражскому уѣздному суду.

Суражскій уѣздный судъ, рѣшеніемъ 21 іюня 1845 г., заключилъ: рожденнаго въ законномъ бракѣ Степана Ширая и жены его, Ульяны, сына Александра, неправильно и противузаконно, по гнѣву къ своей женѣ, отчужденнаго отъ своего рода отцомъ его, признать законнымъ ихъ сыномъ, съ возвращеніемъ ему фамиліи, дворянства и части наслѣдственнаго достоянія родителей его, слѣдующей ему по законамъ. Опредѣленіе наслѣдственной части, по нахожденію имѣнія Ширая и жены его въ разныхъ уѣздахъ, уѣздный судъ предоставилъ черниговской гражданской палатѣ.

На это рѣшеніе Заботинъ подписалъ удовольствіе, а повѣренные Долинской и Чернолузской неудовольствіе и въ поданныхъ въ черниговскую гражданскую палату аппеляціонныхъ жалобахъ, опровергая рѣшеніе уѣзднаго суда, просили: 1) дополнить дѣло справками и дослѣдованіемъ; 2) истребовать изъ черниговской консисторіи метрическія книги села Соловы за 1818 г., а также слѣдствіе, произведенное духовнымъ вѣдомствомъ объ уничтоженіи въ метрикахъ записи рожденія отъ Ширая и его жены сына Александра; 3) истребовать изъ черниговскаго дворянскаго собранія свѣдѣніе въ удостовѣреніе ихъ показанія, что отецъ ихъ Ширай, съ 12 января по апрѣль, находился, по должности губернскаго предводителя дворянства, въ Черниговѣ.

Черниговское дворянское собраніе, по требованію палаты, увѣдомило, что изъ дѣлъ собранія не видно, чтобы бывшій губернскій предводитель дворянства Ширай въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ пріѣзжалъ по должности въ Черниговъ, въ чемъ удостовѣряетъ росписная книга 1818 г. исходящихъ бумагъ.

Независимо отъ сего, по требованію палаты, черниговская консисторія препроводила въ оную: 1) произведенное по указу святѣйшаго синода слѣдствіе (1) объ уничтоженіи по метрическимъ книгамъ села Соловы, хранившимся въ консисторіи и правленіи, рожденія

(1) Слѣдствіе это изложено выше.

отъ Ширая и жены его сына Александра и 2) метрическія книги церкви Соловы, консисторскую и правленскую (1).

Черниговская гражданская палата, 27 сентября 1846 г., признала рѣшеніе суражскаго уѣзднаго суда о законности рожденія Александра Заботина отъ генерала Степана Ширая и жены его Ульяны правильнымъ; въ отношеніи же правъ наслѣдственныхъ Заботина опредѣлила признать сего послѣдняго наслѣдникомъ имѣнія родителей и брата его Михаила, на основаніи 828, 952—957 ст. X. Т, съ назначеніемъ ему изъ родоваго отцовскаго и материнскаго указныхъ частей; о благопріобрѣтенномъ имѣніи Степана Ширая предоставила Александру начать искъ формальнымъ порядкомъ.

Рѣшеніемъ палаты Заботинъ остался доволенъ, а повѣренный Долинской и Чернолузской принесъ апелляціонную жалобу правительствующему сенату.

Въ апелляціонной жалобѣ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, статскаго совѣтника Нератова, изложены, вкратцѣ, слѣдующіе доводы, въ опроверженіе законности рожденія Заботина отъ Степана Ширая и жены его Ульяны и правъ его на имущество сихъ послѣднихъ: 1) Предметъ настоящаго дѣла есть притязаніе Заботина къ Степану Шираю и женѣ его Ульянѣ, за то, что они не только не приняли мѣръ, чтобы признаніе рожденія его отъ нихъ законнымъ было оглашено при жизни ихъ обоихъ надлежащими актами, или же другими событіями; но вовсе не признавали его своимъ сыномъ со дня рожденія его по день ихъ смерти. Долинская и Чернолузская, сопротивляясь вторженію въ ихъ фамилію Заботина, руководствуются однимъ только чистымъ побужденіемъ защитить священную для нихъ память отца ихъ отъ взведенныхъ на него, послѣ его кончины, ложныхъ извѣтовъ, ибо на имущество родителей, дошедшее къ нимъ по дарственнымъ записямъ и завѣщанію, Заботинъ по закону никакихъ правъ имѣть не можетъ; впрочемъ Заботинъ не самъ собою отважился предъявить этотъ странный искъ, но единокровные братья матери ихъ Ульяны Ширай, Бороздны, и въ особенности одинъ изъ нихъ Иванъ Бороздна, обольстили и возбудили Заботина къ самозванству, дабы въ лицѣ мнимаго племянника воспользоваться отнятіемъ у законныхъ дочерей Ширая и жены его бо̀льшей части имѣнія, состоя-

(1) Въ метрическихъ книгахъ, представленныхъ въ палату, вытравлены мѣста, гдѣ была скрѣпа.

щаго изъ 4,510 рев. душъ, или, по-крайней-мѣрѣ исторгнуть у нихъ значительную денежную сумму за прекращеніе тяжбы. О Заботинѣ носились разные слухи: одни называли его сыномъ жены Ширая, Ульяны, происшедшимъ отъ прелюбодѣянія; другіе—сыномъ Ширая, непризнаннымъ отъ самой колыбели и удаленнымъ впослѣдствіи съ мѣста родины, по ненависти къ его матери; а третьи побочнымъ сыномъ сына Ширая, Михаила. Но Бороздны совершенно знали точно такъ, какъ знало семейство Ширая, что Александръ Заботинъ есть просто воспитанникъ Михаила Ширая (*). 2) Профессоръ Кубаревъ или помѣщица Стаховичева, какъ должно предполагать, а можетъ быть и другое лицо, провѣдавъ объ умыслѣ Ивана Бороздны выманить у своихъ племянницъ 200-т. руб., подъ предлогомъ обезпеченія участи Заботина, но не рѣшившись прямо отъ себя извѣстить о семъ Долинскую и Чернолузскую, послали къ нимъ предостерегательное извѣстіе изъ Шацка, въ видѣ письма, съ подписью «Александръ Ширай» отъ 13-го апрѣля 1842 г. Получивъ таковое предостереженіе, Долинская и Чернолузская не дались въ обманъ дядѣ своему Ивану Бороздне. 3) Слѣдователи, прибывъ въ Стародубъ, произвели, вмѣсто высочайше повелѣннаго имъ формальнаго изслѣдованія, большой повальный обыскъ объ умершемъ Шираѣ и женѣ его и о воспитанникѣ Заботинѣ, не истребовали отъ сего послѣдняго, по содержанію 931 ст. XV Т. Св. Зак. угол. и 3117 ст. Т. X. Св. Зак. гражд., яко отъ доносителя и истца, никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе какъ извѣта о совершеніи будто бы Шираемъ подлоговъ для сокрытія происхожденія его, Заботина, такъ и иска его по наслѣдственному праву на имущество, оставшееся послѣ Ширая и жены его, не пригласили отвѣтчицъ, дочерей Ширая, къ предъявленію отводовъ противъ свидѣтелей, въ противность 1097-1099 ст. XV Т. и 2377—2380 Т. X, и допустили, въ противность 1078 ст. Т. XV и 1-го пун. 2367 ст. Т. X къ свидѣтельству подъ присягою не только прикосновенныхъ къ дѣлу, Заверуху и тетку его, Маслов-

(*) Въ замѣчаніяхъ повѣреннаго Долинской и Чернолузской, читанныхъ во 2 отдѣленіи 3 департамента правительствующаго сената, на краткое изложеніе сказано, что розысканіе о рожденіи Заботина совершенно безполезно, потому что вопросъ о рожденіи Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра не подлежитъ ни сомнѣнію, ни спору. Показаніе это содержится въ представленныхъ Долинскимъ, за его подписью, замѣчаніяхъ г. министру юстиціи (дѣло министерства юстиціи за № 26, часть 2-я).

скую, но и главнаго преступника, священническаго сына Ивана Ланчинскаго, сознавшагося въ перемѣнѣ двухъ листовъ въ метрической 1818 г. книгѣ. Крестьянъ Ширая увѣщевалъ и допросы за безграмотныхъ изъ нихъ подписывалъ священникъ села Соловы, Николай Ланчинскій, тотъ самый, который сознался въ выдачѣ Заверухѣ метрической книги 1818 года. Въ противность 1089 ст. Т. XV и 2367 ст. Т. X, слѣдователи допрашивали подъ присягою козаковъ села Соловы, съ которыми Ширай до самой смерти его имѣлъ поземельные споры и тяжбы, и притомъ, отобрали отъ нихъ показанія не отъ каждаго порознь, ибо записано показаніе одного перваго Михайлы Сапонова, а прочихъ 14 человѣкъ выставлены только имена съ объявленіемъ, что они утвердили показаніе Сапонова. Отбирали свидѣтельскія показанія безъ присяги отъ такихъ лицъ, кои имѣли всѣ качества, потребныя для свидѣтеля. Въ образѣ изложенія вопросовъ слѣдователи оказали пристрастіе къ Заботину, а многочисленныя противорѣчія, въ показаніяхъ свидѣтелей, не разъяснили очными ставками. Слѣдователи оставили безъ розысканія обстоятельство о четвертомъ сынѣ Ширая, Константинѣ, который упоминается въ запискѣ, переданной слѣдователямъ черниговскимъ, полтавскимъ, и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ; по словамъ записки этой, Константинъ умеръ будто бы въ малолѣтствѣ и Ширай его тоже будто бы не признавалъ, тогда какъ розысканіе это могло бы послужить къ объясненію того нравственнаго побужденія, по которому Ширай не признавалъ своимъ сыномъ и Александра. 4) Послѣ того, какъ по показанію одного изъ свидѣтелей (Животкевича), бывшій архіепископъ Михаилъ, по просьбѣ Ширая, назидалъ жену его о вѣрности супружества, случилось въ 1809 г. происшествіе столь важное для чести Ширая и тестя его, Петра Бороздны, что сей послѣдній письмомъ отъ 17 іюня изъ Медвѣдова, приглашалъ Ширая къ себѣ для сообщенія ему того происшествія, которое возбудило гнѣвъ отца на дочь его, Ульяну Ширай, до такой степени, что она увидѣла себя въ необходимости просить у отца прощенія письменно, не смѣвъ лично предстать предъ него. Въ отвѣтъ на просьбу дочери, отецъ послалъ ей письмо отъ 16 августа 1809 г., и слѣдствіемъ этого письма было то, что Ульяна Ширай на другой же день, т. е. 17 августа подписала, а 18-го представила лично въ уѣздный судъ запись о передачѣ имѣнія дѣтямъ ея. 5) Ширай не только не угнеталъ жены своей, но и не видался съ нею никогда. 6) Всѣ, спро-

шенные безъ присяги, дворяне, крѣпостные люди и козаки, показавшіе, что у Ширая и жены его былъ сынъ Александръ, отнюдь не разумѣли подъ этимъ выраженіемъ того, чтобы этотъ Александръ дѣйствительно рожденъ былъ отъ Ширая, но разумѣли только, что онъ рожденъ женою Ширая въ то время, когда она находилась въ законномъ съ нимъ бракѣ. Слѣдователи, видя невозможность доказать дѣйствительность или физическую подлинность рожденія Александра отъ Ширая, продолжали розыскивать, не удастся ли доказать возможность этого рожденія, т. е. доказать, что Александръ, если и не рожденъ, то могъ быть рожденъ отъ Ширая. Понятно, что подобное розысканіе не могло привести ни къ какому основательному результату; ибо и безъ розысканія всякій зналъ и знаетъ, что возможность рожденія Ульяною Ширай въ 1818 г. сына Александра отъ своего мужа, жившаго съ нею въ разлученіи съ 1811 г., не болѣе вѣроятна, какъ и отъ всякаго другаго мужчины, имѣвшаго пребываніе въ Соловѣ, или пріѣзжавшаго туда. По словамъ приверженцевъ Ширая и его самого (писала Стаховичева въ запискѣ ея), Заботинъ рожденъ отъ учителя. Но учителя въ 1818 г. не было и не могло уже быть въ Соловѣ, слѣдовательно здѣсь ясное указаніе на такое лицо, которое жило въ господскомъ дворѣ, но не принадлежало къ числу дворовыхъ людей, т. е. на управителя. И дѣйствительно, въ маѣ 1818 г. смѣненъ былъ Шираемъ соловскій управляющій, дворянинъ Рухлядка. 7) По исповѣднымъ росписямъ новгородъ-сѣверской Никольской церкви, съ 1823 г. по 1826 г., Александръ показанъ питомцемъ священника Мануйловича. 8) Подлинность рожденія отъ отца никакимъ образомъ доказана быть не можетъ, а подлинность рожденія отъ матери, хотя бы и могла быть физически доказана, не поведетъ ни къ какому результату, потому что, по нашимъ законамъ, незаконныя дѣти не имѣютъ права на фамилію и на наслѣдованіе въ имуществѣ, и потому что Ширай и его жена не признавали гласно Заботина, рожденнаго въ 1818 г., своимъ сыномъ, въ чемъ удостовѣряютъ четыре акта съ 1809 по 1838 годъ, явленные въ судебныхъ мѣстахъ. Если признать за фактъ рожденіе женою Ширая сына Александра, то для чего не извѣстили Ширая объ этомъ радостномъ для отеческаго сердца событіи? И могъ ли приходскій священникъ крестить и быть въ то же время воспріемникомъ сына Ширая, не испросивъ на то его согласія. 9) Гражданская палата приписываетъ Михайлѣ Шираю отзывъ: «что отецъ его

притѣсняетъ мать по какой-то къ ней нерасположенности», принявъ основаніемъ къ тому показаніе священника Мануйловича, которое по всей вѣроятности несправедливо. 10) Записка, по метрическимъ книгамъ или исповѣднымъ росписямъ такого лица, которое было признаваемо и выдаваемо за законное дитя отъ самихъ родителей, служитъ оглашеніемъ или удостовѣреніемъ въ таковомъ признаніи; но, напротивъ того, записка по метрической книгѣ или исповѣдной росписи законорожденнымъ отъ извѣстныхъ супруговъ такого лица, которое ими самими никогда не было признаваемо и выдаваемо за законное дитя ихъ, служитъ доказательствомъ ошибки или злоупотребленія со стороны церковнаго причта, или позднѣйшей поддѣлки въ метрической книгѣ и исповѣдной росписи. Метрическія книги не были прошнурованы, а потому священникъ, записавшій ошибочно Александра сыномъ Ширая, по приказанію сего послѣдняго, могъ исправить свою ошибку весьма просто, переписавъ одинъ листъ. Тутъ не можетъ быть подлога. 11) Называемая палатою метрическая книга, взятая будто бы Заверухою отъ священнослужителей села Соловы въ 1839 года и хранившаяся у него до 1843 года, есть не что иное, какъ тетрадь, нарочно сфабриковавшая для неблагонамѣренныхъ видовъ, а исторія о выносѣ Заверухою изъ соловской церкви списка съ метрической книги есть не что иное, какъ вымыселъ, нарочно придуманный для того, чтобы лучше скрыть новую фабрикацію тетради, представленной Заверухою. Если же принять показаніе благочиннаго Евфима Лапчинскаго, что самый слухъ о перемѣнѣ листовъ въ консисторскомъ и правленскомъ экземплярахъ пронесся уже послѣ смерти Ширая, послѣдовавшей 1-го августа 1841 г., то со всею вѣроятностію заключить можно, что изъясненные подлоги совершены унтеръ-офицеромъ Лапчинскимъ не ранѣе, какъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1842 г. 12) Черниговская палата гражданскаго суда неправильно поступила, отказавъ дочерямъ Ширая въ произведеніи новаго сличенія почерка дѣда ихъ по матери, Петра Бороздны, какъ на письмѣ его (отъ 16 августа безъ года), о которомъ у секретарей стародубскихъ присутственныхъ мѣстъ послѣдовали различные отзывы, такъ и на другомъ (отъ 17 іюня, безъ года), по которому еще вовсе не было сличенія почерка, ибо письма эти весьма важны, какъ свидѣтельство отца противъ дочери, свидѣтельство, которое по закону (Т. X ст. 2367 п. 3 и ст. 2403 п. 3), имѣетъ такую важность, что дочерью отведено быть не можетъ, и одно само по себѣ служитъ

достаточнымъ доказательствомъ къ обвиненію ея. Равнымъ образомъ палата неправильно считаетъ ничтожнымъ въ этомъ дѣлѣ письмо Ширая къ другу его Немировичу-Данченку, оставшееся между бумагами Ширая въ спискѣ или отпускѣ, писанное собственною его рукою; считаетъ ничтожнымъ потому только, что на отпускѣ этомъ не отмѣчено, когда и кому оно писано. Письмо это писано Шираемъ не въ 1809 г., какъ предполагаетъ суражскій уѣздный судъ и черниговская гражданская палата, но именно послѣ происшествія, которое въ декабрѣ 1811 г. вынудило Ширая навсегда удалиться изъ своего соловскаго дома, оставивъ тамъ во флигелѣ жену свою, какъ это доказывается тѣмъ, что въ письмѣ относительно имѣнія жены Ширая, поступившемъ во владѣніе мужа по записи 18-го августа 1809 года, говорится, что имѣніе это было не такъ значительно, но, бывъ улучшено трудами и иждивеніемъ его, кажется для зависти громоздкимъ. Было ли послано это письмо или нѣтъ, все равно: существо его тѣмъ не измѣняется; оно служитъ свидѣтельствомъ самыхъ задушевныхъ мыслей и самыхъ сокровенныхъ чувствованій Ширая. Признавая затѣмъ, что при рѣшеніи дѣла о незаконности Заботина, слѣдуетъ принять въ соображеніе Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣлу о дочери княгини Касаткиной-Ростовской, аппеляторъ просилъ обратить вниманіе на сіе мнѣніе совѣта. 13) Относительно оставшагося послѣ Ширая имѣнія, аппеляторъ находилъ: а) что заключеніе палаты о признаніи ничтожною записи Ширая, совершенной въ палатѣ 1-го ноября 1838 г., не только несогласно съ приведенными самою палатою узаконеніями, но и вообще не имѣетъ правильнаго основанія: ибо означенная дарственная запись совершена Шираемъ на родовое его имѣніе, состоящее въ Черниговской губерніи; а по силѣ 794 ст. Т. X Св. Зак. граж., Ширай имѣлъ полное право подарить родовое свое имѣніе не только двумъ своимъ дочерямъ: Маріѣ и Анастасьѣ, еслибъ у него, кромѣ ихъ, было еще нѣсколько дѣтей, но даже дальнимъ родственникамъ или чужеродцамъ по своему произволу; б) по тѣмъ же причинамъ, неправильно заключеніе палаты и объ уничтоженіи записи Ширая, совершенной 5-го ноября 1838 г., о раздѣлѣ между дочерьми имѣнія матери ихъ: ибо эта раздѣльная запись была совершенно необходима, по самому содержанію дарственной записи 19 августа 1809 г.; в) равномѣрно несогласно съ приведенными палатою законами и съ 794 ст. Т. X, заключеніе палаты объ уничтоженіи акта

Ульяны Ширай, составленнаго въ 1809 г., ибо Ульяна Ширай, подаривъ, согласно ст. 794 Т. X, свое имѣніе однажды, не могла уже, за силою 1 и 5 арт. VII разд. лит. стат,, отмѣнить или уничтожить свою первую дарственную запись, какъ это сказано въ записи 1809 годъ; г) заключеніе палаты, коимъ она предоставила Александру Заботину, буде пожелаетъ, начать судебнымъ порядкомъ тяжбу о благопріобрѣтенномъ имѣніи Ширая, оставляемомъ палатою, по духовному завѣщанію его, во владѣніи дочерей его, Долинской и Чернолузской, противно 888 ст. Т. X, Св. Зак. и д) палата полагаетъ отдать Заботину, признаваемому ею сыномъ Ширая, все имѣніе, оставшееся послѣ умершаго въ 1833 году брата Долинской и Чернолузской, Михаила Ширая; но какъ въ рѣшеніи палаты не поименовано таковое имѣніе, и въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ о немъ актовъ и свѣдѣній, то и нѣтъ возможности представить какія либо опроверженія противу означеннаго заключенія палаты, кромѣ того, что палата неправильно называетъ Заботина наслѣдникомъ Михаила Ширая, которому Заботинъ никогда братомъ не былъ, а потому и наслѣдникомъ его быть не можетъ. Въ заключеніе, повѣренный Долинской и Чернолузской просилъ: прежде приступа къ разсмотрѣнію сего дѣла, произвесть, чрезъ секретарей сената, сличеніе почерковъ Петра Бороздны и Степана Ширая на имѣющихся при дѣлѣ письмахъ ихъ, а затѣмъ, принявъ во вниманіе: во–1) что Ширай и жена его не только въ теченіи 10 лѣтъ отъ рожденія Александра, но и во всю свою жизнь не признавали его сыномъ своимъ; во–2) что подлоги въ метрическихъ книгахъ произведены Заверухою и соучастниками его не ранѣе 1842 г., т. е. послѣ состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 16 апрѣля 1841 г., и въ–3) что Иванъ и Николай Борозднны, обольстивъ и возбудивъ Заботина къ предъявленію притязанія на право законнаго рожденія отъ Ширая и на наслѣдованіе въ имуществѣ его, нанесли Долинской и Чернолузской значительные убытки и издержки, постановить слѣдующее: 1) состоявшееся по дѣлу сему въ черниговской гражданской палатѣ рѣшеніе уничтожить во всемъ его пространствѣ, а Заботину въ домогательствѣ его отказать; съ членами же и секретарями суражскаго уѣзднаго суда и черниговской палаты гражданскаго суда, которые рѣшили это дѣло съ явнымъ нарушеніемъ законовъ, поступить по 394 ст. св. улож. о наказ. уголови. и исправ. 2. Заверуху и соучастниковъ его за подлоги, совершенные ими въ метрическихъ книгахъ села Соловы послѣ манифеста 16-го

апрѣля 1841 г., предать уголовному суду. 3) Предоставить Долинской и Чернолузской взыскивать съ Ивана и Николая Бороздинъ тяжебные убытки и судебныя издержки, установленнымъ въ законахъ порядкомъ, особо отъ сего дѣла.

3-й департаментъ правительствующаго сената, по 2 отдѣленію, выслушавъ настоящее дѣло, іюня 2, 7, 8, 9 и 10, іюля 10, сентября 2, 6 и 22 декабря 1848 года, опредѣлилъ: 1) воспитывавшемуся въ московскомъ воспитательномъ домѣ, Александру Заботину, въ правахъ его на фамилію Ширая и на сопряженныя съ нею права дворянства и на наслѣдство въ имѣніи, оставшемся послѣ смерти генералъ-маіора Степана и жены его Ульяны Шираевъ, *отказать;* 2) о безпорядкахъ и отступленіяхъ, при производствѣ слѣдствія по настоящему дѣлу допущенныхъ, дать знать участвовавшему въ производствѣ того слѣдствія губернскому предводителю дворянства чрезъ тамошнее губернское правленіе, съ тѣмъ, чтобы онъ при подобныхъ, на будущее время, возлагаемыхъ на него начальствомъ, а тѣмъ болѣе особенною Высочайшею волею, порученіяхъ, со всею точностію соблюдалъ во всѣхъ случаяхъ предписанные въ законахъ формы и обряды.

На это опредѣленіе, Александръ Заботинъ принесъ Государю жалобу, которую Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената; въ сенатѣ послѣдовали, по настоящему дѣлу, разныя мнѣнія, вслѣдствіе чего оно поступило на консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

АКТЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ И ЮРИДИЧЕСКІЕ.

I.

Sposob, ktoryby rozumiał Metropolita być potrzebnym na wprowadzenie Unii do Kiiowa.

(1626?)

1. Mieć związek z Xiędzem Biskupem y s panem Woiewodą, z nimisię o wszystkim znaszać.

2. Iż sam Metropolita mieszkać w Kiiowie nie może, niemając tam wszystkiéy intraty nad tysiąc złotych, a Folwarku żadnego, Chcę poświęcić Suffragana, iako y sam był za Antecessora swego Pocieia, ktorego by powinność była mieszkać w Kiiowie y zawiadować Popami unitami, ktorzy są w maiętnosciach X. Biskupich y inszych Panow Katholickich, ktorzy y teraz posłuszni są, a tę intrate zdzierżałby na siebie ten, żeby obcował z ludźmi tamecznimi, upatrował okkasię do pomnożenia Uniy, zabiegał wszystkiemu co by było szkodliwego, y iako przytomny odprawował wszystko, co urzędowi Pasterskiemu należy.

3. Dla pomocy iego duchownéy s połowice teyże Intraty mieć Monastyr przy Swiętèy Sophij dobrych unitow, ludzi pobożnych y uczonych, o kturych z łaski Bożey iuż nietrudno, a czym daley tym sie ich spodziewamy więcey, ciż maią mieć y szkole u siebie.

4. Oprocz Monastyra głownego, ktory Pieczerskim zową, iest Monastyrow trzy przy Kiiowie: Nikolski, Kirylski y Złotowierszchy, ktore są w podaniu Króla Jego mości, te Monastyry, bez trudności y bez turbatycy ludzi tamtych, mogą być obięte przez pomienionych unitow czerncow: iedne, posmierci Ihumenow teraznieyszych, drugi zaraz, mianowicie Zołotowierchi, na ktory iest prawo u Metropolita, a na insze Monastyry kto kolwiek ma przywiley, oprocz Peczerskiego ma s tą partycullią sub unione. Niektorzy y bez Przywileiu otrzymaią za podaniem od Archimandryta Peczerskiego, ktory do tego podawania prawa żadnego nie ma, ieno Król Jego mość.

5. Sposob odyskania tych monastyrow, iesliby sie zdało Imsci P. Woiewodzie, zaraz nastąpić nańię, iest dwoiaki: 1) żeby Jego Mosc P. Woiewoda

abo urząd jego mości spytałsie u każdego z Ihumenow, za iakim prawem kto z nich trzyma iaki monastyr; iesli kto przywileiu niema, wziąc to od niego, 2) żby pozwał Metropolitę przed Króla Jego mości, że nullo iure tę monastyry trzymaią.

6. Rozumiemy, że nic sie dobrego ku chwale Bożey w Kiiowie stać niemoże, iesli Podwoiewodzy będzie heretyk abo schizmatyk, bo by mu naybarziey zlecał co w téy sprawie P. Woiewoda, pozwierchownie gotowość ukaże, a potaiemnie rzecz przeciwną będzie robił, iakosmy znacznie doznali tego na przeszłym Podwoiewodzym.

7. Na wielkiey *przekazie* Uniy w Kiiowie, iest nowe Bractwo, przedetrzema laty od schismatykow zaczętę w Kiiowie bez przywieleiu Króla Imsci, gdzie schadzki swoię maią y consultatia czynią, ktorych zaraz na początku ten był skutek, że officiala metropolego utopiono, potym sługę, ktory wybierał *dwoy pobor* s pieniędzmi, porwano, do dzikich pol zaprowadzono y do działa przykowano, y teraz Popa unita, ktory tylko ieden był, porwano y niewiedzieć gdzie podziano. To Bractwo, iesli zniesione niebędzie, trudno o czym dobrem myslić, a zniesie sie może tak władzą Imsci P. Woiewody, iako y zapozwem zadwornym, w czem są insimili dekreta w Litwie że takie Contubernia, chociaż na niektorych mieyscach byli priwilegiata, iako to w Wilnie, dekretem K. J. zniesione są.

Na przeszkodzie nie mnieyszey w jedności Swiętey y Chwały Bożey w tym krolewstwie są Władykowie cudzoziemscy Grekowie y Serbowie, ktorzy kiedy chcą przyieżdżaią, kiedy chcą wyieżdżaią, nikomu się nieopowiedziawszy, y nikomu Litteras conservationis suae nieukazawszy, popy święcą et omnia Episcopalia w dyocesiach naszych odprawuią. Zaczym mogą łacno być tacy impostores, ktorzy niemaiąc swięcenia Episkopskiego popy swięcą, Popi zaś niemają swięcenia kapłańskiego, Litturgią Sw. et omnia Sacerdotalia odprawuią z wielką krzywdą Bożą y oszukaniem dusz ludzkich.

(Буквальный списокъ съ современной рукописи, хранящейся въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

II.

(1626.)

Zygmunt II, z Łaski Bożey Krol Polski Wielkie Xiąże Lithewskie Ruskie Pruskie Mazowieckie Zmudzkie Inflantskie. A Szwedzki Gottski Wandalski dziedziczny Krol.

Slawetnym Burmistrzowi Raycom Woytowi Ławnikom y wszystkiemu pospolstwu Miasta naszego Kiiowa wiek nam miłym łaska nasza Krolewska. Sławetni, wiek nam mili. Zabiegaiąc temu Wielebny w Bodze Oćiec Metropolita Kiiowski, aby w Cerkwi katedralney kiiowskiéy S. Soffiei, ktora od dawnych czasów za spustoszeniem poganskim y dla ynczych przyczyn pusta bez otprawowania chwały Bożey zostawa, — nabożenstwo porządkiem zwykłym odprawowane było, y mury wpadłe do naprawy za czasem przyść mogły. Posyła na mieszkanie do Kiiowa, tak dla otprawowania w téy Cerkwi nabożenstwa, iako y dla dozoru porządku wszelakiego y doglądania poprawy, duchowienstwo swoie zakonnikow S. Wasila, ktorzy, aby tym bezpiecznieу to co im iest zlecono na tamtym mieyscu odprawować mogli, onych pod obronę y protectią naszą krolewską przyiełismy. Przeto y Wier. W. tym listem naszym

napominamy y roskazuiemy, abyscie, o tym wiedząc, pilnie przestrzegali tego, iakoby ci zakonnicy w bezpiczeństwie wszelakim zostawali, y tak od was samych, iako y od inszych, jakiey kolwiek condicyi ludzi, w pokoju zachowani byli y żadney przeszkody albo zatrudnienia ni w czym nie ponosili. Co W. W. uczynią dla Łaski naszey y z powinności swey. Dan w Warszawie dnia XVIII Msca Marca roku Panskiego MDCXXVI. Panowania krolewstw naszych P.....a Szwedzkiego...
roku.

Sigismundus...

Chrop... Bakowiecki.

(Подлинный актъ хранится въ синодальномъ архивѣ, въ Петербургѣ).

II.

(Переводъ).

Средства, которыя митрополитъ считалъ нужными для введенія уніи въ Кіевѣ.

(1626?)

1. Имѣть сношенія съ ксендзомъ-епископомъ и съ паномъ воеводой, съ ними обо всемъ сообщаться.

2. Такъ-какъ самъ митрополитъ не можетъ жить въ Кіевѣ, не имѣя тамъ доходу болѣе тысячи злотыхъ, и никакого фольварка, то желаетъ посвятить суффрагана, какимъ и онъ самъ былъ при предшественникѣ своемъ Поцеѣ; обязанностью его было бы жить въ Кіевѣ и завѣдывать уніятскими попами, которые находятся въ имѣніяхъ епископа и другихъ господъ — католиковъ, и которые и теперь подчинены, и доходъ этотъ суффраганъ получалъ бы на себя съ тѣмъ, чтобы поддерживать общительныя сношенія съ тамошними жителями, усматривать случай къ распространенію уніи, предотвращать все, что́ было бы вреднымъ и, находясь на мѣстѣ, отправлять пастырскую должность.

3. Для духовной ему помощи, при монастырѣ Св. Софіи, имѣть, изъ половины того же дохода, хорошихъ уніятовъ, людей набожныхъ и ученыхъ, какихъ, по милости Божіей, найти не трудно и какихъ, надѣемся, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ больше; они же должны имѣть у себя школу.

4. Кромѣ главнаго монастыря, который называютъ Печерскимъ, въ Кіевѣ находится три монастыря: Никольскій, Кириловскій и Златоверхій, которые состоятъ въ вѣдѣніи Его Милости Короля. Монастыри эти могутъ быть заняты упомянутыми унитами-чернецами безъ затрудненія и безпокойства со стороны тамошнихъ жителей: одни послѣ смерти теперешнихъ игуменовъ, другіе — тотчасъ, именно Златоверхій, на который митрополитъ имѣетъ право, иные же монастыри, обладающіе привиллегіею, кромѣ Печерскаго, *ma s tą partycullią sub unione* (?).

Нѣкоторые (*игумены?*) удерживаютъ (*монастыри?*) за собою безъ привиллегіи, *съ разрѣшенія* (?) Печерскаго архимандрита, который на то не имѣетъ никакого права: оно принадлежитъ лишь Его Милости Королю.

5. Есть два способа получить эти монастыри, еслибы его милость панъ воевода пожелалъ тотчасъ приступить къ тому: 1) п. воевода, или его управленіе, должны спросить каждаго изъ игуменовъ, по какому праву кто изъ нихъ держитъ какой монастырь, и если кто не имѣетъ привиллегіи,—то отобрать у него; 2) начать съ митрополитами тяжбу о томъ, что монастырями владѣютъ безъ всякаго права.

6. Думаемъ, что въ Кіевѣ не состоится ничего во славу Божію, если подвоевода будетъ еретикъ или схизматикъ, потому что во всемъ, что-бы по этому дѣлу ни поручалъ панъ воевода, тотъ наружно покажетъ готовность, а въ тайнѣ будетъ дѣлать противное, что мы достаточно испытали при прежнемъ подвоеводѣ.

7. Большимъ препятствіемъ къ уніи въ Кіевѣ служитъ новое братство, основанное схизматиками, три года тому назадъ, безъ привиллегіи короля въ Кіевѣ, гдѣ происходятъ сходки и совѣщанія, которыхъ послѣдствіемъ, при самомъ началѣ, было то, что утопили митрополичьяго оффиціала; потомъ слуга, взимавшій двойной сборъ (dwoy poƀor), схваченъ былъ съ деньгами, выведенъ въ степи и прикованъ къ орудію; а теперь попъ уніятъ, который всего одинъ и былъ, схваченъ и неизвѣстно гдѣ дѣвался. Если это братство не будетъ уничтожено, то трудно и думать о чемъ-нибудь добромъ, а уничтожить его можно какъ властью пана воеводы, такъ и по суду. Подобные декреты (рѣшенія) есть въ Литвѣ, гдѣ такія братства хотя и были привиллегированы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. какъ напр. въ Вильнѣ, но декретомъ короля уничтожены.

Не меньшей помѣхой къ священному единству и славѣ Божіей въ королевствѣ бываютъ и иностранные владыки — Греки и Сербы, которые, когда имъ угодно — пріѣзжаютъ, когда угодно—уѣзжаютъ, никому не сказавшись и никому не показывая своихъ охранныхъ листовъ (litteràs conservationis), посвящаютъ поповъ и исправляютъ въ нашихъ епархіяхъ всѣ епископскія обязанности. Поэтому тутъ легко могутъ быть такіе обманщики, которые посвящаютъ поповъ, не имѣя сами епископскаго посвященія, и такимъ образомъ, попы, безъ надлежащаго рукоположенія, служатъ св. литургію и исполняютъ всѣ священническія обязанности, съ великимъ оскорбленіемъ Бога и обманомъ душъ человѣческихъ.

III.

(Переводъ).

(1626.)

Сигизмундъ III, Божіею милостію Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Жмудскій, Инфлянтскій. А Шведскій, Готскій, Вандальскій наслѣдственный Король.

Славетнымъ (именитымъ): Бурмистру, Райцамъ, Войту, Лавникамъ и всему народу города нашего Кіева всегда намъ милому, наша королевская милость. Славетные, навсегда намъ милые! Преподобный отецъ митрополитъ Кіевскій,

озабочиваясь тѣмъ, чтобы въ Кіево-Софійской соборной церкви, (въ которой не служится съ давнихъ временъ, вслѣдствіе опустошенія оной язычниками и по иным причинамъ), чтобы въ ней богослуженіе отправлялось надлежащимъ порядкомъ, и чтобы рушившіяся стѣны могли быть современемъ исправлены, посылаетъ на жительство въ Кіевъ, какъ для отправленія въ сей церкви богослуженія, такъ и для надзора за всякимъ порядкомъ и наблюденія за починкой, свое духовенство, монаховъ Св. Василія, которыхъ, для того, чтобы они безопаснѣе могли, на томъ мѣстѣ, исполнять все, на нихъ возложенное, мы взяли подъ защиту и королевское наше покровительство. Поэтому и Вѣр. В. симъ нашимъ письмомъ обязуемъ и приказываемъ, дабы вы, зная это, строго наблюдали, чтобы эти монахи всегда находились въ безопасности и въ покоѣ, какъ отъ васъ самихъ, такъ и отъ другихъ какого бы ни было состоянія людей, и не встрѣчали ни въ чемъ препятствія и затрудненія,— что В. В. учините ради нашей милости и по своему долгу. Данъ въ Варшавѣ дня XVIII мѣсяца марта, года Господня MDCXXVI, царствованія нашего II..... (*недостаетъ въ подлинникѣ*) а Шведскаго..... (*недостаетъ въ подлинникѣ*) года.

Сигизмундъ....

Баковецкій.

III.

Копія универсала Гетмана Тетери.

(1667).

Павелъ Тетеря Гетманъ.

Ознаймую симъ моимъ писаніемъ каждому, кому о томъ вѣдати надлежитъ, меновите экзакторамъ нашимъ на сей часъ и на-потомъ будучимъ, яко за антецессоровъ моихъ бывало, такъ и за уряду моего пехай будетъ, абы экзакторове войсковіе отъ купцовъ чужоземскихъ, то есть грековъ, армянъ и турковъ, до скарбу войскового вибирали отъ сорока соболей—золотихъ шесть, отъ сорока пупковъ соболлѣхъ—золотихъ два, отъ сорока куниць—золотихъ два, отъ бунта лисиць—золотихъ два, а отъ иншихъ товаровъ московськихъ—отъ ста талярей битихъ — по золотихъ пяти; знову отъ товаровъ турецкихъ, яко-то: отъ едвабовъ, коберцовъ, килимовъ, завоевъ, поясовъ, мусулбесовъ, киндяковъ і иннихъ дробнихъ и рознихъ товаровъ—отъ ста таляровъ левковихъ—два битихъ, а отъ киши габи—по левку, а кто-би, зъ нашей земли, золото, сребро, камѣнніе дорогое, перла, випроважалъ, маетъ—отъ ста таляровъ—по золотихъ пяти давати. Естлижъ би тежъ хто зъ чужой землѣ, такъ зъ духовнихъ особъ, яко и свѣцкихъ людей, въ якихъ колвекъ потребахъ, подъ претекстомъ поселства, ехалъ и при себѣ купцовъ мѣлъ, теди экзаторови наши мають, сумнѣніемъ обовязавши, звичайную брати экзакцію, а гдибы купець екий нашъ, товари купуячи въ земского, за свои удаючи, за

границю випроважовать, такового зо всѣмъ кажемъ забирати, съ которого товару половиця до скарбу войскового, а половиця экзакторамъ нашимъ належати маетъ; при томъ приказую, даби и экзакторове надъ уставу больше не брали ничого и купці аби экзакціи отдавати не збороняли. Данъ зъ Рашевки 8 Декамврія 1667 году. *(Цифры здѣсь означены церковно-славянскими буквами.)*

въ подлѣнномъ подписано тако:

Павелъ Тетеря рука власна.

(М. П.)

IV.

Письмо Петра I.

(1717).

Господинъ Гетманъ.

Понеже надобно намъ в гайдуки болшихъ мужиковъ человѣкъ десять или двенатцать, и для того прикажите такое число ихъ сыскать изъ малоросийского народа, чтобъ ростомъ были противъ приложенной при семъ мѣры и чтобъ оныя были не стары, а имянно отъ дватцати пяти до тритцати и до тритцати пяти лѣтъ.

Петръ.

Изъ сапктъ питербурха
въ 13 день Ноября 1717 года.

(Эти два (III и IV) акта хранятся у Н. Н. Петрова.)

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ЮЖНОРУССКАГО КРАЯ.

I.

ОБЩІЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

О дозволеніи штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ заниматься частными межевыми работами. Въ видахъ скорѣйшаго приведенія въ исполненіе Высочайше-утвержденнаго 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, для усиленія межевыхъ средствъ въ губерніяхъ, 21 мая разрѣшено штабъ и оберъ-офицерамъ всѣхъ родовъ войскъ, при производствѣ измѣренія и съемки земель, принимать участіе въ видѣ частныхъ занятій въ означенныхъ работахъ по взаимному соглашенію съ уѣздными мировыми съѣздами, на основаніяхъ, объявленныхъ въ приказѣ по военному вѣдомству отъ 2 іюня 1861 г.

Въ этомъ приказѣ подробно изложенъ порядокъ увольненія штабъ и оберъ-офицеровъ для межевыхъ работъ, причемъ увольняемые, считаясь во временной командировкѣ, не лишаются ни правъ службы, ни получаемаго отъ военнаго вѣдомства содержанія; но прогонныхъ денегъ на переѣзды имъ не выдается. (Выс. пов. 21 мая; прик. по воен. вѣд. 2 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53).

О предсѣдательствованіи уѣздныхъ предводителей дворянства въ мировыхъ съѣздахъ, учрежденныхъ для нѣсколькихъ уѣздовъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ будутъ учреждены мировые съѣзды для нѣсколькихъ уѣздовъ, мѣсто предсѣдателя, въ такомъ соединенномъ мировомъ съѣздѣ, долженъ занимать уѣздный предводитель дворянства, каждый по дѣламъ лицъ своего уѣзда. (Журн. глав. ком. объ устр. сельск. сост. 1 іюня, въ Сен. Вѣд. 4 іюля 1861 г. № 53.

О закрытіи общества «Сельскій Хозяинъ». 21 іюля обнародовано о закрытіи и ликвидаціи акціонернаго общества «Сельскій Хозяинъ», учрежденнаго въ 1857 году, для приготовленія животныхъ и продовольственныхъ веществъ и торговли ими. (Сен. Вѣд. 21 іюля 1861 г. № 58).

II.

МѢСТНЫЯ

ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Преобразованія по управленію Кіевской губерніи. Согласно предположеніямъ кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, князя Васильчикова, по предмету соединенія различныхъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій, и объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства во ввѣренномъ ему краѣ, комитетъ министровъ, въ мартѣ 1859 года, предоставилъ ему: 1) всѣ состоящія въ Кіевѣ губернскія учрежденія вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, кромѣ приказа общественнаго призрѣнія и комитета о тюрьмахъ, соединить въ одно общее губернское управленіе, относительно дѣлопроизводства ихъ канцелярій, съ тѣмъ, чтобы означенныя учрежденія, по своей цѣли, степени и объему ихъ власти и обязанностей, сохранили существующія для нихъ постановленія; 2) освободить кіевское губернское правленіе отъ разсмотрѣнія судебныхъ и другихъ дѣлъ, кромѣ дѣлъ о корчемствѣ, относительно которыхъ сохранить нынѣ существующій порядокъ; 3) измѣнить по своему усмотрѣнію форму дѣлопроизводства въ общемъ губернскомъ управленіи и преобразовать канцелярію кіевскаго гражданскаго губернатора; 4) кіевскую строительную и дорожную коммиссію присоединить къ общему губернскому управленію; 5) соединять, по усмотрѣнію, въ Кіевской губерніи магистраты съ уѣздными судами; 6) разрѣшить уѣзднымъ судамъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, совершать крѣпостные акты на сумму до 600 р. сер., и 7) войти въ концѣ года съ представленіемъ объ отпускѣ необходимой суммы, для усиленія средствъ уѣздной полиціи.

Затѣмъ, въ концѣ 1860 года, по всеподданнѣйшему докладу генералъ-губернатора, ему также предоставлено, въ видѣ опыта, соединить городскія и земскія полиціи, въ Кіевской губерніи.

Вслѣдствіе сего, какъ видно изъ доставленныхъ княземъ Васильчиковымъ свѣдѣній, имъ произведены слѣдующія преобразованія:

1) По губернскому управленію: въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1859 г. губернское управленіе, вмѣсто бывшихъ трехъ отдѣленій губернскаго правленія, составлено изъ 6-ти; причемъ три новыя отдѣленія: земское, врачебное и строительное, образованы изъ присоединенныхъ къ правленію коммисій: народнаго продовольствія, особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, врачебной управы, комитетовъ народнаго здравія и оспеннаго и бывшей строительной и дорожной коммисіи.

При совершеніи означеннаго преобразованія въ теченіи 1859 и 1860 года, требовались нѣкоторыя временныя учрежденія, особые столы и отдѣленія, которыя нынѣ, по мѣрѣ возможности, уже закрыты.

2) По городовымъ магистратамъ: существовавшіе въ 9-ти городахъ Кіевской губерніи магистраты упразднены 1 іюля 1860 года, дѣла ихъ переданы въ мѣстные уѣздные суды, въ которые прибавлено по два засѣдателя отъ городскихъ сословій христіанъ и Евреевъ; канцеляріи же уѣздныхъ судовъ усилены, насколько представилось возможнымъ, суммою, отпускавшеюся на быв-

щіе магистраты. Находящаяся въ г. Умани, не вышедшая еще окончательно изъ вѣдомства военнаго поселенія, городовая ратуша, предположена тоже къ соединенію съ тамошнимъ уѣзднымъ судомъ. Оставленъ одинъ только кіевскій магистратъ, по ходатайству о томъ жителей и во вниманіе къ особымъ правамъ, которыми магистратъ сей пользовался въ прежнее время.

3) По уѣзднымъ полиціямъ: съ 1-го февраля 1861 г., сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) Въ 10-ти городахъ Кіевской губерніи (исключая Кіева и Умани) обѣ полиціи, по соединеніи ихъ, составили общую уѣздную полицію. 2) Уѣздныя полиціи, вмѣсто исправниковъ и за упраздненіемъ городничихъ, ввѣрены начальникамъ уѣздныхъ полицій, съ назначеніемъ къ каждому изъ нихъ по одному помощнику; въ Бердичевѣ же, по значительной населенности этого города, двухъ помощниковъ. 3) Помощники при становыхъ приставахъ упразднены, но изъ нихъ при уѣздныхъ полиціяхъ оставлены по два, а при радомысльской полиціи три, для немедленныхъ командировокъ по неотложнымъ дѣламъ и надобностямъ и для замѣщенія вакансій становыхъ приставовъ. 4) Квартальные надзиратели переименованы въ городскихъ надзирателей, съ увеличеніемъ жалованья имъ (кромѣ Бердичева) до 150 р., вмѣсто отпускавшагося донынѣ по 28 р. 50 к. Увеличеніе окладовъ произведено на счетъ суммы, оставшейся свободною за упраздненіемъ должностей помощниковъ становыхъ приставовъ. 5) Всѣ дѣла, оставшіяся неоконченными до 1-го февраля, отдѣлены отъ дѣлъ новаго вступленія, для того, чтобы, имѣя ихъ на особомъ счету, рѣшались скорѣе, не смѣшивая съ новыми и не затрудняя теченіе сихъ послѣднихъ. 6) Веденіе старыхъ дѣлъ поручено старшему засѣдателю, съ правомъ разрѣшать нѣкоторыя изъ нихъ своею властью, на основаніи данныхъ въ руководство ему правилъ, и для производства ихъ оставлены временные столы, по закрытіи коихъ, отдѣляемыя для нихъ денежныя средства будутъ принадлежать постоянной канцеляріи уѣздныхъ полицій. Въ дѣлопроизводствѣ же полиціи сохраненъ прежній порядокъ. 7) Уѣздные города включены въ составъ ближайшаго стана, за исключеніемъ г. Бердичева, изъ котораго образованъ особый станъ, безъ учрежденія, однакожъ, должности становаго пристава, обязанности коего должны исполняться мѣстными частными приставами. 8) Уѣздныя полиціи, для безостановочной, съ самаго начала, дѣятельности ихъ, снабжены книгами, изъ коихъ нѣкоторыя сокращены противъ прежнихъ формъ. 9) Для приведенія въ однообразное съ уѣздными полиціями устройство, земскіе суды, кіевскій и уманьскій, переименованы въ земскія полиціи, а дѣла ихъ точно также раздѣлены на старыя и новыя, для производства по тѣмъ же правиламъ и формамъ, какъ и въ уѣздныхъ полиціяхъ.

Доводя до свѣдѣнія Государя Императора о послѣдствіяхъ, произведенныхъ преобразованій въ Кіевской губерніи, князь Васильчиковъ испрашивалъ разрѣшенія на введеніе его въ Подольской и Волынской губерніяхъ; вслѣдствіе чего и послѣдовало Высочайшее повелѣніе (объявленное сенату 8 іюня 1861 г.) о приведеніи сего ходатайства въ исполненіе. (Журн. ком. мин. 3 и 17 марта 1859 г. Высоч. повел 8 іюня 1861 г. въ Сен. Вѣд. 4 іюля № 53).

Новыя ярмарки въ г. Ольгополь. Разрѣшено учредить въ городѣ Ольгополѣ, Подольской губерніи, ярмарки, чрезъ каждыя двѣ недѣли, по четвергамъ, и кромѣ того три трехдневныя: 1-я, на сырной недѣлѣ во вторникъ, среду и четвергъ; 2-я—съ 9-го по 12-е мая, и 3-я—съ 26-го по 29-е сентября. (Сен. вѣд. 11 іюля 1861 г. № 53).

О передачѣ города Чугуева въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По полученному нынѣ донесенію начальника Харьковскаго поселенія, городъ Чугуевъ, Харьковской губерніи, состоявшій въ вѣдомствѣ южныхъ поселеній, окончательно переданъ въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. (Сен. вѣд. 11 іюля 1861 г. № 55).

О дозволеніи на 6 лѣтъ свободной торговли лѣсомъ по рѣкамъ Днѣстру и Пруту (*). 21-го мая 1861 года дозволено какъ россійскимъ подданнымъ всѣхъ состояній, такъ и иностранцамъ и иностраннымъ Евреямъ, производить

(*) Въ первый разъ подобное дозволеніе свободной торговли иностраннымъ лѣсомъ по рѣкѣ Днѣстру послѣдовало 30 апрѣля 1840 года въ видѣ опыта на 3 года, т. е. по 1843 годъ. Въ слѣдующемъ году, 13 апрѣля 1841 года, даровано подобное же дозволеніе свободной торговли лѣсомъ по рѣкѣ Пруту въ видѣ опыта на два года, т. е. также до 1843 года. Послѣ того дозволеніе этой торговли по обѣимъ рѣкамъ было возобновляемо 29 сентября 1842 года на 4 года, т. е. по 1847 г. и, наконецъ, 28 мая 1847 года еще на 6 лѣтъ, т. е. до 1853 г.

При этомъ въ положеніи комитета министровъ 29 сентября 1842 г. были подробнѣе разъяснены правила о свободной торговлѣ иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, а именно: торгующимъ вмѣнено въ обязанность подавать отъ своего имени въ таможни объявленія, съ платежемъ установленной тарифомъ пошлины, а впускнымъ таможнямъ предписано выдавать промышленникамъ, производящимъ по Днѣстру и Пруту свободную торговлю лѣсомъ,—свидѣтельства о сплавляемомъ ими иностранномъ лѣсѣ.

Такимъ образомъ, свободная торговля иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, по этимъ двумъ рѣкамъ, существовала непрерывно въ теченіе десяти лѣтъ, и начавшись въ 1842 и 1843 годахъ, кончилась въ 1852 году, послѣ котораго года мы не нашли въ полномъ собраніи законовъ указаній, чтобы дозволеніе это было возобновляемо.

А между тѣмъ, при чрезвычайномъ недостаткѣ лѣса въ южномъ краѣ, потребность въ возможно-меньшемъ стѣсненіи торговли этимъ матеріаломъ, очевидна.

Кромѣ того, въ настоящее время, при большемъ движеніи капиталовъ въ Россіи, нельзя не выразить надежды, что свободная торговля лѣсомъ по Днѣстру будетъ способствовать скорѣйшему развитію правильнаго по этой рѣкѣ судоходства, которое до сихъ поръ находится въ младенческомъ состояніи. Самое теченіе Днѣстра, вытекающаго изъ юго-западнаго отклона Карпатовъ въ Галиціи, входящаго въ предѣлы Бессарабіи, недалеко отъ г. Хотина, вблизи мѣстечка Жванецъ и на протяженіи 869 верстъ, отъ Хотина до Аккермана, омывающаго съ лѣвой стороны часть Подольской и Херсонской губерній, а съ правой Бессарабію, примыкающую къ нему уѣздами Хотинскимъ, Сорокскимъ, Оргѣевскимъ, Кишиневскимъ, Бендерскимъ и Аккерманскимъ и ниже пристани Маякъ, образующаго лиманъ, который двумя протоками или гирлами, Цареградскимъ и Георгіевскимъ, соединяется съ Чернымъ моремъ, — показываетъ огромное его значеніе для Бессарабіи и Новороссійскаго края, какъ лучшаго торговаго пути для сбыта хлѣба изъ Подольской губерніи и Бессарабіи и сплава лѣса съ южнаго отклона Карпатовъ, тѣмъ болѣе, что сбытъ этихъ произведеній другимъ путемъ почти невозможенъ, по причинѣ отсутствія въ прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ желѣзныхъ дорогъ, дороговизнѣ извоза и отдаленности главныхъ торговыхъ рынковъ. При всей однакожъ очевидной потребности, судоходство по Днѣстру, какъ мы уже сказали, находится въ самомъ жалкомъ положеніи; оно начинается въ Буковинѣ, въ 60-ти верстахъ отъ австрійской границы, а въ предѣлахъ Россіи отъ Исаковецкой таможни. Плаваніе производится на судахъ особаго устройства, грубыхъ и неповоротливыхъ, цѣнностью каждое отъ 200 до 300 рублей, совершающихъ иногда съ трудомъ одинъ рейсъ, и по приходѣ въ Маякъ большею частью продающихся въ ломъ и на дрова. При отсутствіи конкуренціи, усиливающей это галерное судоходство, цѣна за доставку возвышается иногда до того, что берутъ по 1/10 к. сер. съ пуда или 1 коп. съ четверти за версту, а въ общемъ до 6 р. сер. съ кило отъ Порогской пристани до Маяка.

свободную торговлю иностраннымъ лѣснымъ товаромъ, по теченію рѣкъ Днѣстра и Прута, на томъ же основаніи, на какомъ подобное дозволеніе было допущено, по положенію комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, распубликованному 28-го мая того же года.

Положеніемъ комитета министровъ 8-го апрѣля 1847 года, данное въ 1842 году дозволеніе свободной торговли лѣсомъ, по рѣкамъ Днѣстру и Пруту до 1847 года, вновь продолжено на 6 лѣтъ, т. е. по 1853 годъ, на прежнемъ основаніи, т. е. согласно правиламъ положенія комитета министровъ 29 сентября 1842 года. (Донесеніе м-ра финансовъ, 15-го іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 21-го іюля 1861 г. № 38).

Объ освѣщеніи г. Одессы газомъ. Дозволено отставному подпоручику Волохову устроить въ городѣ Одессѣ газовое освѣщеніе, на основаніяхъ, изложенныхъ въ особомъ для сего положеніи. Согласно сему положенію, въ которомъ подробно изложенъ порядокъ устройства газоваго освѣщенія, а равно и количество газа, сожигаемаго въ фонаряхъ, г. Волоховъ обязанъ черезъ

Хотя, при быстротѣ теченія, особенно въ верховьяхъ, Днѣстръ образуетъ, по-временамъ, довольно опасныя для судоходства, преимущественно же такого, какое теперь существуетъ, отмели, но это препятствіе легко бы устранилось, при незначительномъ пожертвованіи и болѣе правильномъ судоходствѣ, которое, конечно, не можетъ развиться безъ очистки русла, надзора за фарватеромъ рѣки, а равно устройства пристаней и складочныхъ пунктовъ.

Изъ наблюденій надъ уровнемъ Днѣстра, періодическимъ возвышеніемъ воды въ весенній разливъ и во время таянія снѣговъ въ Карпатахъ, начиная съ 20 іюня, есть возможность опредѣлить днѣстровское судоходство промежуткомъ въ три мѣсяца, а въ дождливое лѣто и больше. При этомъ плаваніе по Днѣстру совершенно возможно для судовъ плоскодонныхъ отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ фут. для гребнаго, паруснаго и даже пароваго судоходства.

Доказательствомъ важности днѣстровскаго судоходства служатъ очевидныя данныя ежегодной отправки груза и лѣсныхъ матеріаловъ, по всему протяженію Днѣстра отъ австрійской границы. Въ настоящее время, при самомъ жалкомъ судоходствѣ, по немъ проходятъ до 2.500 галеръ, вмѣстительностью каждая отъ 400 до 450 четвертей, слѣдовательно среднимъ числомъ провозится зерна 900,000 четвертей, да разныхъ сплавовъ строительнаго матеріала и дровъ не менѣе какъ на 200,000 р. сер. Такимъ образомъ, если уже и теперь цифра оборотовъ по днѣстровскому плаванію доходитъ до 6,000,000 рублей, то она легко возвысится съ устройствомъ правильнаго судоходства и при буксирныхъ пароходахъ, потому что избытокъ естественныхъ произведеній днѣстровскаго бассейна неистощимъ. Притомъ же, недавно въ верховьяхъ Днѣстра, въ Австрійской Буковинѣ, открыты каменноугольныя копи, обѣщающія въ годъ болѣе милліона пудовъ горючаго матеріала.

Какъ бы въ подтвержденіе того, что Днѣстръ положеніемъ своимъ можетъ служить выгоднымъ, а для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, быть можетъ, и единственнымъ торговымъ путемъ, служитъ еще недавняя, во время послѣдней войны, попытка сбыта за границу хлѣба, который былъ отправляемъ въ Тріестъ, чрезъ Австрійскія владѣнія, по шоссированнымъ путямъ Галиціи и по теченію рѣкъ Тиссы и Савы, не доходящей до Фіуме лишь нѣсколько миль. Попытка вполнѣ удалась, и хотя движеніе это, послѣ войны, прекратилось, но тѣмъ не менѣе оно показываетъ стремленіе проложить удобный путь къ одному изъ южныхъ портовъ и необходимость обратить вниманіе на Днѣстръ, по которому хлѣбъ Галиціи, Подольской губерніи и Бессарабіи можно доставлять въ огромномъ количествѣ и всегда за выгодную цѣну, а удобный сплавъ по Днѣстру и огромный запросъ на горючій матеріалъ въ приморскомъ южномъ краѣ обѣщаютъ счастливую будущность днѣстровскому судоходству и развитію прибрежныхъ къ нему мѣстъ. (Полн. Собр Закон. Т. XV, 13,433; т. XVI, 14,457; т. XVII, 16,044; т. XXII 21,084. Бессараб. област. вѣдомости).

два года и 6 мѣсяцевъ освѣтить городъ 1,100 фонарями, съ платою ему отъ городской думы по 18 р. 20 к. сер. въ годъ за фонарь. При этомъ г. Волохову предоставлено исключительное право освѣщать газомъ улицы и зданія въ Одессѣ, въ теченіе 39-ти лѣтъ со дня утвержденія сего положенія. (Мнѣніе госуд. сов. 19 іюля 1861 г., въ Сен. вѣд. 25 іюля, № 59).

Объ установленіи сбора съ вывозимыхъ изъ Одессы товаровъ на устройство мостовыхъ. На устройство мостовыхъ въ г. Одессѣ въ дополненіе къ назначенному на сей предметъ изъ городскихъ суммъ капиталу, 1,200,000, положено: взимать, впредь до окончательной уплаты всей остальной потребной на то суммы, по $^1/_2$ коп. сер. съ пуда отвозимыхъ изъ Одессы товаровъ и продуктовъ, съ тѣмъ, чтобы таможня взимала этотъ сборъ безъ подробной повѣрки товаровъ, съ того лишь количества, какое показано будетъ въ грузовыхъ документахъ. (Мнѣніе госуд. сов. 26 іюня 1861 г. въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

О расходѣ на истребленіе саранчи. Вслѣдствіе ходатайства Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, разрѣшено употреблять, по требованіямъ гражданскихъ начальниковъ, въ помощь, при истребленіи саранчи, войска, вблизи мѣстъ расположенія оныхъ; причемъ плату войскамъ за истребленіе саранчи производить въ размѣрѣ одной трети противъ вольнонаемныхъ работъ. Издержки же на этотъ предметъ отнести на счетъ государственнаго земскаго сбора, изъ коего также пополнить и всѣ тѣ расходы, которые съ 1860 г. уже произведены, или впредь будутъ сдѣланы на сей предметъ изъ продовольственныхъ капиталовъ. (Полож. ком. м-ровъ 7 апрѣля 1861 г., Жур. госуд. сов. 22 мая 1861 г., въ Сен. вѣд. 28 іюля, № 60).

Новое Положеніе о питейномъ сборѣ и новый Уставъ объ акцизѣ съ табаку. 1-го августа обнародовано положеніе о питейномъ сборѣ, Высочайше утвержденное 4-го іюля 1861 г. Въ указѣ Сенату, сказано, что «дѣйствующіе нынѣ способы взиманія въ казну питейнаго сбора, составляющаго одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода, представляютъ многія существенныя неудобства, какъ по разнообразію своему и неравномѣрности распредѣленія въ разныхъ частяхъ имперіи, такъ, и еще болѣе, по существованію почти всюду откупной системы, сопряженной съ крайнимъ для народа отягощеніемъ и стѣсненіемъ частной промышленности.»

Соображенія министра финансовъ о томъ, на какихъ началахъ должна быть установлена система питейнаго сбора, наиболѣе удобопримѣнимая къ государству, были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ, и 26 октября 1860 г. Высочайше-утверждены главныя основанія однообразной, для всей имперіи, акцизной системы взиманія, съ 1863 г., питейнаго сбора, съ устраненіемъ вовсе откуповъ, и тогда же повелѣно было учредить особую, подъ непосреднственнымъ вѣдѣніемъ министра финансовъ, коммиссію изъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, въ томъ числѣ — винокуренныхъ заводчиковъ и техниковъ, для начертанія подробныхъ, на помянутыхъ основаніяхъ, правилъ для взиманія акциза съ питей.

При указѣ Сенату, вмѣстѣ съ положеніемъ о питейномъ сборѣ, обнародованы: росписаніе патентнаго сбора съ заведеній для приготовленія питей и издѣлій изъ вина и спирта, и съ заведеній для продажи питей, а также размѣра акциза съ вина и съ пиво- и меловаренія, росписаніе должностей и издержекъ акцизнаго управленія, правила о разсрочкахъ въ платежѣ акциза и

правила о переходѣ къ казенному, съ 1-го января 1863 года, завѣдыванію питейнымъ сборомъ.

Одновременно съ питейнымъ положеніемъ, обнародованъ и новый уставъ объ акцизѣ съ табаку, Высочайше-утвержденный также 4-го іюля 1861 года. Поводомъ къ изданію новаго устава (какъ видно изъ указа Сенату) послужили—постоянно распространяющееся, во всѣхъ сословіяхъ, потребленіе табаку, и невозрастаніе, въ достаточной съ его потребленіемъ, соразмѣрности, дохода казны отъ налога на сей предметъ роскоши. —

Важное значеніе этихъ двухъ новыхъ законоположеній для южнаго края несомнѣнна, и потому въ слѣдующей книжкѣ «Основы» будетъ помѣщено подробное извлеченіе какъ Положенія о питейномъ сборѣ, такъ и Устава объ акцизѣ съ табаку.

ВІСТІ.

ЛИСТЪ ЗЪ ДУДАРІВЪ.

(Іюль 1861).

Не гараздъ я таки сміливий писать листи до незнаніхъ людей, да якось, здаетця, совісно доброю новиною зъ людьми не поділитись, а якъ ще роздумавсь, що моя новина де-кому й въ приміръ, може, пійде,—«ну, що̀ буде, те́ й буде, а напишу,»—та ось вамъ и діло:

Въ Канівськімъ повіті Київскоі губерніі, недалеко відъ Дніпра, есть невеличке сельце — *Дударі* на прозвище. Ще, якъ-то казати, по давнёму (бодай не верталось!) ладу, — земля и душі въ сімъ сельці поділяні були міжъ двохъ панівъ. На одного приходитця трохи поля, та 31 душа; у другій зновъ маетності 505 десятинъ землі на 116 ревизькихъ душъ. Дідичкою въ цій частині пані G. Семья въ неі чималенька,—такъ вона, для науки дітей, проживае въ Київі, а село припоручала управителямъ, котрі давали ій доходу чистого 1750 руб., да ще де-які вільготи. Земля у насъ, колибъ не гори, була бъ зовсімъ добра, да тільке те, що трохи погориста, якъ звичайне край по-надъ Дніпромъ зъ правого боку; однакъ у Дударяхъ можна добути, ще то якъ на старосвітський ладъ вести хазяйство, до 4000 карбованцівъ, защитавши й накладъ; а колибъ взятця краще и трохи обновить хазяйський порядокъ, то було бъ и більшъ: Я, бачте, розумію та́къ, що можна бъ завести хазяйство въ чотирі руки, та на бурякахъ, та на сіні, котре не трудно бъ приховать, насіявши конічини, да такі й на хлібі святому — можно бъ зробить де – що. Отожъ, велось тее хазяйство чужими руками, — та ці руки не гараздъ були щирі и для панеі, и для громади, такъ-що, въ останнёму року, и хазяйство запустилося, и люде стали дуже жалітись. Бачить тоді пані G., що нічого не вдіе—не добере доброго чоловіка на управителя, а сама не зможе Київа покинути,—отъ и стала собі мірку-вать такъ: «а ну, віддамъ хазяйство на руки самій громаді.» Думка

пішла въ слово, а далі й въ діло; на цю звістку, приіхали виборні одъ Дударівської громади до Київа на *контрахти* и стали добивать торгу. Далі, та́къ уговорились: що якъ громада виробить хазяйнуючи за-для пані вже не 1750, а тільки 1500 карбованцівъ и дасть тіжъ вільготи (100 пудівъ зерна, опорядить дімъ на *вакацію* (1), обробить по половині ії горо́дъ и зімоватиме для неі жъ 2 штуки худоби), то решта достанетця громаді. Накладъ въ хазяйстві мае бути увесь громадській—худоба, и всі хазяйські причандали, и насінне. У насъ на Украіні біда велика зъ тимъ, що немае *дзбинківъ* для пожички, дебъ можно було у всяку пору, безъ великого клопоту и на меньшій процентъ, позичить гроші; а то, звичайне, беруть гроші у жидівъ, котрі не милують, а деруть скільки влізе, — отъ, въ приміръ, якъ и цей разъ. Пані за громаду позичае гроші, а громада, вертаючи самий *стовбъ* (капиталъ), за процентъ винна зъ 2000 пудъ пшениці спустить по 6-ти копіёкъ серебра проти ціни, яка буде коло Покрови (1-го октября), — а це виходить 17% відъ 700 карбованцівъ капиталу. На перве хазяйство треба було громаді найменшъ 1500—2000 карб., а жидки хотіли, щобъ зразу по 12 коп. спустили імъ съ пуда, — а тутъ и инші, за уступку хазяйства, підсовують панії свої карбованці... Ажъ объ поли бьютця виборні! — Одинъ панокъ, то вже зовсімъ бувъ напосівсь, да, на-щасте, довідались виборні, хто въ іхъ селі думае проживати и який вінъ чоловікъ,—заразъ внесли те панії — и діло розійшлося, а звернулося такъ, що хазяйство оддано на руки громаді, а насінне сама пані обіцялась позичити у сусідівъ. «Ну, теперъ–же», каже пані, «вже ми скінчили;—помагай же вамъ Боже:—глядіть, берітця гуртомъ за роботу, щобъ не було переборівъ, бо якъ що не та́къ, то я за-для виручки накла́ду, хоть и середъ літа, одберу на себе хазяйство.» Після сёго, дідичка поіхала до Дударівъ и тутъ зробила умову зъ цілою вже громадою — и цей–то контрахтъ всі святимъ хрестомъ ствердили.

Тутъ громаді потрібно стало чоловіка письменного, разъ за-для того, щобъ вести всякому хазяйському ділу лікъ, — друге, и за–для того, щобъ завдовольнить всі канцелярські потреби. Та́къ сталось, що громада, за радою самоі панії, наняла мене. Въ остатніхъ дняхъ марта, я покинувъ университетъ и приіхавъ у Дударі, заявився громаді и заразъ–же поговоривъ зъ нею о вспільній громадській праці,

(1) Такъ называють літню пору, коли дідичка приіздить зъ дітьми до–лому.

о повинностяхъ кожного чоловіка въ громаді и яснійше росказавъ повинности, які я беру на себе. Съ того часу я живу въ селі неначе управитель, а въ урядовихъ ділахъ я, справді, якъ управитель:— цебъ-то — поліцейська росправа ніби-то до мене належить; всякий торгъ можна скінчити на мое имя; мое жъ діло давать ладъ и зъ лісомъ. Якъ же що́ не такъ гараздъ піде въ хазяйстві, то моя совістливость мині наказуе, якъ чого самъ не порішу, звістити панію. Для громади, въ ділахъ хазяйственніхъ, я тільки писарь: — записую роботу, дохідъ, трату и всякий щотъ. Щотъ ведеця у насъ рідною мовою, и якъ тільки громада запотребуе, то я завсігди повиненъ подать всі рахуби для перегляду тому, кого громада назначить. Хазяйські діла и всі порядки належать до 8 чоловіка виборнихъ, котрі що́-суботи, або що́-неділі збіраютця и радять раду—що треба робить: чи то—що продать, чи купить. На цій раді, всі виборні и я маемо рівноправній голосъ; що тамъ ураяно,—я записую, а потімъ, вже одинъ зъ виборнихъ, котрий за те бере особу плату,—*главний совітникъ* якъ ёго назвали—цей все що́ ураяно радою, сповняе. Громада маe право, коли схоче—перевірять весь ходъ діла. Окромъ того, на початку хазяйського року (въ марті), и коло Покрови (1 октября), а далі и въ кінці року (въ февралі), повинні бути сходи громадські, щобъ розгледітись у всіхъ порядкахъ и урядить все на-даль. Такимъ робомъ, у насъ все йде на добрий ладъ; сумяття, объ якіхъ чутно округи насъ, въ цей переходний часъ, у насъ не бувало, бо насъ всіхъ вьяже одно спільне діло. Наші жінки́ ще не гаразъ-то зрозуміли діло и трохи вередують, такъ и зъ ними ладъ можна найти, бо всю роботу одбуваемъ по инвентаряхъ. За цей годъ, хочъ и при добрімъ урожаі, доходу гараздъ не буде, бо багато накла́ду; а все-таки на долю громаді достанетця насіння, худоба, вся снадобъ хазяйська, харчъ на челядь, та, може, яка сотняга й карбованцівъ. Оттакъ-то ми, добродіи ласкаві, сами собі установились. Нема у насъ для нашого порядку и прозвища, чи, попросту, слова; бо, по вашому, це буде вже *организація*, чи що?—а ми, селяне, такъ безъ окраси робимо якъ знаемо. И багато есть у насъ, по селахъ, такихъ справъ, котрі и голоснихъ прозвищъ не мають, котрімъ тільки добре та тихе серце селянина усміхаетця часомъ. Любо мині служити нашій сільскій громаді; а де – які тутешні панкі, не зрозумівши, або — не хотячи зрозуміти діла и правди, дивуютця зъ моеі служби якъ зъ невиданого звіру: імъ здаетця, що тільки простий людъ служить повиненъ—

для іхъ користи; а на ёго користь служить наче заказано! Такі зъ іхъ чудні люде, зъ тіхъ панківъ.

У Дударяхъ ще є багато требівъ: и дзбанкъ пора зробить, и школу, и промиселъ піднять:—дай тільки, Боже, намъ зъ хлібомъ благополушно упоратись та збавитьця одъ цієї нечисті—одъ сарани, (ії–таки намъ трохи страшно), а то все піде до-ладу. Я кажу и всі добрі люде повинні сказати: «Помагай Бігъ!»

Отъ же ще не кінець, ще де–що треба сказати про *новий ладъ*.

Якъ надійшовъ наказъ—порядкувать громаду у обчество, зібралась громада уже зъ обохъ частей села до купи; я прочитавъ імъ правила объ обществахъ, и громада почала вибори. На-й-самъ–передъ бувъ вибраний я, на *сільського писаря*, а далі почали вибірать *старосту*. То той обізветця зо своімъ кандидатомъ, то инший—да й назадъ, а далі хтось и каже: «Ні вже, ніхто не буде, якъ не Гаврило Кваша». Гаврило кивнувъ головою: «ні, люде добрі,—нехай хто старійший,» да не було часу одмагатьця, якъ всі почали усовіщать: Гаврило замовкъ и согласився. Вибрали далі й иншихъ:—*добросовістнихъ*, *помошника* и т. д. Зъ-початку кожний одмагаетця, а далі й замовкне—пристане. Якъ стали питать про плату за урядъ, то Гаврило Кваша наче прочнувсь зъ задуми, и такъ промовивъ: «А щожъ, панове громадо: ще то незвісно, якъ цей порядокъ пійде, а ми вже будемъ и плату брати? не треба!.. а що одбутки, то я такожъ підписувавсь: то, щобъ не сказали, що я зо всіма вкупі не робивъ, то я однаково посплатиму жінку на роботу и самъ ходитиму, якъ можна буде». Такъ-то вінъ и не подумавъ, яку добродітель гражданську виказавъ; ему про те байдуже: —вінъ сказавъ що ёму серце натякнуло.

Вибори одбулись безъ супереччя, а просто, по–совісті. Брехня ваша нарікающі на *людъ простий*! Слава Богу, що вінъ ще досі *простий*, що не зкривився на вашъ розумъ. Бувае й у насъ всяко—бо «люде якъ люде», та все воно утихоміряетця по-просту, серцемъ.

Прощавайте! якъ що можна, то цей листъ напечатайте — нехай люде почуютъ, нехай всі судять це діло — та не гудять. Прощайте, и насъ, дударцівъ, не забувайте: може ще коли до васъ обізвемось.

Б. Познанський.

ЗЪ ПОДОРОЖНИКА.

I.

1861 р. Квітня 16. Полтава.

Відъ самісінької Полтави, по стовповому шляху на Харьківъ, по надъ річечкою Коломакомъ (котра тече пíдъ самимъ городомъ у Ворсклу) простяглися, низкою, слободи панські, села казенні и хутори козацькі. По–надъ шляхомъ маячать трахтирі и постоялні двори. По правому боці Коломака бованіють гори де–не–де й височенькі, и синіють ліси: зъ нихъ догляжені и найкращі князя Кочубея — самий дубъ вікóвічний. Казенні-жъ більшъ повирублювані, хоча теперъ й принялись іхъ доглядати; а про панські нічого й казати,—зостався тíльки хворостъ та чагарникъ. Зъ лівого боку тіеі річки стелютця болотá, заросли вони очеретами, вільхами и вербами; рідко де побачишъ дуба або осику. Казенні ліси берутця чистити паши або жиди, поєднавшись на кільки тамъ сажнівъ хворосту, по три або по чотирі ка бованці відъ сажня, а хмизъ не въ щотъ. Не лучче бъ віддавати селянамъ? селянинъ свое громадьске берегтиме. Верба и вільха швидко ростутъ, якъ зъ води йдуть; зъ вільхової кори роблять чорну краску для запасóкъ — варютъ ту кору зъ галуномъ. По левадахъ не побачишъ другого дерева опрічъ вербú: селяне не заводять лісу, а объ садкахъ—нічого й казати, хíба де е вишнякъ, одно або два дерева грушóкъ, або кисличóкъ—и то росте собі по волі. Нема того, щобъ ёго гарненько доглянути, пíдчистити. А якъ–бито родюче дерево по нашимъ благодатнимъ грунтамъ розросталось! тільки жъ наші земляки садовинý зовсíмъ занедбали; откупъ охоту одбивъ.... По горахъ е терники, та й тутъ шкода, що ніхто не догляда, бо скотинка ламае, або

позаростуть такъ, що й ягідки не знайдешъ. А воно гарна штука для наливки и на *загáти* (1), щобъ звірь не переплигувавъ до овечатъ. Коломакъ весною дуже грае; відриває часомъ *плáви* зъ вільхами и лозою, и зносить далеко; а лítомъ пересихае; тільки зостаютця *плесá* (2). Риби вдоволі: ловитця частійшъ щука и плотва, де-коли линъ, карась, а раківъ и вьюнівъ—сила. Сёго добра, хочъ цілий мішокъ, панки добуваюць за колоду засмальцеванихъ картъ. Риба більшъ ловитця зімою; такі міста, що не замерзають—*узьмені* (3) и *гниловоди* (4). (Я навпісля побалакаю объ рибальстві); є й піску багато по лівому боці Коломака; шкода, що не розводють на німъ шелягу, якъ коло Дніпра, а вінъ би згодився; для огорожі нема й луччого—міцнé.

Відъ Полтави по стовповому шляху до гряниці Слободскоі Украіни є одно село-Сторожева. За гетьманщини тутъ стояла сторожа відъ татарскихъ наіздівъ; а за Екатерини вже стало село и належало до Черняковського дівочого манастиря (що біля Великихъ Будіщъ). Старі люди кажуть, що тоді лучше жили—вільготнійшъ. Бувъ млинъ водяний и гребля; йшла чумацька дорога, зъ Харьківскихъ селъ: Котельви, Мошнівъ, Баромлі и другихъ. По тимъ селамъ готують колеса, осі и друге, везуть на Дінъ и у Кримъ, и збувають за хорошу ціну; такъ оттой шляхъ, вигóдний для Сторожевоі, пани перевели на своі слободи. Теперъ же Сторожева обідніла,—всёго одна церква. Обивателівъ щитаетця: 1,700 казеннихъ поселянъ, та до 1,900 козаківъ. Казенні живутъ у самімъ селі; грунта громадьскі, розбивають на поділки; платять у казну до пьяти рублівъ зъ душі. — — Козаки жъ живуть своіми хуторами, а хто не мае свого грунта, то живе, у сусідахъ, у заможнійшого. Другі козаки мають сельбу коло стовпового шляху; збудували великі хати и завели постоялні двори. Заізди безъ перерву; ідуть на ярмарки у Полтаву и Харьківъ. Тільки багато шкодять жиди, що понаймали панські двори; тай москалі закупили оселі. Жиди більшъ того сидять по шинкахъ, щобъ скуповувати у панівъ и ко-

(1) *Загáти* — такъ зветця терновий колючий хмизъ, котрий накладаетця поверхъ тинівъ, щобъ небуло перелазівъ.

(2) *Плéсо* — озеро по течіі річки.

(3) *Узьмíнь* або *озьмíнь* — найглибша и найбистрійша течія води, котра зімою не замерзае.

(4) *Гниловоди* — болота, по которимъ течуть озьмені.

заківъ хлібъ та смушки для перепродажі. Наші ще не торгують. Та й ті козаки, що мають постоялні двори або трахтирі, хочь придбали багато худоби, а про те не кидають хліборобства. Така то вже натура нашого селянина! Отті трахтирі — довга хата на дві половини; въ одній половині дві кімнати, гарно прибраі; одна стіна вся въ образахъ, роботи Хорошевського манастиря и Полтавскихъ малярівъ. — Суздальска робота тільки у самихъ убогихъ. Коло образівъ висять дві або три лампадки, роблені квітки, зъ васи́льківъ звязані хрести. На другихъ стінахъ московські картинки—або енерали, або таке наляпано, що й не розберешъ: и червоне тобі и зелене! — столи, дзиглики, замість стародавнеі лави-канапки, покриті килимами;... біля порогу стоіть шкапъ, а въ німъ чашки́, пляшки́, серебряні ложки, тали́рки; а въ другій кімнатці постіль зъ горою подушокъ. На другій же половині—одна здорова хата, зъ варистою піччю. Тутъ уся семья обідае и вечеряе. Кругомъ двору повітки́ для московськихъ звощиківъ и нашихъ хурщиківъ. Къ слову скажу, що у тихъ и другихъ свій поровъ: звощикъ тільки ввійде въ хату, заразъ гука и лаетця и бі́льшъ бере на-віру, а фурщикъ мовчки жде, поки дадуть що треба и платить чистима грошима.

По сторонамъ роскинулись хутори, гарні якъ въ пісняхъ спі-вають: и ставокъ, и млинокъ, и вишневий садокъ. Козакамъ невільно жити по селахъ, хіба въ приймахъ. Інколи дозволить громада збудувати и козакові хату у селі, а объ горо́ді и не думай; та проте козаки живуть, на своіхъ власныхъ грунтахъ, якось то вільнійшъ, и на виду здоровші. Знаете, заберетця у свій хутіръ, самъ собі господарь, старши́хъ своіхъ не бачитъ; не лякають ёго ні судові, ні постої; тай одна та думка, що вінъ свій шматокъ землі мае, придае ёму якусь тиху красу́. А вже казенний по всякий часъ мусить бути готовимъ, що позовуть у волостне; поділки у нихъ невеличкі, або такъ далеко відъ села, що якъ не мае воликівъ або шкапи, то й трудненько. Оттіжъ, що не мають поділокъ, пробуваютця рибальствомъ, або наймаютця у робітники, чи то у своіхъ, чи то у панківъ. Селяне завидують козакамъ и на сміхъ зовуть іхъ «глечиками», а тимъ — и байдуже. Якъ постановлять голову зъ козаківъ, то селяне не дуже раді.———И козаки зневажають селянъ. Заможні селяне не ходять и на раду, бо голова и другі старші мають якусь пиху начальничу, більшъ приказують, ніжъ

радятця. Селяне тулятця до своіхъ заможнихъ людей, котрі імъ помічь дають — визволяють изъ біди. Вбожество — — не зовсімъ викоренило у нашихъ селянъ ні вдячности, ні громадського духу. Разъ лучилось менї бачить таке: зібралась рада, голова щось торочивъ; одинъ зъ найбільшъ-шануемихъ селянъ, чоловікъ заможний и розумний, обізвався, що голова не до-дїла каже, а той заразъ и гукнувъ: «у чорну ёго» (бо такъ и голови звикли—починовнёму). — — — Якъ громада стала розходитись, я й заговоривъ зъ однимъ чоловікомъ:

— Чого то вашъ голова такъ паномъ вигукуе?

— Э! бо дуже розбагатівъ; бачете, женився вінъ на дочці господаря, котрий правивъ слободою одніеі багатирки—панії.

— Хиба бувъ багатий?

— Та нагарбавъ же зъ ії крепаківъ чи-мало грошей, а навпісля й самъ роспився та й пропавъ.

Подумавъ я собі: такий-то слідъ зоставля по собі кривда и бракъ освіти. Таке у насъ часто трапляетця. Я знову ставъ питати:

— Такъ все те неправедне добро мабуть перейшло до вашого голови?

— Эге жъ! тільки, що почувъ, що тесть померъ, такъ и чкурнувъ, та й захопивъ усе.... а далій позакупавъ грунта, завівъ постояльний, та й паномъ—діло.... А проте скупий—на громадьске вінъ и шага не дасть.

— Вінъ мабуть у васъ зъ письменнихъ-таки?

— Який врагъ! тілько що вміе підписатись. Громада ёго давно бъ зсадила, такъ колижъ мае руку десь вище—бо багатий.

Отті бачця протекції — корінь усёму злому, якъ на столиці, такъ и у селі. Якъ міжъ судовими, що началникъ одного любе, а другого гонить — такъ и голови вже позвикали: одному писареві ввіритця, а сей набріхуе на другихъ. Та до того жъ усі вони и самі не цураютця горілки, та й селянъ не то щобъ відмовляти, а ще для своеі користи самі на той гріхъ наводять. Одинъ голова такъ-таки безъ сорому оповістивъ, що вінъ буде бити тихъ, котрі питимуть у другихъ шинкахъ, а не у тімъ, що любимий ёго писарь держе. Дарма, що указъ объ «обществахъ трезвості» попи получили,—вони объ тімъ и не повідали парафіянамъ, а сами бенкетують по-прежнёму зъ старшими — прихильними приятелями. За тежъ, якъ мають нужду яку, то вже сміло до тихъ берутця.

Хоча законъ вдоволі забезпечае неподлеглость сільскихъ громадъ и личне́ право кожного, а проте усюди доводитця бачити подорожнёму, що зневажають и те и друге. Наізди справниківъ, становихъ, и проч., ніколи не обходятця безъ гуку, лайки, витребеньківъ; а щобъ іхъ ублагати хоча трохи, тоставлять імъ за́куски, за котрі не діждешъ плати. Та й го́лови, такъ — таки безъ приговору, а самохіть, охочі дуже до ля́пасівъ и стусунівъ. Оттимъ-то наші селяне, мовъ не свої, перелякані якісь, передъ чиновнимъ людомъ. Козаки жъ, якъ я казавъ, рідче бачять отту колотнечу беззаконну и безправну тимъ, що живуть по хуторахъ.

II.

Ще объ тій Сторожевій, бо привелось мені пробувати тамъ довгенько Місто глухе; нічого не достанешъ: якъ чого треба, то й посилай ажъ у Полтаву, верстовъ за 30–ть. Та ще якъ трапитця весною — якъ вода розіллетця, такъ–що й переправи черезъ Ворскло нема ніякої, — або у-осени по багнюці, то біда, та й тільки; сиди у тімъ селі, та куняй, коли не маешъ ніякої роботи. На папері значитця у Сторожевій три годовихъ ярмарки; а на ділі ні одного не бува,—що́ вже тамъ не робили, щобъ заманити. У такімъ–то закутку стоіть те село; нудьга та й годі!. Разъ сидю я, та й малюю де–що–а живъ я у одного полупанка — ажъ ось ввійшовъ Голова (я вже у ёго бувавъ) и зъ нимъ козакъ. Подивився Голова на мою роботу, похитавъ головою та й каже:

«Годі вамъ, пане, зъ отимъ возитись; на що́ воно вамъ здалося? Ходімте–лишень зъ нами на звіря; я усе село зібравъ.» — «А що... мабуть не переливки... —

— «Звірь дуже зобіжда людей,» сказавъ козакъ. —

— «Тай начальство загадуе робити облаву за звірёмъ,» добавивъ Голова. —

Я згадавъ, що й справді положено робити облави що–ве́сни після Великодня, и въ-осени після Чесного Хреста; думаю собі: подивлюсь и я на ту облаву, бо зза молоду й зъ мене бувъ ловець.

— «Добре діло,» кажу: чому не пійти.» —

— «Якъ же недобре!» одказавъ козакъ: «то тутъ, то тамъ, попідъ самісінькими хатами, бере чи овеча, чи порося.» —

Зібралось насъ душъ зъ двадцять верхи, та чоловіка зъ півтори–

сотні піхотою. Чоловіка зъ шість зъ рушницями. Притягнули ми до байраківъ — підняли наші ловці галасъ та гукъ, мовъ татарва. А верхи до півдня гасали по степу ніби-то за звірёмъ. Отъ, думаю собі, прийшла погибель на бідного звіря. Якъ понатомились, то й зійшлись усі на долинці. Дивлюсь: шкода, не зачепили ні одного! за те було чого послухати. Голова роспустивъ де-якихъ до дому, другі жъ зостались могоричи пити по тій користній праці, а до того казаковъ раківъ наварили. Сіли у-коло, випили по чарці. Голова й каже:

— «Стою я надъ стежкою, — чую — щось шумотить у кущахъ. Озирнувсь, ажъ вовкъ такъ прямісінько мені въ вічі й дивиться — а я на ёго. Ну якъ ёго стреляти у пику? Ні! хай далій подастця — а вжежъ ушкварю, думаю,... зиркъ — ажъ ёго катъ-ма передъ очима.» —

— А коли хочете, — нашъ Мина (обізвась хтось зъ гурту) лучче зробивъ: дивиться — вовкъ на нёго; такъ-таки й простуе. За рушницю... а, бісъ ёго батькові! и забувъ зарядити. Поки що до чого — вовкъ и прошмигнувъ; Мина тільки хвістъ загледівъ.» —

Мина — чоловічокъ собі зъ виду кумедний — гукнувъ мовъ зъ сердцівъ: «хай въ мене рушниця була не тее... а онъ Яківъ та Андрій — вовкъ пробігъ таки проміжъ нихъ; вони и стрельнули, та съ перелляку улучили въ дуба... памьятатиме, що то за браві стрельці були.» — Усі зареготались.

«А Харько-жъ... (додавъ лісничий): той такъ поставивъ рушницю біля дуба, а самъ достае зза халяви ріжокъ. Щось заворушилось — дивлюсь, Харько ріжокъ объ землю, та за рушницю;.. пукнувъ — ажъ воно бідне заскавучало... Чую, Панасъ гукае: тю-тю, скаженій! за що ти мого сірка підстреливъ? Харько мовъ не чуе, та тільки: шкода, кабаку розспавъ.» —

Та оттакъ балакаючи та регочучись, тільки й добра зробили, що барильце повезли до дому порожне. Голова уставъ та й каже:

«Ну, люде добрі, оце жъ ми попрацювали; памьятайте, що въ осени повинна бути друга облава, бо такий приказъ!» —

— «А поки до-того, (обізвався кумедний Мина) хай вовки на нашихъ харчахъ?» —

Отъ така-то облава;.. не такі ловы бачивъ я колись по Катеринославськимъ степамъ, зъ хортами, зімнёю добою! —

Хотілось мені запопасти у Сторожевій старенького діда, щобъ роспитати про давню давнину, або записати яку-небудь старину пісню; алежъ такі діди переводятця у насъ на Вкраіні. А більше ні

відъ кого не почуешъ. Парубки нівечать салдатські пісні, а наші рідко коли згадують; дівчата жъ и молодиці більшъ держатця своіхъ,—тільки крий Боже, якъ співаючи загледять якого-небудь панича—заразъ и заведуть: «я въ пустиню удаляюсь...» Не знайшовъ я у Сторожевій ні одного такого діда, якого шукавъ; ажъ ось, трапилось мені зъ одніею родичкою поіхати у ії хутіръ, підъ містечкомъ Новими-Санжарами (объ тімъ містечці ма́тиму де-чого багато оповідати):—Пізно ми доплентались до того хутора; у хаті душно: я й послався підъ хижкою. Лежу собі та дивлюсь на небо—місяшно; чудовий пахъ такъ тебе и обдае. Згадавъ я про свое життє бурлацьке, думка за думкою... вже ставъ я куняти; ажъ ось зразу якъ гукне щось, та такимъ дикимъ голосомъ... я такъ и схопився: оце, бодай тебе! злякавъ, якъ запорозець татарюгу. А воно знову гукнуло,—а далій заспівало. Тоді вже на Сході зачервоніло; де-яка пташка пробуркалась й стала щебетати, на болоті кулики перекликались. Де вже тутъ спати—я й пішовъ у поле. Дивлюсь,—курінь, а біля ёго геть простягся баштанъ; по міжъ зеленою огудиною, кавуни, дині, гарбузи та́къ и визирали. А по закраіни щось плентаетця повагомъ, мовъ та мара. Я й підійшовъ—передо мною старий, старий дідуганъ стоіть зъ ціпкомъ.

— «А це ти, діду, такъ гукаешъ цілу нічъ?» —

— «Та яжъ, пане! —

«А, здо́рово гукаешъ, діду, хоча й старий...»—

— «Не що́ будешъ робити: оглядаю баштанъ, бачете, то якъ гукаешъ, то й задаси острахъ, щобъ не дуже ласувались на ті кавуни.» —

— «Чий же се баштанъ?» —

— «Та се москалівъ.» —

— «А вінъ тебе нанявъ сторожити?» —

— «Эгежъ! та оттакъ день и нічъ вештайся, ніколи и спочити; а тільки сімъ карбованцівъ за ціле літо, поки не визбирають.» —

— «Не багато!—Хиба тобі, діду, ні при кому жити?» —

— «Та воно е й семья, два сини жонатихъ; я імъ віддавъ усе хазяйство;—та, знаете, роблти сили немае, а хотілось би, щобъ таки и своя копійчина була про нужду—не всежъ и дітямъ докучати.»—

— «А відкіля ти, діду?» —

— «Нездалека. Оттамъ, у Новихъ Санжарахъ, коли чули, біля мосту черезъ Ворскло, стоіть двіръ козака Блохи,—оттожъ и мій.»—

— «Давно жъ ти живешъ у тімъ містечці?» —

— «Э, давно, пане! мій дідъ зъ Запорожжя. Та якъ руйновали Січъ, такъ вінъ забрався у ліси Санжарівські, а були вони колись дуже великі...» —

— «Ти щось и співавъ діду—та ще якусь чудову?» —

— «Та то відъ нудьги, бачете; згадавъ якъ колись батько мій співавъ, бо мій батько бувъ и у пикинерахъ.» —

Я такъ зрадівъ, мовъ скарбъ натрапивъ. Ставъ я просити діда, щобъ вінъ заспівавъ. Сіли ми біля куріня; дідъ почавъ співати, а я до слова записувавъ.

I.

Ой зъ устья зо Дніпра вершини
Сімъ сотъ річокъ и чотири
Усі въ Дніпръ упали,
Ні одно Дніпру правди не сказали;
Тільки одна річка
Сама невеличка
Та й та въ Дніпръ упала,
Дніпру всю правду сказала...
Ой повій, вітре, та низовий
На рямини (1) та на кедровиі,
На паруси та на персовні (2),
Та на демину (3) та на малёвану.
Ой у демині та козакъ сидить;
Демену повертае,
На Чорне море поглядае...
Ой пливе судно
Однимъ—одно;
Ой у тімъ судні
Турчинъ сидить съ туркенію,
А туркеня не гуляе—
Шовкомъ вишивае.

---

(1) *Ramus*, — ῥάμνος — вѣтвь, — весло (?) *Ред.*

(2) »Персовні« — надутні. —

(3) »Демінъ« — човенъ. Такъ казавъ дідъ. *Demano* — плыть внизъ (?) *Ред.*

Ой кому сей платокъ буде,
Чи сотнику, чи півковнику,
А чи й отаману та вістовому,
А чи самому Кошовому?

II.

Ой у лузі надъ водою
Калина цвіте;
Ой де-то нашъ отаманъ
Съ козаками пье;
ть же вінъ хоне купуе,
Такъ правди глядить,
Которие лукавіі,
Такъ вінъ велитъ бить.
Наступала чорна хмара,
Ставъ дощъ накрапать,
Ой стали наші козаки
Въ намітъ утікать;
Которие багатие
У намітъ пішли;
Козаченьки нетяженьки
Не посміли,
Взяли кварту,
Ще й другу зъ жарту,
На дощи сіли.
А въ нашого отамана
Учинився жаль:
Скинувъ зъ себе голубий жупанъ,
Та й намітъ напьявъ.
Прийшовъ дука, прийшовъ багачъ,
Та й у порога ставъ;
Изъ нашого отамана
Сміятися ставъ.
Якъ крикнувъ нашъ отаманъ
Та на свое військо,—
Озьміть дука за чубъ и руку
Та виведіть вонъ!

Одинъ узявъ за чубъ и руку,
Дуломъ бье:
Ой не ходи, превражій дука,
Де голота пье.
Добра та беседонька,
Де отаманъ пье,
А ще й лучче, ще и краще,
Де отець и матірь е.

III

Ой теперъ наші славні Запорозьці
Усі ради стали,
Що поіхавъ Кошовий на Мóскву,
Щобъ намъ, братці, землю дали.
Который поіхавъ съ Кошовимъ на Мóскву,
То й буде панувати.
Зоберуть въ члени, помежують землі,
А ми будемъ свині пасти.
Ой помежували степи запорозькі
И козацькі славні луки! —
Писалися запорозьці
Не зъ роскоші, зъ мýки (1).

— «Ну, діду, спасибі тобі за такі пісні! приходь же до хати— випьемо по чарці та пообідаемо.« —

— «Отъ за це дякую, бо москаль, якъ ёму притьмомъ треба було сторожа, то й обіцявъ харчъ давати — а потімъ и не тее... Знаете: якъ потопá, то й сокиру обіцяе; а виратуешъ — то й топорища не дасть. Принесе хлопья, таки зъ вашого хутора, щербй (2), то я зъ хлібомъ попоімъ — отто и вся іжа! — Прийду, прийду»...

Кузьма Шаповалъ.

1-го іюня 1861 року.
Полтава.

(Буде далій.)

(1) Дідъ послі добавивъ, що запорозьці: *зъ муки* писалися у пикинери.—
(2) «Щербá» — остання юшка після галушокъ.

ПОГУКОВЩИНА.

Одинъ мой знакомый, около 1846 года, былъ, по дѣламъ, въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Однажды, возлѣ оконъ дома, гдѣ онъ остановился, собралась многочисленная крестьянская сходка (село было помѣщичье). Зашелъ между крестьянами споръ. Одинъ изъ толпы вызвался съ своимъ мнѣніемъ; но его остановили такими словами: «*ти бъ мовчавъ, бо й досі не оддавъ погуковщи́ни.*» Эта «погуковщи́на» возбудила любопытство въ моемъ знакомомъ. Подозвавъ къ себѣ самаго расторопнаго изъ крестьянъ, онъ тогда же распросилъ о значеніи этого слова, и вотъ–что́ сохранилось въ его памяти:

При введеніи христіанства въ этомъ уединенномъ краю, старались расположить народъ ходить въ новопостроенную тамъ православную церковь. Народъ пошелъ туда сначала изъ любопытства; все, что́ онъ видѣлъ и слышалъ въ церкви, очень понравилось ему, такъ–что онъ самъ попросилъ у священника позволенія — «*погукать.*» Священникъ, вѣроятно, желая пріучить ихъ къ церкви, согласился на эту просьбу. Но такъ–какъ эта прихоть повторялась всякій разъ, то духовенство сочло нужнымъ обложить обычай *погуканья* податью: и каждый изъ прихотливыхъ прихожанъ долженъ былъ давать духовенству ежегодно *пень* (улій) пчелъ. Впослѣдствіи, когда народъ утвердился въ вѣрѣ и уже пересталъ гукать, обычай этой дани все–таки продолжался.

Съ теченіемъ времени, народъ счелъ ее для себя дорого́ю и рѣшилъ—вмѣсто *пенька*—давать по рублю съ души; а наконецъ, уже въ послѣднее время, сообразивъ, что эта дань излишня, сталъ платить ее въ пользу общества, въ мірской капиталъ, на уплату податей за бѣдныхъ и на другія благотворительныя цѣли.

Къ–сожалѣнію, мой знакомый не помнитъ ни названія деревни, ни другихъ подробностей. Желательно было бы, чтобы кто–нибудь изъ жителей Радомысльскаго уѣзда, сообщилъ болѣе точныя свѣдѣнія о погуковщи́нѣ; тогда, можетъ–быть, гуканіе объяснилось бы какимъ–нибудь языческимъ обрядомъ, народной легендой, или повѣрьемъ.

П. Чубинскій.

БЛАГОРОДНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ СВОЕГО ИМУЩЕСТВА.

Въ польскомъ обществѣ, слишкомъ часто поражавшемъ и поражающемъ насъ, украинцевъ, исключительностью своихъ сословныхъ, національныхъ и религіозныхъ взглядовъ, нерѣдко встрѣчались и встрѣчаются благородныя личности, возвышенный умъ и гражданское чувство которыхъ выдѣляетъ ихъ изъ толпы и внушаетъ искреннее сочувствіе въ каждомъ, умѣющемъ цѣнить борьбу съ самимъ-собой и съ общественными предразсудками.

Наряду съ господами, которые желали бы выкопать тѣло Шевченка изъ родной земли и запрятать его такъ, чтобъ ни одинъ его соотечественникъ не могъ поклониться священной могилѣ, которые желали бы здѣлать украинскій языкъ навсегда нѣмымъ, отрадно встрѣтить такую благородную личность, какъ недавно умершій М. Ив. Конарскій, о завѣщаніи котораго мы прочли въ 134 № «Польской Газеты, этого года. Намъ было бы еще пріятнѣе узнать о честномъ дѣлѣ г. Конарскаго, если бы онъ, въ своей духовной, чѣмъ-нибудь выразилъ участіе къ нуждамъ тѣхъ *подольскихъ крестьянъ*, которыхъ трудъ, быть-можетъ, доставлялъ ему дорогую пшеницу и далъ возможность обогатиться и облагодѣтельствовать въ Одессѣ, а еще больше—*внѣ* южнаго края, многихъ, неимѣющихъ ничего общаго съ главными виновниками его богатства. Но, какъ говорится—*выше себя не будешь*: поэтому, воздавъ должное памяти почтеннаго человѣка, сдѣлавшаго то, что для него было возможно, приведемъ отчетъ г.г. душеприказчиковъ, Вэрницкаго и Корейвы·

«Скончавшійся, 26 апрѣля текущаго года, въ городѣ Одессѣ, таможній житель, помѣщикъ Подольской губерніи, Михаилъ Ивановичъ Конарскій, оставилъ, послѣ своей смерти, представленное въ Одесскій Коммерческій Судъ, для законнаго утвержденія, духовное завѣщаніе, въ которомъ, кромѣ отказовъ въ пользу своего семейства, онъ опредѣлилъ значительныя суммы на общую пользу. Но пока это завѣщаніе приведется въ исполненіе, мы, нижеподписавшіеся душеприказчики покойнаго, спѣшимъ познакомить публику съ пожертвованіями завѣщателя, сообщая редакціи «*Польской Газеты*»—въ чемъ они состоятъ.

Сумму въ 10,000 р. ср. покойный предназначилъ на окончаніе и обведеніе каменной стѣною католической церкви въ Вроцлавѣ, и желалъ, чтобы на остатокъ изъ сказанной суммы основанъ былъ, при той же

церкви, госпиталь его имени, для призрѣнія нѣсколькихъ неимущихъ и пожилыхъ лицъ.

Сумму въ 6000 р. ср. дѣлитъ такимъ образомъ: на церковь католическую въ Одессѣ *тысячу* руб.; на *конфессіоналы* въ той же церкви тысячу руб.; на школу при той же церкви двѣ тысячи рубл.; на школу лютеранскую тысячу руб.; и на школу при церкви реформатской тысячу рублей. Всѣ эти школы въ г. Одессѣ.

Земледѣльческому Обществу Южной Россіи завѣщана вилла, находящаяся въ Одессѣ, на Молдаванкѣ, съ тѣмъ, чтобы тамъ была основана ферма и земледѣльческая школа.

20,000 р. ср. съ процентами, назначено въ Земское Кредитное Общество (Towarzystwo Kredytowe Ziemskie) въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы редакція журнала «*Библіотеки Варшавской*,» отыскивая самыхъ бѣдныхъ учениковъ въ Варшавскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ равно и тѣхъ, кто, окончивъ эти заведенія, заслуживаетъ помощи для дальнѣйшаго образованія, доставляла имъ, изъ сказанной суммы, вспомоществованія въ теченіе 10 лѣтъ, со дня смерти завѣщателя.

Принадлежащіе завѣщателю два дома съ магазиномъ, находящіеся въ Одессѣ, по Херсонской улицѣ, и оцѣненные имъ въ 60,000 р. ср., предназначены на благотворительныя дѣла въ Царствѣ Польскомъ, въ особенности—для основанія какихъ-либо учебныхъ заведеній, по усмотрѣнію лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ. Имущество это поступаетъ въ вѣдѣніе Земскаго Кредитнаго Общества въ Варшавѣ, по распоряженію котораго оно можетъ быть продано, но не раньше, какъ черезъ десять лѣтъ со дня смерти завѣщателя, дабы такимъ образомъ, посредствомъ ежегодно получаемаго дохода, увеличить капиталъ и затѣмъ употребить для вышеозначенной цѣли.

11,000 р. ср., съ процентами, предназначены на окончаніе дома Ученаго Общества въ Краковѣ (Towarzystwo Naukowe), начатаго покойнымъ Францомъ Вэнжикомъ.

5000 р. ср. предоставлены въ распоряженіе того же Общества, съ тѣмъ, чтобы оно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, снабжало пособіемъ неимущихъ студентовъ Ягеллонскаго университета, руководствуясь въ этомъ собственнымъ усмотрѣніемъ.

Польскія и латинскія рукописи, находящіяся въ имѣніи завѣщателя, Вышковцахъ, предназначены также для Краковскаго Ученаго Общества.

Изъ суммы въ 6000 р. ср. получатъ проживающіе: въ г. Варшавѣ, *Юліанъ Бартошевичъ* и Александръ *Мацьёвскій* (извѣстный

ученый), близъ Кракова—*Карлъ Шайноха* (историкъ) 1500 р.; и въ Силезіи—Осипъ *Лёмпа*—каждый по тысячѣ пяти сотъ рублей ср. Пожертвованія эти оставлены Конарскимъ на память о себѣ и въ пособіе для изданія историческихъ сочиненій.

Въ своемъ завѣщаніи покойный не забылъ о слугахъ и о ходившихъ за нимъ во время его болѣзни.

Всѣ вышеозначенныя суммы не находятся-пока въ наличныхъ деньгахъ, но должны поступить къ душеприказчикамъ по разнымъ документамъ.

«Какая мысль руководила Конарскимъ при жизни,» заключаютъ г.г. душеприказчики,—это видно изъ предсмертныхъ словъ его: «Мнѣ думалось, что я богатъ, а теперь я вижу, что у меня только было мало жизни потребностей, потому-что когда пришло желаніе удовлетворить душевнымъ потребностямъ, бѣдность моя явственна и даже чувствительна.»

Вэрницкій, Викторъ Корейва.

ЧЕРТА СОВРЕМЕННЫХЪ НАРОДНЫХЪ ПРАВОВЪ.

Изъ Тирасполя, г. И. Шапира сообщаетъ въ «Одесскій Вѣстникъ», между-прочимъ, слѣдующій случай:

Въ деревнѣ Салуискѣ, Тираспольскаго уѣзда, одинъ крестьянинъ вырубилъ тайно изъ изгороди своего помѣщика вербу, которую и нашли у него въ саду. Помѣщикъ, не желая быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, увѣдомилъ объ этомъ только-что избраннаго голову. Послѣдній, созвавъ общество, предложилъ нарядить судъ надъ виновнымъ. Но такъ-какъ не было ясной улики о тайной порубкѣ, то крестьянинъ не признавался въ похищеніи дерева, утверждая, что оно неизвѣстно кѣмъ ему подкинуто. Прежде, можетъ-быть, крестьяне и не согласились бы выдать своего собрата на правый судъ, но теперь дѣло иное: нашлись свидѣтели, нашлись улики, открылось даже, что крестьянинъ произвелъ эту работу въ праздничный день. Поэтому, общество начало судъ. Виновный вздумалъ-было прибѣгнуть къ средству, которое неразъ способствовало прежде къ прикрытію вины поважнѣе настоящей, и предложилъ своимъ судьямъ ведро водки. Но общество не только не приняло этого обаятельнаго, для простаго человѣка, выкупа,

но даже сочло это большою для себя обидою, и приговорило виновнаго къ уплатѣ помѣщику за вербу, по ея стоимости, и къ наказанію исправительно-полицейскими мѣрами, а сверхъ-того, къ трехъ-дневной работѣ при мѣстной церкви.

ЛЮБОПЫТНАЯ ВЫХОДКА НѢМЦА.

«Варшавская Газета» (Gazeta Warszawska, № 193) сообщаетъ, что какой–то ученый нѣмецъ только–что издалъ въ Лейпцигѣ разсужденіе, подъ заглавіемъ; «Von einem verschollenen Deutschen Volksstamm». Онъ доказываетъ, что галицкіе русины — нѣмецкое племя, и что они принадлежатъ къ поколѣнію тюрингцевъ, которые въ старинныхъ хроникахъ были извѣстны подъ именами ретовъ, рутовъ, ротовъ, отчего и произошло нынѣшнее названіе *рутеновъ*. По словамъ сочинителя, въ ту пору, когда готы проходили чрезъ славянскія земли, рутены, двинувшіеся вмѣстѣ съ ними, по странному стеченію обстоятельствъ, не пошли далѣе, а поселились по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ Горъ. Судьба этой нѣмецкой отрасли была, какъ гласитъ упомянутое разсужденіе, чрезвычайно-печальна: въ-теченіе тысячи лѣтъ, окрестные славяне до такой степени угнетали рутенскую народность, что рутены приняли въ свой языкъ половину словъ славянскихъ, но нѣмецкая закваска не истребима и руссины до-сихъ-поръ сохраняютъ очень-много германскаго въ своихъ обычаяхъ, правахъ и языкѣ, и, какъ увѣряетъ авторъ, берегутъ въ своихъ сердцахъ симпатію къ нѣмцамъ (?). Мало этого: даже черты лица у галицкихъ руссиновъ и ихъ умственныя способности—суть чисто–германскія (!!)

«Вслѣдствіе всего этого», говоритъ ученый оригиналъ, «задачей германскихъ народовъ должно быть освобожденіе угнетеннаго германскаго племени рутеновъ изъ-подъ ига славянъ, которые, въ-теченіе слишкомъ десяти вѣковъ, попирали и топтали его ногами.»

Мы, украинцы, не удивляемся нѣмцу, когда нѣкоторые рьяные *славяне* отрицаютъ самобытность руссиновъ и называютъ нашу народность *испорченною польскою!?* Чтобы показать нагляднѣе, въ какой степени правы тѣ и другіе, мы вскорѣ представимъ, въ *Основѣ*, описаніе старинныхъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, существующихъ и нынѣ въ Галиціи, въ селахъ по рѣкѣ *Збручу*.

ЮЖНЫЕ ЭКСПОНЕНТЫ

НА С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЫСТАВКѢ РУССКИХЪ МАНУФАКТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ 1861 ГОДА.

Изъ 985 эспонентовъ, доставившихъ изъ разныхъ губерній, а преимущественно изъ Петербурга и Москвы, предметы своего производства, южнорусскихъ было всего *сорокъ пять*. Они распредѣлялись по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Харьковской 15 экспонентовъ, Черниговской 11, Кіевской 6, Херсонской 5, Полтавской 4, Екатеринославской 3, Таврической 1.

Подольская и Волынская губерніи, а также и Бессарабская область, не принимали никакого участья на выставкѣ.

Изъ 45 экспонентовъ, самое большее число выпадаетъ на долю табачныхъ фабрикантовъ: ихъ было 15; изъ нихъ 7 принадлежитъ городу Харькову. Кромѣ г.г. Кріона изъ Одессы и Капона изъ Харькова, остальные производятъ весьма незначительное количество табаку, или малоизвѣстны. Герзонъ, изъ Кіева снабжаетъ своимъ табакомъ Полтавскую и Черниговскую губерніи, но не пользуется никакой репутаціей.

Харьковскіе фабриканты — Айвазъ, выдѣлывающій табакъ въ разныхъ видахъ на сумму до 20,000 и Богомоловъ, котораго табакъ привозится на украинскія ярмарки, мало извѣстны и не могутъ похвалиться большимъ числомъ своихъ цѣнителей. Самъ знаменитый Кріона, котораго табакъ куритъ исключительно весь югъ и всѣ малороссіяне живущіе въ великорусскихъ городахъ, со времени увеличенія пошлины, сталъ значительно хуже; особенно первый и второй сорты его табаку стали плохи. Со времени же открытія, въ этомъ году, въ Кіевѣ фабрики Добровольскаго, многіе бросили табакъ Кріона, что особенно замѣтно между курящими малороссіянами въ Петербургѣ.

Нѣжинскихъ табаковъ вовсе не было на выставкѣ, также какъ и значительныхъ одесскихъ фабрикантовъ, напр: Плотлера, изучавшаго табачное производство и фабрикацію сигаръ въ самой Гаваннѣ.

Экспонентовъ сахара было *двѣнадцать*. Изъ кіевскихъ сахароваровъ явилось на выставку только *три*. Гг. Бобринскій, Яхненко и Симиренко, Сангушко, Клейнъ, заводы которыхъ производятъ глав—

ную массу сахара, вовсе не были. Удивительно также отсутствіе сахароваровъ Подольской и Волынской губерній, и значительныхъ сахороваровъ Харьковской губерніи, какъ напр , г. Кукель-Яснопольскаго, получившаго золотую медаль на лондонской всемірной выставкѣ. Изъ Полтавской губерніи не было привиллегированнаго Сребрянскаго сахаровара, С. М. Трифановскаго, имѣющаго отлично–устроенный паровой рафинадный заводъ.

Изъ старообрядческихъ слободъ Черниговской губерніи было *четыре* экспонента, въ томъ числѣ *три* изъ посада *Клинцовъ*, имѣющаго *двадцать двѣ* суконныхъ, шерстяныхъ и льняныхъ фабрики, изъ которыхъ 7 дѣйствуютъ паромъ.

Фарфоръ и фаянсъ Межигорскаго завода и г. Миклашевскаго тоже отсутствовали.

Экспонентовъ шелковой промышленности явилось только *три*, между тѣмъ, какъ на выставкѣ Вольнаго Экономическаго Общества 1860 года ихъ было *десять*.

Московскій комитетъ шелководства, херсонскіе помѣщики гг. Бефани и Чорба и г. Чижовъ, въ Кіевской губерніи, неутомимо дѣйствуютъ для развитія шелководства на югѣ Россіи. Московскій комитетъ шелководства разсылаетъ за весьма умѣренную цѣну деревца, шелковичныя сѣмена и яички шелкопряда своимъ членамъ и другимъ охотникамъ до этой важной отрасли сельской промышленности. Было бы весьма желательно, чтобы эта прибыльная промышленность привилась во всемъ нашемъ краѣ.

Въ настоящее время занимаются разведеніемъ шелковицы и выкормкой шелкопряда — въ Батуринѣ, Нѣжинѣ, Кролевцѣ, Лубнахъ, Хоролѣ, Воронежѣ, въ Херсонской, Подольской, Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ.

Гг. Бефани и Чорба, занимающіеся уже болѣе трехъ лѣтъ шелководствомъ, убѣдились въ важности этой промышленности для южнаго края и, по ходатайству бывшаго предсѣдателя южныхъ поселеній, графа Ламберта, получили въ арендное содержаніе, на 99 лѣтъ, огромныя тутовыя плантаціи (около 2 мил. деревъ) въ городѣ Новогеоргіевскѣ, въ посадѣ Новой-Прагѣ (Петриківка) и с. Новомъ-Стародубѣ. Шелкъ ихъ, размотанный на машинѣ колониста Янсена, продается въ Москвѣ и Варшавѣ по 300 р. пудъ.

Единственный опытъ *обширнаго* распространенія у насъ шелководства представляется намъ въ почтенной дѣятельности Ѳ. В. Чижова,

имѣющаго шелководное заведеніе въ 3-хъ верстахъ отъ Днѣпра, близь мѣстечка Триполя и села Жуковець, и въ 8-ми верстахъ отъ этихъ послѣднихъ — шелковичную плантацію у села Чернякова.

Крестьяне этихъ и окрестныхъ селъ малоземельны и хлѣбопашество ихъ не обезпечиваетъ; глубокія и обширныя долины, въ которыхъ расположены эти села, дали имъ возможность развесть много садовъ и левадъ. Крестьяне насильственнымъ образомъ познакомились съ шелководствомъ въ то время, когда какой-то французъ арендовалъ тутовыя плантаціи, на которыхъ, по условію, крестьяне обязаны были работать *въ пригонъ*. Но съ тѣхъ поръ, какъ шелководнымъ заведеніемъ управляетъ Ѳ. В. Чижовъ, отсутствіе всякихъ насильственныхъ мѣръ и дружественныя его отношенія къ крестьянамъ сдѣлали то, что они съ такою охотою взялись за эту важную для нихъ статью хозяйства, что въ 1855 году въ селахъ Жуковцѣ и Веремьѣ было *тридцать* хозяевъ занимавшихся шелководствомъ, въ 1857 — *восемьдесятъ*, а въ 1860 году — болѣе *ста*.

Кромѣ этихъ двухъ селъ, также м. Триполья и с. Черняковки, шелководствомъ занимаются и въ сосѣдствѣ.

Самымъ-замѣчательнымъ экспонентомъ по новости и важности представленнаго предмета былъ Михаилъ Васильевичъ Перошковъ (кіевлянинъ), такъ-давно и упорно занимающійся опытами надъ новымъ растеніемъ, способнымъ, современемъ, обогатить нашъ край.

Разныя произведенія, добытыя имъ изъ волокнистаго стебля *ласточника* (Asclepias syriaca) и изъ блестящаго пуха, облекающаго зерна стручковаго плода этого растенія, были доставлены имъ на выставку.

Волокно этого растенія даетъ пряжу, легко окрашивающуюся, нѣжную вату, войлокъ, оберточную бумагу, коллодіумъ и, въ примѣси къ хлопчатой бумагѣ, даетъ болѣе крѣпкую пряжу.

Г. Перошковъ, объяснявшій посѣтителямъ выставки свое открытіе, снабжалъ ихъ образчиками представленныхъ имъ продуктовъ и едвали найдется теперь человѣкъ, сомнѣвающійся въ великой заслугѣ г. Перошкова. Быть можетъ и современники воздадутъ ему должное; но нѣтъ сомнѣнія, что потомство поставитъ его очень-высоко между общеполезными дѣятелями.

Для успѣшной разработки новаго прядильнаго растенія необходимы живое сочувствіе общества и хозяевъ, и средства, значительнѣе тѣхъ, которыми можетъ располагать г. Перошковъ, для котораго, по настоя-

щее время, существовали однѣ издержки безъ малѣйшей вещественной выгоды.

При Московскомъ Ремесленномъ Училищѣ производятся опыты надъ *ласточникомъ*, въ размѣрахъ, гораздо больше прежнихъ: г. Перошковымъ доставлено туда нѣсколько десятковъ тысячъ стеблей это растенія.

Носятся слухи, что недавно были сдѣланы изобрѣтателю весьма выгодныя предложенія изъ Англіи. Сѣверо-Американцы, узнавъ, что у насъ обратили наконецъ вниманіе на открытіе г. Перошкова, стали отыскивать ласточникъ у себя и, кажется, нашли въ штатахъ Пенсильваніи и Виргиніи.

Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстій объ опытахъ въ Москвѣ, а также и руководства для разведенія и ухода за ласточникомъ.

Въ непродолжительномъ времени *Основа* надѣется представить обстоятельное описаніе ласточника и исторію открытія, сдѣланнаго г. Перошковымъ.

Изъ числа прочихъ экспонентовъ, помѣщица Е. К. Закревская (Остерскаго уѣзда) представила замѣчательные образцы пеньки и кудели; г.г. Извѣковъ (Харьковской губ. Изюмскаго уѣзда) и Фундуклей (Херсонской губ. Бобринецкаго уѣзда) представили отличную мытую шерсть.

СПИСОКЪ ЮЖНОРУССКИХЪ ЭКСПОНЕНТОВЪ.

Харьковской губерніи (15).

1. ***Ротермундъ,*** Адольфъ Васильевичъ, фридрихсгамскій и московскій 1-й гильдіи купецъ.

   Рафинадный заводъ и для выварки свеклосахарнаго песку находится въ Сумскомъ уѣздѣ, въ Великой Бобрикѣ. Рабочихъ до 450 чел.; паровая маш. въ 40 силъ, котловъ 7, въ 200 силъ; ежегодно приготовляется до 200,000 пуд. рафинаду, на 1,700,000 руб. Сверхъ того выварка песку производится на заводахъ, состоящихъ въ Харьковской губ., 1) Лебединскаго у., въ дер. Чернаховкѣ, и 2) Ахтырскаго у., въ с. Грязномъ. На каждомъ изъ сихъ заводовъ по 2 паров. маш., въ 25 с., и по 300 чел. рабочихъ.

Рафинадъ 1-го и 2-го сорта, по 8 и 7 р. 75 к. пуд. Зюсъ-мелисъ, 7 р. 50 к. пуд. Сахарн. песокъ, по 5 руб. 25 коп. пуд.

2. *Шрейдеръ*, Левъ Петровичъ, генералъ-маіоръ.
Свеклосахарный заводъ находится Ахтырскаго у. въ с. Янковомъ Рогѣ; приводится въ дѣйствіе 3-мя паровыми машинами въ 20 силъ. Годовое производство сахару на 50,000 р. Свеклосахарный песокъ.

3. *Кондратьевъ*, Дм. Ив., помѣщикъ.
Сумскаго у. с. Ульяновка. На заводѣ, приводимомъ въ дѣйствіе 4 пар. машинами, выдѣлывается ежегодно отъ 10 до 15,000 пуд. сахару, цѣною отъ 9—10 руб. за пудъ. Двѣ головы сахару рафинаду изъ свекловицы.

4. *Богомоловъ*, Ив. Никол. Харьковскій 3-й гил. купецъ.
Близь гор. Харькова.
Лаки спиртовые и политура, отъ 40 до 26½ коп. бут. Лаки масляные, ц. отъ 18—80 к. бут. Скоро высыхающія краски, ц. отъ 20—12 к. ф.

5. *Рашке*, Осипъ Самойловичъ, Харьков. времен. 3 гил. купецъ.
Въ гор. Харьковѣ, фабрика скоровысыхающихъ масляныхъ красокъ существуетъ съ 1857 г.; рабочихъ 40 челов.; паровая машина въ 8 силъ.
Скоро высыхающія краски, отъ 40—5 р. 50 к. за пудъ. Вареное конопляное и льняное масло по 8 р. пуд.

6. *Павловъ*, Никита Акимовичъ, Харьковскій 2-й гильдіи купецъ.
Въ гор. Харьковѣ, свѣчной заводъ устроенъ въ 1830 году, рабочихъ 15 чел.; изъ 19,000 пуд. сала выдѣлывается ежегодно до 15,000 пуд. свѣчей, на сумму до 90,000 руб.
Свѣчи изъ прессованнаго и очищеннаго сала.

7. *Ралле*, Альфонсъ Антоновичъ, московскій 2-й гил. купецъ и *Бодранъ*, Эмиль, времен. москов. купецъ.
Фабрика косметическихъ издѣлій въ гор. Харьковѣ съ 1852 года. Сумма годоваго производства на обѣихъ фабр. (другая въ Москвѣ) простирается до 325,000 руб.
Разные косметическіе товары.

8. *Извѣковъ*, Илья Петровичъ, изюмскій 2-й гил. купецъ.
Въ городѣ Изюмѣ.
Шесть образцовъ шерсти испанской, мытой.

Табачные фабрикаты въ гор. Харьковѣ.

9. *Болотовъ*, Курит. табакъ въ 72 к. и 2 р. 40 к. ф.
10. *Богомоловъ*, Ив. Ник. Нюхат. т. отъ 90—24 к. ф. сигары 1 р. 75—92 к. сотня.
11. *Саатчи*. Таб. отъ 72 к.—2 р. 40 к. ф. Папиросы по $43^3/_4$, 23 и $11^1/_2$ к. за 25 шт.
12. *Капонъ*. Табак. отъ 2 р.—36 к. ф.
13. *Айвазъ*. Таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ 92—46 к. сотня, сигары изъ русскаго табаку по $92^1/_2$ коп. за сотню.

Ежегодно выдѣлываетъ табаку, сигаръ и папиросъ на 20,000 руб.

14. *Ростовцевъ*. Табакъ курит. отъ 36—12 к. ф. Нюхательный по 48 и 24 к. за ф.

Въ прошломъ году приготовлено табаку на 10,000 р.

15. *Габай*. Кур. таб. отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы отъ $43^3/_4$—$11^1/_2$ за 25 шт.

Черниговской губерніи (11).

16. *Гребенниковъ*, Гордій Исакіевичъ, 2 гил. купецъ.
Въ посадѣ Воронкѣ.
Щетина разныхъ сортовъ, отъ 22—117 р. пуд.
17. *Горячкинъ*, Григорій Куприяновичъ. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. посадъ Клинцы. Ежегодно выдѣлывается сафьяновъ до 41,800 шт. на 31,420 руб.
Рабочихъ находится въ заведеніи 40 человѣкъ.
Сафьяны козловые, отъ 2—1 р. 25 к. шт.
Бронзированные сафьяны, отъ 75—50 к. шт.
Сафьяны бараньи, отъ 1 р. 25 к.—75 к. шт.
18. *Кубаревъ*, Мих. Борис. Ейскій 1 гил. купецъ.
Суражскаго у. въ посадѣ Клинцахъ.
Паровая суконная фабрика; сукна выработывается болѣе 100,000 арш.
Чулки шерстяные, отъ 60—90 к. за пару.
Фуфайки, по 1 р. 60 к. и 2 р. 50 к.
Сукна разныхъ цвѣтовъ, отъ 1 р. 35 к. до $2^1/_2$ р. за арш
19. *Степунинъ*, Акимъ Васил., 2-й г. купецъ.
Суконная фабрика находится Суражскаго у. въ посадѣ Клин-

цахъ; существуетъ съ 1832 г.; приводится въ дѣйствіе 2-мя паров. маш., въ 30 и 15 с.; машинъ чесальныхъ 18, континю 9, прядильныхъ 6, мюльныхъ 7, ткацкихъ становъ 140, рабочихъ 765 человѣкъ. Ежегодно выдѣлывается 145 т. арш. суконъ и другихъ шерстяныхъ тканей, на сумму до 308 т. руб.

20. *Шостенскій пороховой заводъ.*

Глуховскаго у. существуетъ съ 1739 г.

Селитра литрованная, $19^1/_{10}$ к. ср.; сѣра, 5 к. ф. уголь, $1^3/_4$ к. ф.

21. *Голицына*, княгиня Агланда Павловна.

Новгородсѣверскаго у., при с. Костобобрѣ.

Свеклосахарный заводъ имѣетъ четыре паров. маш., съ тремя паровыми котлами; вываривается ежегодно до 4,750 пуд. песку, до 29 т. р.

Образецъ свеклосахарнаго песку, по 5 р. 80 к. пуд.

22. *Кочубей*, Александръ и Аркадій, помѣщики.

Песокъ свеклосахарный.

23. *Терещенко*, А. Я. Глуховской 1-й г. купецъ.

Глуховскаго у. Михайловскій заводъ.

Песокъ свеклосахарный.

24. *Миклашевскій*, Іосифъ Михайловичъ, полковникъ.

Фабрика суконъ и шерстяныхъ тканей находится Стародубскаго у. въ мѣстечкѣ Понуровкѣ; учрежд. въ 1816 г.; раб. до 230 чел. об. пол. Пар. маш. въ 25 с.; прядильныхъ 4, каждая въ 240 веретенъ; ежегодно выдѣлывается до 37 т. арш. сукна и др. тканей и до 1 т. шт. одѣялъ, на сумму 75 т. р.

Сукна раз. цвѣтовъ, отъ 2 р. 75 к.—1 р. 80 к. арш.

Драдедамъ черн. и сѣр., по 1 р. 90 к. и 1 р. 65 к. »

Фланель, по 1 р. арш. Одѣяла, по 8 р. шт.

25. *Исаевъ*, Петръ Семеновичъ, съ сыновьями, потом. поч. граж Суражскаго у., въ кол. Новыхъ Мезиричахъ; сукон. фабр. устроена въ 1834 г.; рабоч. 580 чел.; приводится въ дѣйствіе 4 водяными приводами, устроенными въ каналахъ, проведенныхъ изъ двухъ соединенныхъ рѣчекъ, въ случаѣ же недостатка воды паровою маш. въ 26 с.; маш. чесальн. 24, континю 8, мюльныхъ 8, съ 1830 верет.; ежегодно выдѣлывается суконъ на 250 т. руб.

26. *Закревская*, Елисавета Константиновна, помѣщица.
Остерскаго у. въ дер. Барки.
Образцы пеньки нечесаной и кудели чесаной.

Кіевской губерніи (6).

27. *Браницкій*, графъ Владиславъ Владиславлевичъ.
Ольшанскій сахарный и рафинадный заводъ находится въ Звенигородскомъ у., существуетъ съ 1846 г.; приводится въ дѣйствіе 13-ю пар. маш. въ 79 силъ и 10 паров. котл. въ 350 силъ; при 700 раб.; выдѣлывается до 50 т. пуд. сахарнаго песку и до 380 т. пудъ рафинаду.
Три головы сахару, по 8 р. 80 к. пуд.

28. *Гальперинъ*, Іосифъ Израилевичъ, потомст. почет. граж.
Кіевскаго у. въ м. Ржищевѣ, на заводѣ, приводимомъ въ дѣйствіе 5-ю пар. маш. въ 54 с. выдѣлывается ежегодно до 15 т. пуд. песку.
Два пуда свеклосахарнаго песку, по 7 р. 25 к.

29. *Фундуклей*, Ив. Ив., сенаторъ.
Чигиринскаго у. въ с. Старой Осотѣ.
Свеклосахарный песокъ, ц. отъ 6 до 7 р. пуд.

30. *Перошковъ*, Михаилъ Васильевичъ, Кіевской губ.
Образцы растенія ласточника и издѣлій изъ него, какъ-то: ваты, ц. отъ 5 до 15 коп., оберточной бумаги, отъ 25 до 40 к. пуд., пряжа, коллодіумъ и проч.

31, *Клугъ*, Вильгельмъ Ив. купецъ, въ г. Кіевѣ.
Сапоги, по 7 р. 50 к. и 8 р. пара. Ботинки, изъ лакированной кожи, 7 р.
Примѣчаніе: работа г. Клуга отличается чрезвычайной прочностью, чистотой и красотой отдѣлки.

32. *Герзонъ, Бромбергъ и К°*, Бердичевскіе 3-й г. купцы.
Въ гор. Бердичевѣ. На табачной фабрикѣ, при 66 чел. рабоч., въ 1860 г. выдѣлано 3969 п. разн. сор. таб. на 83,617 р.
Табакъ курит., отъ 2 р.—36 к. ф. Папиросы, 2 р.—46 к. сотня.

Херсонской губерніи (5).

33. *Бефани*, Анфиса Васильевна, помѣщица.
Александрійскаго у. въ с-цѣ Еремовкѣ.
Образцы размотаннаго шелка.

34. *Бефани*, Павелъ Егоровичъ, капитанъ-лейтенантъ.
Александрійскаго у., въ Новой Прагѣ.
Образцы размотаннаго шелка, коконовъ и шелковой ваты (бурдица), съ плантацій бывшаго военнаго поселенія, взятыхъ имъ въ арендное содержаніе.

35. *Фундуклей*, Ив. Ив. сенаторъ.
Борбинецкаго у.
Шерсть шпанская, по 10 р. пуд.

36. *Фельдманъ*, Ицка, 3-й г. купецъ.
Въ г. Одессѣ.
Табакъ бессарабскій въ листьяхъ. Табакъ курительный, отъ 22—72 к. ф.

37. *Кріона Папа Никола*, Николай, потом. поч. граж.
Въ Одессѣ, фабрика существуетъ съ 1845 г. Въ 1860 г. производство фабрики простиралось до 573,893 р. Табакъ разныхъ сортовъ, ц. отъ 3 р. до 72 к. ф.

Полтавской губерніи (4).

38. *Комаровская*, графиня.
Прилуцкаго у.
Образцы шелковъ.

39. *Михайловскій*, Петръ Акимовичъ.
Въ г. Полтавѣ.
Воскъ желтый очищенный, по 30 к. ф. Проволочныя маски для пчеловодовъ, по 2 р. 50 к.

40. *Дурунчи*, Садакъ Бобовичъ, Евпатор. 1-й г. купеч. сынъ.
Табачныя фабрики находятся въ гор. Полтавѣ и Кременчугѣ.
Табакъ курит. разныхъ сортовъ, отъ 2 р. до 72 к. ф.

41. *Бабанинъ*, Георгій Степановичъ, помѣщикъ.
Уѣздовъ: Полтавскаго и Константиноградскаго, въ с. Черняковкѣ и Зеньковкѣ.

Листовой табакъ американскій и турецкій по 15, 12 и 10 руб. пудъ.

Екатеринославской губерніи (3).

42. *Джинтъ*, Илья, 3-г. купецъ. Въ г. Екатеринославлѣ.
Табакъ курительный.

43. *Асмоловъ*, Вас. Ив. Ростовскій 3-й. г. купецъ.
Въ г. Ростовѣ на Дону.
Въ 1860 г. выдѣлано табаку 592 п. на 13 т. руб.
Табакъ разныхъ сортовъ, отъ 1 р. 80 к. до 36 к. ф.

44. *Буршинъ*, Ростовскій 3-й г. купецъ.
Въ Ростовѣ на Дону, заводъ сущест. съ 1829 г.; рабочихъ 40 чел.; ежегодно выдѣлывается до 10 т. кожъ.
Кожи бѣлыя, по 4 р. шт.

Воронежской губерніи (1).

45. *Кушелевъ-Безбородко*, графъ Николай Александровичъ.
Заводъ находится Бобровскаго у. въ с. Низовой Чиглѣ; устроенъ въ 1836 г.; паровое выпариваніе примѣнено въ 1858 году; высокаго давленія паровиковъ 5—всего 200 силъ; машинъ высокаго давленія 3—44 силы. Ежегодно выдѣлывается отъ 15 — 25 т. пудъ песку.
Свеклосахарный песокъ крупнаго, средняго и мелкаго кристалла, ц. 7 р. пудъ.

Таврической губерніи (1).

46. *Фундуклей*, Ив. Ив. сенаторъ.
Вино восьми сортовъ изъ имѣнія его Гурзуфъ, на южномъ берегу Крыма. Въ имѣніи этомъ разведено болѣе 150 т. кустовъ виноградныхъ лозъ; вино продается на мѣстѣ отъ 4 до 5 р. за ведро.

МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗАВЕДЕНІЯ И СКЛАДЫ МАШИНЪ И ОРУДІЙ ВЪ ЮЖНО-РУССКОМЪ КРАѢ.

При настоящемъ измѣненіи въ способахъ и порядкѣ сельскаго хозяйства, считаемъ весьма полезнымъ сообщить нашимъ южнымъ читателямъ о томъ, въ какія мѣста можно обращаться за разнаго рода машинами и орудіями, облегчающими трудъ и ускоряющими работу. Г. профессоръ Ершовъ, въ статьѣ: «О машиностроительныхъ заведеніяхъ въ Россіи» (*Соврем. Лѣтопись Р. Вѣстника*, № 14), представилъ списокъ механическихъ заведеній за 1859 годъ. Изъ *семидесяти семи*, исчисленныхъ имъ, заведеній, 34 приходится на обѣ столицы (19 въ Москвѣ и 15 въ Петербургѣ), — а 16 принадлежатъ южно – русскому краю. Кромѣ этихъ шестнадцати заведеній, мы упомянемъ здѣсь еще о *пятнадцати* другихъ.

Изъ *тридцати четырехъ*, извѣстныхъ намъ, механическихъ заведеній, дѣйствующихъ нынѣ на югѣ, *пятнадцать* занимаются исключительно, или отчасти, приготовленіемъ земледѣльческихъ орудій. Наибольшее число механическихъ заведеній находится: въ Одессѣ и въ Кіевской губерніи — по *семи* и въ Черниговской — *пять*.

Самое обширное механическое заведеніе принадлежитъ *г.г. Яхненку* и *Симиренку* въ Черкасскомъ уѣздѣ Кіевской губ.; оно производитъ въ годъ разныхъ машинъ и орудій на сумму около *400 тысячъ рублей* и уступаетъ, въ Россіи, по величинѣ своего производства, только двумъ,самымъ большимъ, механическимъ заводамъ: г. Огарева — въ Петербургѣ, и г. Шипова — въ Костромѣ.

Въ Одессѣ и Херсонской губерніи.

1. ***Механическое заведеніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли***, въ Одессѣ, приготовляетъ части пароходныхъ машинъ и судовыя принадлежности, и части земледѣльческихъ машинъ на 100 тысячъ руб.

2. ***Фалькъ***, въ Одессѣ: молотильныя машины, вѣялки ручныя и конныя, плуги, рала, соломорѣзки ручныя и конныя; желѣзныя издѣлія: паровики и котлы, валы, оси и другія; физическіе, математическіе и химическіе инструменты; отливка изъ чугуна и мѣди, всего на 56,639 р.

3. *Ковалевскій*, въ Одессѣ: отливка изъ чугуна и мѣди, водопроводныя трубы, на 23, 700 р.

4. *Людвигъ Тальяферъ* и К° въ Одессѣ: издѣлья для паровыхъ мельницъ, на 1,250 р.

5. Слесарный мастеръ *Іосифъ Лакановичъ*, въ Одессѣ, изготовляетъ гогенгеймскіе плуги.

6. Слесарный мастеръ *Ив. Баташевъ*, въ Одессѣ: изготовляетъ Гогенгеймскіе плуги по 25 р.

7. *Робертъ Шнейдеръ и Вилліамъ Тетъ*, въ Одессѣ: большія кузнечныя работы для пароходовъ и парусныхъ судовъ. Доставка машинъ, мельницъ, котловъ и машинныхъ частей.

8. *Хорватъ*, въ Елисаветградѣ: паровыя машины. Заводъ существуетъ съ 1860 года.

9. *Лутковскій*, въ Елисаветградѣ: разныя машины.

При заводѣ предположено устроить складъ бельгійскихъ машинъ и земледѣльческихъ орудій Брёльса.

10. *Петръ Ив. Бредихинъ*, Херсонскаго уѣзда, въ с. Вавиловѣ: разное литье.

11. Колонистъ *Лепъ*, Херсонскаго уѣзда, въ с. Старая Хортица: литье мѣдное и чугунное.

Въ Кіевской губерніи.

12. *Яхненко и Симиренко*, въ Черкаскомъ уѣздѣ: паровыя машины разнаго устройства, аппараты для сахарныхъ саводовъ, котлы, пароходы, лѣсопильни, мельницы, на 389,835 р.

13. *Дехтеревъ*, въ Кіевѣ: разныя чугунныя, мѣдныя и желѣзныя издѣлья и паровыя машины, на 98,808 р.

14. *Графъ Браницкій*: молотильныя машины; вѣялки, сѣялки, плуги, бороны, экстирпаторы, насосы, мельницы для муки и солода, соломорѣзки и сортировки, на 62,530 р.

15. *Дзендзеловскій*: паровые котлы разнаго устройства и другія издѣлья, на 7,440 р.

16. *Мордасъевичъ*: разныя чугунныя трубы и колеса, молотильные приборы и полныя машины, мѣдные краны и др., на 11,776 р.

17. *Ментцель*, въ м. Бѣлой Церкви: земледѣльческія орудія.

18. *Графъ Бобринскій*, въ Смилѣ, Черкаскаго уѣзда: зем-

ледѣльческія машины; приготовляются въ большомъ количествѣ, но преимущественно для собственной надобности.

Въ Подольской губерніи.

19. *Ломейеръ и Герхнеръ*: машины необходимыя для сахарныхъ заводовъ (1858) на 35 т. р.

20. Фабрика земледѣльческихъ орудій, Ямпольскаго уѣзда *въ с. Боровкѣ.*

Въ Черниговской губерніи.

21. *Князь Долгорукій*, Кролевецкаго уѣзда: центробѣжныя машины для пробѣлки сахарнаго песку, газовые комплетные аппараты, паровыя машины разныхъ силъ, насосы, газовыя печи съ чугунными трубами, гидравлическіе прессы, паровые котлы, терки, костоломки и разныя подѣлки, на 30 т. руб.

Съ прошедшаго года при заводѣ приготовляются земледѣльческія орудія.

22. *Малковъ*, Суражскаго уѣзда, въ посадѣ *Клинцахъ*: паровыя машины, разные приборы для машинъ и разная отливка изъ чугуна и мѣди, на 5,596 р.

23. *Гаммеръ*, *Дюре и К°* въ Глуховѣ: машины и аппараты для заводовъ: свеклосахарныхъ, винокуренныхъ, пивоваренныхъ и селитряныхъ, а также и литье.

24. *Венедиктъ Антоновичъ Тарусьвичъ*, въ Козельцѣ (переведенъ изъ Лубенъ въ этомъ году): вѣялки и молотильныя машины.

25. *Черновъ*, въ Нѣжинѣ: чугунное и мѣдное литье.

Въ Полтавской губерніи.

26. *Рихтеръ*, въ Ромнахъ: земледѣльческія орудія, молотильныя машины, конные приводы и аппараты для свеклосахарныхъ заводовъ.

27. *И. А. Потемкинъ*, въ Кременчугѣ (съ 1839 г.): паровыя машины, мельницы, молотильныя машины, вѣялки, соломорѣзки, земледѣльческія орудія, пожарные инструменты, прессы, терки; чугунное и мѣдное литье.

Въ Екатеринославской губерніи.

28. *Шмидтъ*: молотильныя машины съ цилиндрами, 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ конныя, ручныя вѣялки и конныя съ приводомъ, соломорѣзки, плуги воловые, конныя грабли, разныя машинныя части и другія принадлежности, на 35,717 р.

29. *П. О. Шуманъ*, Славяносербскаго уѣзда, близь Луганскаго литейнаго завода, въ Штейндорфѣ: молотильныя машины, части машинныя и плуги.

Въ два послѣдніе года однихъ плуговъ Шумана продано болѣе чѣмъ на 30 т. руб.

Въ Харьковѣ.

30. *Сркынникъ*: мастерская машинъ.

31. Фабрика земледѣльческихъ орудій при *харьковской земледѣльческой фермѣ*.

Склады земледѣльческихъ машинъ и орудій и конторы механическихъ заведеній на югѣ:

Въ Кіевѣ:

1. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ Симонса и Гальске. Складъ орудій и машинъ Эккерта изъ Берлина, отличающихся своей дешевизной и прочностью.

2. Тамъ же: Коммиссіонерство г. Тарусѣвича изъ Козельца: на Подолѣ, по Александровской улицѣ, въ домѣ Черныша, подъ личнымъ управленіемъ Христіана Ив. Брана. Г. Тарусѣвичъ намѣренъ современемъ открыть въ разныхъ мѣстахъ смежныхъ губерній агентства для заказовъ и продажи своихъ машинъ.

Въ Одессѣ:

3. Складъ земледѣльческихъ орудій и машинъ коммиссіонера Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи братьевъ Стифель.

4. Депо земледѣльческихъ орудій Фендериха и К°.

5. Депо машинъ и земледѣльческихъ орудій Самюэльсона изъ Англіи при которѣ Тапонье.

Въ Харьковѣ:

6. Депо земледѣльческихъ машинъ при магазинѣ Садѣ и Маттѣ.

7. Коммиссіонеръ г. Шумана, Карлъ Карл. Шпорледеръ, на Московской улицѣ, въ домѣ Витковскаго.

8. Вестбергъ: продажа молотилокъ.

9. Депо земледѣльческихъ орудій и машинъ братьевъ Бутенопъ. Продано въ прошломъ году на 56,477 руб.

Изъ Московскаго депо братьями Бутенопъ продано въ южнорусскія губерніи всего 38 машинъ, изъ 213 штукъ, купленныхъ въ цѣлой Россіи.

Въ Таганрогѣ:

Коммиссіонеръ г. Шумана, баронъ Федоръ Карловичъ Ренне, на Большой улицѣ, домъ Шортонга.

Сергѣй Иван. Мальцовъ, приготовляющій на своемъ Людиновскомъ заводѣ (Калужской губер. Жиздринскаго уѣзда) разныя машины и земледѣльческія орудія, имѣетъ конторы для принятія заказовъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: *Въ Кіевѣ*, на Подолѣ, въ собственномъ домѣ. *Въ Харьковѣ*, на Николаевской улицѣ, въ собственномъ домѣ. *Въ Одессѣ*, при заводскихъ складахъ въ домѣ Овчинникова, у коммиссіонера г. Мальцова. *Въ Каховкѣ*, Таврической губерніи, а оттуда въ селеніе г. Мальцова, Софіевку–Нассаускую. *Въ Екатеринославлѣ*, близъ Днѣпра, въ собственномъ домѣ, бывшемъ Гусева. *На южномъ берегу Крыма*, близъ Ялты, въ селеніе Симензъ, г. Мальцова. *На рѣкѣ Деснѣ*, Черниговской губерніи, при селеніи Кладьковкѣ, на пристани г. Мальцова. *Тоже на рѣкѣ Деснѣ*, близъ Коропова, на пристани г. Мальцова. *Въ Черкасахъ*, близъ лѣсопильной г. Котлярова, на пристани г. Мальцова. *Въ Кременчугѣ*, въ городскихъ магазинахъ на берегу Днѣпра, къ коммиссіонеру г. Мальцова. *Въ Ростовѣ на Дону*, къ коммиссіонеру. *Въ Полтавѣ* (вовремя Ильинской ярмарки) въ магазинѣ г. Мальцова.

«ЯСНАЯ-ПОЛЯНА.»

ДВА СЛОВА

О НОВОМЪ ЯВЛЕНІИ ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Съ годъ тому назадъ стало извѣстно, что извѣстный повѣствователь, графъ *Л. Толстой*, завелъ у себя въ имѣніи (Ясной-Полянѣ) народную школу, самъ ею завѣдываетъ и даже почти исключительно одинъ обучаетъ бывшихъ своихъ крестьянъ. Каждый, кому дорого благо и просвѣщеніе народа, возможное только тогда, когда сознаніе общей пользы и взаимныхъ обязательствъ другъ къ другу соединитъ всѣ сословія въ одно общество, когда именемъ *народа* перестанутъ называть одинъ *простой* народъ,—каждый, кто признавалъ справедливымъ, чтобы первый шагъ къ взаимному сближенію раздѣльныхъ сословій сдѣланъ былъ образованными землевладѣльцами,—съ особенною радостью повторялъ вѣсть о благородномъ дѣлѣ графа Толстого. Но одного этого извѣстія было недостаточно: хотѣлось еще знать, какіе плоды принесло преподаваніе писателя–помѣщика, въ чемъ оно состояло и не имѣло ли какихъ–либо поучительныхъ особенностей.

Вскорѣ будетъ удовлетворено и это желаніе. «Какъ отголосокъ школы» гр. Толстого, съ 1–го октября 1861 года, въ сельцѣ Ясной-Полянѣ, Тульской губерніи Крапивенскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ, подъ названіемъ *Ясная–Поляна*.

Это изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: *Школа Ясной-Поляны* и *Книжки Ясной-Поляны*. Школа будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія, Книжка будетъ содержать статьи народныя, то-есть удобопонятныя и занимательныя для народа. «Вотъ вся наша программа,» говоритъ издатель и редакторъ, графъ *Л. Толстой*, — «съ тою лишь особенностью, что, по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что *для народа*, по выраженію Песталоцци, *самое лучшее только какъ-разъ въ пору*.»

Сдѣлаемъ еще нѣсколько выписокъ изъ программы графа Толстого.

«Мы убѣдились, что успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ, организаціи школъ, на томъ неуловимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководствъ, на тѣхъ ежеминутно-измѣня-

емыхъ въ классѣ пріемахъ, которые изчезаютъ безъ слѣда, но которые и составляютъ сущность успѣшнаго ученія. Уловить эти пріемы, и найдти въ нихъ законы, составитъ задачу нашей школы и ея отголоска—отдѣла нашего журнала, называемаго *Школой Ясной-Поляны*.

«Не философскими откровеніями въ наше время можетъ подвинуться наука педагогики, но терпѣливыми и упорными повсемѣстными опытами. Не философомъ-воспитателемъ и открывателемъ новой педагогической теоріи долженъ быть каждый преподаватель, но добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ наблюдателемъ, въ извѣстной степени умѣющимъ сообщать свои наблюденія.

«Для того чтобъ писать книги для народа, нужно болѣе чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа,—*нужно живое сужденіе самого народа, нужно, чтобы назначаемыя для него книги были имъ-самимъ одобряемы*. Съ этою цѣлію мы намѣрены представлять на судъ народа, собирающагося въ нашей школѣ, всѣ тѣ книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, ближе подходятъ къ нему, и не стѣсняясь ничѣмъ, печатать въ отдѣлѣ *книжекъ Ясной-Поляны* только тѣ статьи и книги, которыя будутъ одобре ы народомъ.

«Сверхъ-того, находясь въ постоянно-близкихъ отношеніяхъ къ народу, имѣя постоянно возможность повѣрять наши мнѣнія на практикѣ, мы намѣрены, въ отдѣлѣ *Школы*, отдавать отчетъ, какъ о всѣхъ народно-педагогическихъ статьяхъ, такъ и о книгахъ, назначаемыхъ для народа. Въ сужденіяхъ этихъ мы будемъ основываться только на опытѣ.»

Судя по этой программѣ, нельзя не признать за «Ясной-Поляной» весьма важнаго значенія. Никто глубже и яснѣе гр. Толстого не взглянулъ на вопросъ о требованіяхъ и способахъ, обусловливающихъ народное обученіе, никто такъ просто и прямо не подошелъ къ народу. Если исполненіе будетъ соотвѣтствовать задачѣ, то, безъ сомнѣнія, это почтенное дѣло русскаго писателя поставитъ его выше всѣхъ его сочиненій, какъ они ни прекрасны,—поставитъ его выше на-столько, на сколько *дѣло* выше самого-краснорѣчиваго *слова*.

Мы думаемъ,—всѣ русскіе таланты *обязаны* содѣйствовать гр. Толстому; онъ чуть ли не первый—въ Россіи попалъ на настоящую дорогу, опредѣлительно высказавъ ту вѣрную мысль, что въ дѣлѣ народнаго воспитанія необходимы, кромѣ необыкновеннаго таланта и призванія, еще непосредственная помощь и указанія *самого народа*. Кто сближался съ народомъ, кто вглядывался, съ любовью и уваженіемъ,

въ его жизнь, кто прислушивался къ его мнѣніямъ, однимъ словомъ—кто́ уразумѣвалъ его духъ,—тотъ только способенъ оцѣнить всю правду этой мысли. Она одушевляла пѣсни и думы нашего *Кобзаря* и все лучшее въ украинской литературѣ, которая тѣмъ-то та́къ и дорога, и незамѣнима, что она вполнѣ народна, что она выросла непосредственно изъ народнаго духа и жизни, и, слѣдовательно, всегда будетъ заключать въ себѣ воспитательныя стихіи для всего народа.

Украинскіе писатели и народолюбцы всѣмъ сердцемъ привѣтствуютъ гр. Толстого. То́, что́ говоритъ онъ въ своей программѣ, не разъ повторялъ нашъ Шевченко, который съ особеннымъ сочувствіемъ принялъ первую вѣсть о народной школѣ въ «Ясной-Полянѣ.»

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ
«РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ»
ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЙ.

Съ 1-го января 1862 года, «*Русскій Инвалидъ*» будетъ издаваться на коммерческомъ правѣ новою редакціею, которая вступила въ завѣдываніе газетою въ половинѣ августа настоящаго года. Она поставляетъ себѣ задачею слѣдить за всѣми явленіями современной намъ жизни, какъ въ средѣ правительственной и общественной, такъ и въ средѣ наукъ и искусствъ, и намѣрена придать газетѣ по возможности реальное направленіе, во всѣхъ отношеніяхъ. «*Русскій Инвалидъ*» только въ-отношеніи военныхъ статей своихъ составляетъ оффиціальный органъ Военнаго Министерства; во всемъ же остальномъ редакція будетъ дѣйствовать независимо и самостоятельно, согласно современнымъ требованіямъ и собственнымъ убѣжденіямъ.

Программа *Р. Инвалида* также измѣнится и расширится. Кромѣ обычныхъ другимъ газетамъ рубрикъ, въ ней находятся еще слѣдующія: разсмотрѣніе важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, преимущественно съ исторической стороны; вопросы, относящіеся къ Славянскимъ Землямъ; техника; сельское хозяйство; юридическая хроника; объявленія казенныя и частныя, (дозволенныя однѣмъ привиллегированнымъ газетамъ).

Въ «Русскій Инвалидъ» войдетъ, въ видѣ прибавленій, отдѣлъ «*отвѣтовъ и возраженій*,» гдѣ будутъ помѣщаться, по желанію авторовъ, различнаго рода статьи, отвѣтственность за которыя редакція не принимаетъ на себя.

Цѣна газеты, въ этомъ году, остается та же: *на полюда*: въ Петербургѣ—6 руб.; съ пересылкою въ города—8 руб.; за доставку на домъ въ Петербургѣ—1 р. 50 коп.

Подписка принимается: для жителей С.-Петербурга—въ редакціи (на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Гамбса, подлѣ Главнаго Штаба); въ конторѣ при магазинѣ Генеральнаго Штаба (на углу Невскаго и Адмиралтейской площади); въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера (на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), а равно и у другихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ; для иногородныхъ—въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ И ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ,

относящихся до

ЮЖНО-РУССКАГО КРАЯ.

Съ 1858 — 1860 г.

1) Исторія, археологія и біографіи.

1. Поѣздка на пепелища Запорожскихъ Сѣчей (изъ путев. записокъ о Крымѣ и его окрестностяхъ) *Г. И. Спасскаго. Отечеств. Записки* 1858; 5, стр. 36 — 45.

   Авторъ разсказываетъ о 2-хъ осмотрѣнныхъ имъ пепелищахъ по Днѣпру; одно изъ нихъ находится въ 15 верстахъ отъ Никополя, другое въ 8 верстахъ отъ перваго.

2. О важности археологическихъ изслѣдованій на Дону. *Ю. Донскія войсковыя вѣд.* 1860; 2, 2 стр.

3 Кіевскія мозаики. *Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 80, 84, 86, 87, 88 и 90.

4. Древности открытыя въ Кіевѣ въ 1858 г. *Журналъ Общеполезныхъ Свѣдѣній.* 1858; 2.

5. Ключъ къ изъясненію нѣкоторыхъ древностей Ольвіи и Херсониса Таврическаго. Соч. *П. Беккера.* Одесса. Въ город. тип. 1858; въ 4-ю д. л. 26 стр.

6. Городокъ Бѣлозерскъ. *Н. Вертильякъ. Записки Одесскаго Общества Исторіи.* 1858; 1.

7. Старый Крымъ, изъ путевыхъ замѣтокъ о Крымѣ. *Гр. Спасскаго. Записки Одесскаго Общества Исторіи.* 1858; 1.

8. О найденныхъ въ Новыхъ Млинахъ, Черниговской губерніи, старыхъ пятакахъ. *К. Попенченка. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 36, 1 стр.

9. Полтавскіе памятники. *Гр. Данилевскаго. Иллюстрація.* 1859; 60, 2 стр., съ 6–ю рисунками.

Эти памятники суть: 1) Церковь Спаса, 2) домикъ Котляревскаго, 3) Красный кутъ, 4) Крестовоздвиженскій монастырь, 5) Шведская могила и 6) бронзовый памятникъ на мѣстѣ, гдѣ отдыхалъ Петръ I.

10. Курганы Таманскаго полуострова. *Я. М. Лазаревскій. Извѣстія И. Археолог. Общ.* Т. II вып. 1 стр. 28—32.

11. Керчь и Таманскій полуостровъ. *Ф. Жиль. С. Петербургскія Вѣдом.* 1859; 3—½ ст. и *Извѣстія И. Археол. Общ.*

12. Маркевичевскій архивъ. *Современникъ* 1859; 4, стр. 352 — 356.

Архивъ этотъ находится въ Полтавской губерніи, Прилуцкаго уѣзда въ селѣ Туровкѣ; состоитъ, во 1-хъ, изъ 6,550 дѣлъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи, Польши, Крыма, Молдовалахіи и русскаго войска, къ исторіи раскольнич. слободъ въ Черниговской губерніи, къ исторіи духовенства и монастырей, во 2-хъ изъ записокъ г. Маркевича, альбома его и 5,000 писемъ къ нему.

13. Грамота Петра В., пожалованная Стародубскому полковнику М. А. Миклашевскому на села и мельницы. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 25, 3 стр.

14. Универсалъ Гетмана Скоропадскаго Ѳ. Микревскому, 1710 г. Универсалъ *его же* панѣ Алексѣевой, 1711. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 23 и 24.

15. Универсалъ Гетмана Мазепы женѣ М. Миклашевскаго Стародубскаго полковника, 1706 г. *Черниговс. губ. вѣд.* 1860; 22.

16. Указъ гетмана Іоанна Скоропадскаго о починкѣ г. Кіева и крѣпостныхъ валовъ, пожаромъ разрушенныхъ, и о томъ, чтобы посламъ, отправляемымъ въ Цареградъ, были выдаваемы поводы безъ замедленія. Сообщ. *Ст. Д. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 34, 2 стр. Указъ отъ 1719 р.

17. Старинные акты. *Черниг. губ. вѣд.* 1860; 13, 18, 21, 6 стр.

Эти акты суть: 1) Экстрактъ жалованной грамоты Великаго Государя Алексѣя Михайловича городу Гадячу, 2) грамота жалованная Миргородскому полковнику Гр. Гладкому отъ царя Ѳеодора Алексѣевича, 3) рейментарскій приказъ писаря генеральнаго С. Савича. 1722; 4) универсалъ гетмана Скоропадскаго 1721.

18. Старинные акты, касающіеся Малороссіи. *М. Миклашевскій* и *Ст. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1860; 35, 2 стр.

19. Дневныя записки малоросс. Подскарбія генеральнаго, *Якова Марковича*. Изд. А. Марковича. Съ портретомъ автора и гетманши Скоропадской. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1859. Въ 8-ю д. л. 2 ч. 535 и 414 стр.

Драгоцѣнная книга, для всякаго, желающаго познакомиться съ бытомъ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, заключающая: а) краткую хронологическую записку о нѣкоторыхъ главныхъ историч. событіяхъ въ 1452 — 1716 г., составлен. славнымъ Полуботкомъ, и б) ежедневный журналъ Марковича, зятя Полуботкова, съ 1723—1757.

20. Малороссійское козачество до Хмельницкаго. *С. Соловьевъ Рус. Вѣстникъ.* 1859; 18, стр. 177—196.

Встрѣчающіяся въ этой статьѣ подробности взяты изъ дѣлъ малороссійскихъ, польскихъ и греческихъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ; изъ Бѣлорусской лѣтописи Синодальной Библіотеки, №790; изъ польской рукописи И. Публ. Библіотеки №94.

21. Замѣчаніе на ст. г. Соловьева. *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 1859; 11, стр. 51—57.

22. Замѣтка о казацкихъ гетманахъ (письмо къ С. М. Соловьеву).

М. Максимовичъ. Русскій Вѣстникъ. 1859; 22, стр. 163 — 166.

23. Вопросъ о козачествѣ. *П. Сокальскій. Одесскій Вѣстникъ.* 144; 12—½ ст.

Разбирая статью г. Соловьева, г. Сокальскій говоритъ, что г. Соловьевъ невѣрно опредѣлилъ значеніе Козачества и поставилъ его не на своемъ мѣстѣ въ общемъ ряду историческихъ явленій.

24. Споръ г. Костомарова съ Соловьевымъ объ Украйнѣ. Ст. *Ѳ. Падалицы. Кіевскій Телеграфъ.* 1860; 38, 39 и 40.

Переводъ изъ Виленскаго Вѣстника.

25. О козачествѣ. Отвѣтъ «Виленскому Вѣстнику». *Н. Костомаровъ. Современникъ.* 7; стр. 75—92.

26. Богданъ Хмельницкій. Соч. *Н. Костомарова.* Т 1-й и 2-й. Изд. 2-е, дополненное. Спб. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Въ типографіи И. Глазунова и Комп. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й ч. XXI и 459 стр., во 2-й ч. IX и 550 стр.

Критич. статьи на это сочиненіе помѣщены: 1) въ «Русск. Словѣ». 1859 г. № 9, 44 стр. ст. *А. Зернина* и 2) въ «Современникѣ» того же года № 12, стр. 161 — 214, ст. *Грыцко.*

27. Письма о Богданѣ Хмѣльницкомъ къ М. П. Погодину. *М. Максимовичъ. Украинецъ.* 1, стр. 149 — 174.

28. Критическія замѣчанія и поправки относящ. къ сочиненію г. Костомарова: «Богданъ Хмельницкій». *М. Максимовичъ.*

29. Объясненіе. *П. Костомаровъ. Спб. Вѣд.* 1859; 122, 5—½ ст.

30. Въ отвѣтъ на объясненіе г. Костомарова. *М. Максимовичъ,* и отвѣтъ г. Максимовичу. *П. Костомарова. Спб. Вѣд.* 1860; 8, 6—½ ст.

31. О пріѣздѣ Богдана Хмельницкаго въ Кіевъ изъ Замостья (5-е письмо *М. Максимовича* къ М. П. Погодину). *Рус. Бесѣда.* 1859; 6, стр. 93—100.

Замѣчанія на книгу П. И. Костомарова «Богданъ Хмельницкій».

32. Очеркъ исторіи козачества на югѣ Россіи. *Я. Прокофьевъ. Одесскій. Вѣстникъ.* 1860; 6 и 7, 24—½ ст.

33. О КАЗАКАХЪ. Соч. *Н. Маркевича.* Москва. Въ университ. тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 42 стр. (Отд. отт. изъ 4-й кн. «*Чтеній въ И. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.*)

34. ГЕТМАНЪ ИВАНЪ ВЫГОВСКІЙ. *С. Соловьевъ. Отеч. Записки.* 1859, 11; стр. 43—64.

35. ПОВѢСТЬ О ЮЖНОЙ РУСИ. *П. Кулишъ. Народное Чтеніе.* 1859, 3 и 6; стр. 85—120, 32—59 и 1860; стр. 1—38.

36. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГРАФА РУМЯНЦОВА-ЗАДУНАЙСКАГО И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ: Кн. Прозоровскаго, Суворова и Бринка, съ 1775—1780. *П. М. Саковича. Русская Бесѣда.* 1858; 2, 3, 4; стр. 1—86, 62—151 и 138—258.

37. АДАМЪ КИСЕЛЬ, Кіевскій воевода. (Отрывокъ изъ біографіи). *Ю. Бартошевичъ. Литературное прибавленіе* къ 99-му № Кіевск. Телеграфа 1860 г. стр. 95—104.

38. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ ПО ПОВОДУ ПИСЕМЪ ИЗЪ ПОЛЬШИ. Кіевъ, 1860. Ц. 15 к.

39. УНІЯ, КОЗАЧЕСТВО, РАСКОЛЪ. *С. Соловьевъ. Атеней.* 1859, 8; стр. 393—420.

Разборъ 3-хъ соч.: 1) Литовская церковная унія, изслѣдованіе *М. Кояловича.* 2) Богданъ Хмельницкій, соч. *И. Костомарова,* и 3) Русскій расколъ старообрядства, соч. *А. Щапова.*

40. ВЫПИСЬ ИЗЪ ГРАДСКИХЪ КНИГЪ Витебскаго воеводства: протестація уніатскаго митрополита, Полоцкаго архіепископа Ант. Селлявы, на полоцкій магистратъ и мѣщанъ, что они почти всѣ отпали отъ уніи въ православіе. 1646 г. марта 21. *Витебск. губ. вѣд.* 1859.

41. ВЫПИСЬ ИЗЪ ЗЕМСКИХЪ КНИГЪ Полоцкаго воеводства. Жалобы полоцкаго уніатскаго архіепископа А. Селлявы на православнаго епископа Сильвестра Коссова о въѣздѣ его въ Полоцкъ, совершеніи имъ здѣсь богослуженія и возвращеніе многихъ жителей изъ уніи въ православіе. 1636 г. мая 23. *Витебск. губ. вѣд.* 1859, 1.

Списано съ подлинной выписки, хранящейся въ архивѣ полоцкой духовной консисторіи.

42. ПЕРЕПИСКА между греко-уніатскимъ митрополитомъ Аѳанасіемъ Шептицкимъ и римско-католическимъ архіепископомъ Львовскимъ Вячесл. Іерон. Сѣраковскимъ. *Чтенія въ Об-*

ществѣ Исторіи и Древн. Россійск. 1859; 3, стр. 45—58.

На польскомъ и латинскомъ языкахъ. Сообщ. Я. Ѳ. Головацкій.

43. Письмо литовскаго канцлера Льва Сапѣги къ уніатскому митрополиту Іосифу Велямину Рутскому. *Могилев. губерн. вѣд.* 1859; 80, 2 стр.

44. Объ уніи Венгерскихъ Русиновъ. *О. В. Русская Бесѣда.* 1859; 4, 50 стр.

45. Голосъ Уніата объ уніи. *Воскресное Чтеніе.* 1859; 30, 6 стр.

46. Объ отношеніяхъ западно-русскихъ православныхъ къ литовско-польскимъ протестантамъ во время уніи. *Христіанское Чтеніе.* 1860; 9, стр. 225—256.

47. Справа братства церковнаго Виленскаго передъ судомъ трибунальскимъ виленскимъ съ іеродіакономъ Антоніемъ Грековичемъ, передавшимся въ Унію и осужденнымъ на смерть 1605 г. Съ книгъ справъ судовъ головныхъ трибун., отправованныхъ у Вильни. *Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Рос.* 1859; 3, стр. 17—28.

48. Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива. *Н. Иванишевъ.* Москва. Въ типографіи А. Семена. 1858. Въ 8-ю д. л. 61 стр. (Изъ *Рус. Бесѣды* № 3, 1858).

49. Письмо уніатскаго митрополита Іасона Сморгожевскаго къ кн. Любомірскому и отвѣтъ князя Любомірскаго. *Труды Кіев. Духовн. Академіи.* 1860; 1, стр. 243—254.

Письма эти заимствованы изъ старинной копіи, имѣющейся при дѣлахъ бывшей смѣлянской прототипіи, въ архивѣ звенигородскаго духовнаго правленія.

50. Литовская церковная унія. Изслѣдованія *М. Кояловича.* Т. I-й. Спб. Въ тип. Н. Тихменева. 1859. Въ 8-ю д. л. I, V и 315 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Разборы этого сочиненія помѣщены: 1) въ Библіотекѣ для Чтенія 1859 г. № 9, и 2) въ журн. Странникъ 1860 г. № 2.

51. Извѣстія объ уніи. *О. Контаровскій. Домашняя Бесѣда.* 1859; (14), 15, 16, 17, (18), 19 и 20.

52. Голосъ изъ провинціи. *П. Лебединцевъ. Домашняя Бесѣда.* 1859; 30, 2 стр.

Нѣкоторыя дополненія къ предъидущей статьѣ.

53. Историческое свѣдѣніе Войска Донскаго о Верхней Курмоярской станицѣ, составленное изъ сказаній старожиловъ и собственныхъ примѣчаній Евл. Кательникова. 1818 г. дек. 31 дня. *Донскія Войск. Вѣд.* 1860; 12, 13, 14, 15 и 18.

Содержаніе: I. Происхожденіе донскихъ козаковъ (пѣсня). II. Составленіе Верхне-Курмоярской станицы, построеніе церкви и переселки ея. III. Юрта. IV. Общежитіе. V. Правленіе и судъ. VI. Религія. VII. Сосѣдніе непріятели. VIII. Царскіе слуги. IX. Одежда. X. Хлѣбопашество и пр. XI. Лѣса и луга. XII. Дикій скотъ и пр.

54. Историческій очеркъ города Переяслава и образованіе уѣзда. *И. Богдановъ. Полтав. губ. вѣд.* 1860; 49, 10 стр.

55. Для исторіи Коропа. Сообщ. *А. Лазаревскій. Черниго. губ. вѣд.* 1860; 49, 2 стр.

Списано съ современной копіи 1669 г.

56. Низовые и верховые Донскіе козаки. *Донскія войск. вѣд.* 1860, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23 и 25.

57. Военныя дѣйствія Донцовъ противъ Нагайскихъ Татаръ въ 1777—1783 гг. *М. Сенюткинъ. Военный Сборникъ.* 1860; 8, стр. 345—390.

Содержаніе: I. Взглядъ на внутреннее состояніе Донцовъ и Нагайцевъ въ 1775—1781 гг. II. Нападенія Черкесъ и Нагайцевъ на донскіе посты въ 1777 и 1778 гг. III. Вторженіе Черкесъ въ нагайскія орды въ 1779 и 1780 гг. IV. Первое возмущеніе Нагайцевъ и мѣры правительства къ усмиренію ихъ въ 1781 г.

Главн. матеріалами для этой статьи служили оффиц. акты войсковаго архива, Донскія войсковыя вѣдомости, за 1855—1858 г. и исторія Антинга.

58. Источники малороссійской исторіи, собранные *Д. Н. Бантышемъ-Каменскимъ*, и изданные *О. Бодянскимъ*. Ч. I, II. 1649—1687, 1691—1722. *Чтенія въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.* 1858; 339 и 340 стр.

Источники эти касаются Мазепы, Кочубея, Орлика, Скоропадскаго и др. Эта часть малороссійскихъ источни-

ковъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о козняхъ, лицемѣріи и самоуправствѣ Мазепы, о заблужденіяхъ, или, правильнѣе сказать, о непостижимомъ ослѣпленіи Петра Великаго, не смотря на многіе доносы и «пашквили» (въ стихахъ), явно обличавшіе гетмана еще за 17 лѣтъ до Полтавской битвы и т. д. (*Рус. Вѣстникъ*. 13. ст. *И. Сушкова*.)

59. **Бѣдствія временъ**. О бѣдствіяхъ постигшихъ Евреевъ въ 408 и 409 (1648 и 1649) годахъ, (въ Украинѣ, Подоліи, Литвѣ и Бѣлоруссіи) отъ соединенныхъ бунтовщиковъ, подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Составлено Егоміею, сыномъ Львовскаго раввина, праведника Давида. (Изъ Замостья). Напечатано въ Венеціи 416 (1656), по повелѣнію коммисара Виндрамінскаго (Per G. Imberti). Перевед. *М. Берлиномъ*. *Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1859; 1 и 15 стр.

60. **Письмо самозванца** Тимошки Акиндинова къ дворянину Василію Унковскому, пріѣхавшему въ Чигиринъ посломъ отъ царя къ гетману Богдану Хмельницкому въ 1650 году. Сообщ. *С. М. Соловьевымъ*. *Лѣтописи Русской Литературы*. 1859; 2, 2 стр.

61. **Матеріалы для донской исторіи**. *Донскія войск. вѣд*. 1859; 30, 32, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 46, 47 и 49; 25 стр.

Эти матеріалы заимствуются изъ дѣлъ войсковаго архива, сохранившихся послѣ пожаровъ, бывшихъ въ Старочеркаскѣ въ 1744 г. и въ Новочеркаскѣ въ 1858 г.

62. **Реестръ монаршихъ** грамотъ и гетманскихъ универсаловъ, данныхъ Троицкому Ильинскому Черниговскому монастырю на жалованныя маетности, сочин. 1763 г. *Черниговскія губ. вѣд*. 1859, 49.

Сообщ. А. Тищинскій. 7 грамотъ и 10 универсаловъ.

63. **Списокъ угодьямъ** архіепископіи Черниговской и Новгородъ–Сѣверской, составл. по царскимъ жалов. грамотамъ. *П. Ефименко*. *Черниго. губ. вѣд*. 1859; 34.

64. **Наставленіе выборному** отъ малорос. коллегіи въ коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, Дм. Наталину и возраженія депутата Гр. Полетики на оное наставленіе.

Москва. Въ универс. типографіи. 1858. (Отд. оттискъ изъ 3-й кн. «Чтеній въ Императ. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.) Сообщ. *Гр. Милорадовичемъ*. Въ 8-ю д. л. 54 стр.

65. Милость Божія, Украину отъ неудобъ-носимыхъ обидъ ляхскихъ, черезъ Б. З. Хмельницкаго, свободившая, репрезентованная въ школахъ кіевскихъ, 1728 лѣта. Москва. Въ 8-ю д. л. IV и 26 стр. (Отд. оттискъ изъ 1-й кн. «Чтенія въ Имп. Моск. Общ. Исторіи и Древн. Рос.» 1858 г.)

66. Діаріушъ или журналъ, т. е. повседневная записка, случающихся при дворѣ ясновельможнаго его милости пана Іоанна Скоропадскаго окказій и церемоній... наченшійся 1722 г. и оконч. въ томъ же году *И. Ханенкомъ*. Москва. Въ унив. тип. 1858. Въ 8-ю д. л. XXI и 74 стр. (Отд. оттискъ изъ 1-й кн. «Чтеній въ Общ. Исторіи и Древн. Рос.»)

67. О владѣніяхъ гетмана Мазепы и переходѣ ихъ въ родъ кн. Барятинскихъ. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860 годъ. Стр. 110—122.

Эти владѣнія находятся въ Курской губерніи.

68. Грамота Императора Петра I-го къ Антонію, архіепископу Черниговскому. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос.* 1858; 3.

69. Письмо М. Л. Кутузова къ М. А. Милорадовичу. *Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древностей Рос.* 1858; 2.

70. Хозяйство украинскаго пана XVII ст. *М. Лазгрезскій. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 7.

Здѣсь помѣщена опись недвижимаго имущества бунчуковаго товарища Забѣлы.

71. Историческіе матеріалы. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 8, 10, 9 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено здѣсь нѣсколько современныхъ извѣстій, относящихся къ Полтавской битвѣ и грамота митрополита Варлаама Ясинскаго, данная Густынскому монастырю. Два частные указа гетмановъ Мазепы и Скоропадскаго.

72. Историческіе матеріалы. Дума о Мартынѣ Пушкарѣ. *Полтавс. губ. вѣд.* 1860; 13, 4 стр.

73. Историческіе матеріалы. *Полтавскія губ. вѣд.* 1860; 14—15, 8 стр.

Думы, относящіяся ко времени битвы Полтавской: 1) Семенъ Палій, 2) Полтавская битва, 3) Мазепа, 4) Смерть Мазепы.

74. Посѣщеніе Каневскихъ церквей Польск. королемъ Станиславомъ Августомъ Понятовскимъ въ 1788 г. *П. Л—въ. Кіевскія губ. вѣд.* 1859; 14, 3 стр.

Извлечено изъ дневника, веденнаго во время пребыванія короля въ Каневѣ — Польскимъ историкомъ, латинскимъ епископомъ Нарушевичемъ.

75. Указатель источниковъ для изученія Малороссійскаго края. Вып. 1-й *А. М. Лазаревскій*. Спб. 1858. Въ 8-ю д. л. 121 стр. Ц. 60 к.

76. Дополненіе къ 1-му вып. «Указателя источниковъ для изученія Малороссійскаго края». *А. Лазаревскаго. П. Ефименко. Черниговскія губ. вѣд.* 1860; 9 и 20, 4 стр.

77. Матеріалы для исторіи Южной Руси, изданные *Григ. Милорадовичемъ* (Отд. оттиски изъ №№ 10 — 12 и 14 — 24. *Черниговс. губ. вѣд.*) Въ 12-ю д. л. 109 стр. Ц. 50 к.)

78. Молочныя воды. *А. Р. Русскій Міръ*. 1860; 17, 12—$^1/_2$ ст.

Въ Бердянскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ. Въ этой статьѣ разсказана исторія Меннонитскихъ колоній въ Россіи.

79. Свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ въ Полтавской губ. съ открытія губерніи. *Полтавс. губ. вѣд.* 1859; 38.

80. Отчетъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1855 по 14-е ноября 1857. Одесса. Въ городской тип. 1858. Въ 8-ю д. л. 21 стр.

81. Отчетъ Одесскаго общества Исторіи и Древностей, съ 14-го ноября 1858 по 4-е ноября 1859 г. Одесса. Въ город. тип. 1860. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

82. Отчетъ Одесскаго общества Ист. и Древн. Рос. съ 14-го ноября 1857 по 14–е ноября 1858. Одесса. Въ городской тип. 1859. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

83. Указаніе біографическихъ свѣдѣній о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи. *Гр. Милорадовичъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 20, 21, 6 стр.

84. О нѣкоторыхъ рукописныхъ и рѣдкихъ печатныхъ сочине-

ніяхъ, относящихся до Малороссіи. *С. Соловьевъ. Библіографическія Записки.* 1858; 9.

85. Памятная книжка Кіевской губерніи, составл. *И. Чернышевымъ*, на 1858 г. Кіевъ. Въ губер. тип. Въ 8-ю д. л. II и. 379 стр., ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Дневникъ веденный въ 1787. А. Полетикою, 2) Историческія свѣдѣнія о Десятинной церкви, 3) О древнихъ мѣстахъ и урочищахъ Кіевскихъ, 4) Корсунь, 5) Братская Баргащовка, 6) Макаровъ м., Животовъ м., Карастышевъ м., Мошны с., Смила м. Біографіи: 1) Сковорода, Гр. Сав., 2) Иннокентій архіеп. Херсонскій, 3) Журавскій, и пр.

86. Записка генерала Неверовскаго о службѣ своей въ 1812 г. Чтенія въ *Моск. Общ. Ист. Древ. Рос.* 1859; стр. 77—82.

Генералъ Неверовскій род. въ селѣ Прохоровкѣ, Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ., въ 1771, умеръ 1813, въ Галле, отъ раны, полученной при взятіи Лейпцига. Записка сообщена *М. А. Максимовичемъ.*

87. Графы А. Г. и Г. А. Кушелевы-Безбородко. *Л. Мей. Лицей князя Безбородко.* 1859; стр. 47—63.

88. Князь А. А. и графъ *И. А. Безбородко. В. Толбинъ. Лицей князя Безбородко.* 1859; стр. 25—47.

89. Горкуша, украинскій разбойникъ. *И. Маркевичъ. Русское Слово.* 1859; 9, стр. 138—144.

Въ своемъ разсказѣ авторъ основывался на допросахъ и показаніяхъ самого Горкуши и его товарищей, на подлинныхъ документахъ съ автографами, печатями, даже съ фальшивыми паспортами, сохранившимися въ архивѣ автора. Разсказъ относится къ 1739—1780 г.

90. О полковникѣ корсунскомъ Андреѣ Кандыбѣ. *Черниг. губ. вѣд.* 1859; 30, 3 стр.

Сообщилъ Ст. Носъ. А. Кандыба былъ первоначально сотникомъ въ Конотопѣ, потомъ канцеляристомъ Мазепинымъ. Корсунскимъ же полковникомъ назначенъ послѣ 1715 г. Въ настоящей статьѣ помѣщены: юридическій актъ 1705 и 2 письма А. Кандыбы 1714 г.

91. Историческая записка о лицахъ, принадлежащихъ къ

фамиліи Носъ (18-го столѣтія). *Ст. Носъ. Черниг. губ. вѣд.* 1859; 37, 5 стр.

92. Жизнеописаніе Іоасафа Горленка, епископа Бѣлоградскаго. *Памятная книжка Курской губ.* на 1860-й г. стр. 98—109.

I. Горленко родился, въ 1705 г., въ г. Прилукахъ.

(*Продолженіе будетъ*)

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

V.

Одна изъ характеристическихъ чертъ живописной Украины—Кіевскіе богомольцы. Они стекаются со всѣхъ концевъ Россіи на кіевскій *шляхъ* (столбовая дорога), по которому плетутся нескончаемыми партіями, съ палками въ рукѣ, увѣшанные цвѣтнымъ тряпьемъ, разными мѣшками и лукошками. На пути, все это разнородное общество и разнородный ихъ говоръ — соединяются въ одно цѣлое. Иногда богомолецъ, или богомолка, идутъ въ одиночку, иногда по-двое; иногда тянется партія въ 10, 15 человѣкъ. Съ весны до осени украинскіе шляхи наполнены этими странниками. Усталые, они останавливаются возлѣ какой-нибудь придорожной хаты или *шинка*, снимаютъ съ себя свою ношу, крестятся и ложатся отдыхать, каждый по-своему; кто засыпаетъ чуть-приткнувшись въ затишьѣ, *у-холодку* (въ тѣни), положа мѣшокъ подъ голову, палку-спутницу около; иной задеретъ ноги на *призьбу* (завалинку), чтобъ кровь отлила отъ разгоряченной ступни, и въ такомъ положеніи, утомленные, нерѣдко спятъ-не просыпаются подъ жгучими лучами полдневнаго солнца. Я часто засматривался на эти живописныя группы. Рисунокъ—XI-й — представляетъ отдыхъ богомолокъ, и снятъ мною съ натуры въ Полтавской губерніи. Желающіе ознакомиться ближе съ богомольцами-малороссіянами могутъ прочесть статью «*Кіевскіе богомольцы*» — П. А. Кулиша въ «Народномъ Чтеніи», 1860 года.

Рисунокъ XII—*портретъ кобзаря Ондрія Шута*. Я гравировалъ его съ рисунка П. А. Кулиша, сдѣланнаго имъ съ натуры въ 1845 году.

Я охотно буду помѣщать портреты всѣхъ нашихъ почтенныхъ кобзарей-бандуристовъ и прошу тѣхъ, у кого они есть, или кто можетъ имѣть подобные портреты, высылать ихъ мнѣ. Лица кобзарей—

бандуристовъ должно сохранять для потомства преимущественно предъ другими, въ благодарность за то, что они восприняли поэтическія думы и преданья народа съ такою любовью, сберегли и передали ихъ намъ съ такимъ художническимъ вниманіемъ къ каждому слову.

Андрій Шутъ, какъ личность, занимателенъ для каждаго любителя народной поэзіи. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ честнымъ бѣднякамъ, которые, несмотря на свою нищету и безграмотность, бодры духомъ, свѣжи чувствомъ и разумомъ, которые трудомъ заработанный грошъ тратятъ не на облегченіе вопіющей своей бѣдности, но отдаютъ его на обученье грамотѣ кого-нибудь близкаго. Такъ благородно употребилъ свой заработокъ и этотъ нищій, такъ ясно созналъ этотъ безграмотный слѣпецъ необходимость просвѣщенья, и созналъ тогда еще, когда наши *высокоблагородные* и *ученые господа* печатно спорили о пользѣ грамоты, когда и семейные кружки и гостинныя сходки откровенно сомнѣвались въ этой пользѣ.

Андрій Шутъ—передовой человѣкъ своего сословія. Распространяя думы, внося просвѣщеніе въ свою семью, онъ имѣлъ благодѣтельное вліяніе на всѣхъ своихъ собратій. Онъ живетъ въ Сосницкомъ уѣздѣ, Черниг. губ., въ м. Александровкѣ. Подробности о немъ можно узнать изъ I-го тома «*Записокъ о Южной Руси*», П. А. Кулиша Нѣсколько, пѣтыхъ Андріемъ, думъ, помѣщены въ *Сборникѣ* южнорусскихъ пѣсенъ, изданномъ А. Метлинскимъ.

Рисунокъ XIII—*портретъ бандуриста Остапа*. Съ этою личностью я надѣюсь вскорѣ познакомить читателей «Основы» подробнѣе; пока—скажу о немъ нѣсколько словъ. *Остапъ Вересай*, уроженецъ Полтавской губ. Прилуцкаго уѣзда, села Калюжинецъ.

Якъ чоловікъ здоровъ, то й усякъ ёго кохае,
А при лихій годині — ёго й рідъ цурае.

Такъ, бывало, пѣлъ мнѣ Остапъ; такъ именно съ нимъ случилось. Пока онъ былъ помоложе, пока дочь его была меньше, онъ жилъ своимъ хозяйствомъ и не терпѣлъ крайняго недостатка; а когда ослабъ, дочь его выросла и вышла замужъ, Остапъ сталъ въ тягость семьѣ своей. Начали его *зневажать, худыми словами называть*, и довели до того, что онъ бросилъ свою же хату. Съ бандурой подъ полой, прикрытый плохою свитой, палкой ощупывая дорогу, побрелъ Остапъ по-міру. Бандура вездѣ выручала бѣдняка: гдѣ доставитъ ему пріютъ, гдѣ *гроши*; онъ пѣлъ, какъ поютъ всѣ бандури-

сты—и на перекресткахъ сельскихъ дорогъ, у креста, и подъ раскидистой вербой на *шляху*, на ярмаркахъ, въ убогой хатѣ, на веселой свадьбѣ; другъ его—бандура кормила его и поила, добывая иногда и чарку горилки, а съ хмѣлемъ — удовольствіе забыть свое горе. Онъ съ грустью вспоминалъ свою дочь, съ досадой—зятя; жилъ отъ нихъ въ 3–хъ верстахъ, но никогда уже не видался съ ними. Бывало, онъ запоетъ «*про вдовине життє*» и всегда прерветъ его рыданьями; обильныя слёзы текли изъ его незрячихъ очей; хмурое чело становилось суровымъ. Эта дума была слишкомъ близка къ его собственной жизни:

Стали синій до розуму дохождати,
Стали собі молоде подружжа мати,
Стали свою матіръ рідненьку, —
Вдову стареньку —
Зневажати,—
Худими словами називати,
Зъ домівки сгоняти.

Остапъ давно уже поселился въ имѣньи Гр. П. Галагана, у крестьянки (тогда еще — крѣпостной) въ с. Сокиринцахъ. Недавно онъ женился на ней и учитъ дѣтей ея своему искуству. Остапъ—мой суровый, умный пріятель. Каждый день, бывало, онъ нащупывалъ мою дверь, пролѣзалъ въ нее съ бандурой, и просиживалъ по цѣлымъ часамъ, то бесѣдуя со мной, то распѣвая безцѣнныя народныя думы.

Л. Ж.

ОБЪЯСНЕНІЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 8-Й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Безкраій—безконечный, безграничный, безбрежный.
Бу́ти—быть.

Вільго́та—льгота; выгода.
Вспі́льний—общій; обоюдный.

Габзёваний—
Галу́нъ—квасцы.
Головосі́къ — на Головосіка — въ праздникъ Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя.
Гукоті́ти—шумѣть, стучать; топать

Дзба́нокъ—банкъ; кредитное учрежденіе.
Ді́дичка—владѣлица.
Дробцюва́ти — топтаться, частить ногами.

Жадібка—жадоба; желаніе, позывъ къ чему.

За-для́—для.
Заману́тись—захотѣться; польститься; влечься къ *чему*.
Засмальцеваний—замасленный.
Засу́нути—запереть; задвинуть.

Издалікъ—издалека.
Иржа́—ржа.

Коверзува́ти — капризничать; интриговать.

Лаштува́тись — укладываться; собираться въ дорогу.
Лу́пати (очима)—хлопать (глазами).
Ля́пасъ—ударъ ладонью по лицу.

Мовчу́щий—молчаливий.

Набрі́хувати—ябедничать; наговаривать.
Нага́рбати—награбить; нахватать.
Нагі́дки—ноготки (calendula officinalis L.)
Накла́дъ—издержка, расходъ.
Напосівсь—насѣлъ, настаивалъ.
Невро́ку—чуръ кого.

Обезглу́здіти—потерять умъ.
Одбу́тка — исправленіе работы въ очередь.
Обіця́тись—обѣщаться.
Обчеський—принадлежащій крестьянскому обществу.

Пановитий — важничающій попански.
Пахну́ти — повѣять.
Перезва́ — приглашеніе свадебныхъ гостей; свадебные гости переходящіе отъ однихъ родственниковъ къ другимъ.
По́жичка — заёмъ.
По́мічъ — помощь.
Постача́ти — снабжать; поставлять.
Приблу́да — приблудная скотина; бродяга.
Приймітъ—пріемишь.
Приста́нути—устать; изнемочь.
Причанда́ли—принадлежности.

Раху́ба—счетъ, отчетъ.
Родючій—плодущій.

Счепи́ти—стиснуть, сжать.
Стя́митись — спохватиться, опомниться.
Спра́жній—настоящій.
Слухм(н)я́ний—послушный.
Сте́ха—Степанида.
Стельни́къ, стільникъ соты.
Скла́стись—сложиться, случиться.
Сума́ття—тревога, волненія, безпокойства.
Супере́ччя—споръ; ссора.

Торо́чити—толковать.

Уря́дъ—управленіе, должность.

Ца́рина—въѣздъ въ огорожу, отдѣляющую село отъ полей,—гдѣ стоитъ сторожевая будка.

Чагарни́къ—мелкій лѣсной кустарникъ.

Чубрій—чубатый.

Шавлія—шалфей.
Шнйпорить—искать, шнырять.
Шпакъ—скворецъ.

Щоде́нно—каждодневно.

Яру́га—(увелич.) оврагъ.

О ДѢТСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

У Малороссіянъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, есть свой дѣтскій языкъ; языкъ этотъ хотя имѣетъ незначительное число словъ, но многія изъ нихъ имѣютъ обширный смыслъ, простираются на многіе предметы и тѣмъ облегчаютъ начинающуюся память ребенка; это не слова съ опредѣленнымъ смысломъ,—это, такъ-сказать, родовыя понятія; впрочемъ, есть и такія слова, значеніе которыхъ выражаетъ одинъ предметъ, но, за исключеніемъ именъ животныхъ, ихъ очень мало. Нѣсколько десятковъ подобныхъ словъ стаётъ ребёнку для выраженія его желаній и понятій. — Составъ словъ отвѣчаетъ ихъ назначенію: всѣ они двусложны,—а многія состоятъ изъ повторенія одного и того же слога, съ одною и тою же согласной. Кто первый составилъ эти слова — сказать трудно; вѣроятнѣе всего, они сложились сами-собою, вслѣдствіе необходимости: не начинать же ребенку говорить языкомъ взрослыхъ.

Для выраженія дѣтскаго языка требуется гораздо меньше звуковъ и буквъ, чѣмъ обыкновенно: буквы, требующія нѣкоторыхъ усилій для произношенія, въ немъ но встрѣчаются; наприм. *г*, *ч*, *щ*, *ш*, *р*. На это слѣдовало бы обратить вниманіе, при составленіи дѣтской азбуки, въ учебникахъ. Ребенка сначала слѣдуетъ знакомить съ тѣми буквами, которыя ему легче произносить, и постепенно доходить уже до трудныхъ буквъ. Поговоримъ объ этомъ. При теперешнихъ звуковыхъ методахъ обученія уже обращено вниманіе на постепенность, но точно какая-то боязнь одолѣла людьми, взявшимися за это дѣло: они остановились на срединѣ своихъ желаній и не хотятъ трогать то,

что́ слѣдуетъ сломать: старое только тогда хорошо, когда нѣтъ ему противурѣчій въ новой жизни. Кирилло-Меѳодіевская азбука, хотя и основана на *живете* и *земль* (*ж*, *з*) и т. д., однакожъ, когда она перешла въ гражданскую азбуку, то названіе каждой буквы надо было сократить, для облегченія при преподаваніи.—Такъ и случилось.

Въ настоящее время, при изобрѣтеніи звукопреподаванія, намъ одинаково смѣшно звукъ: *сссс*—называть «*слово*» или «*эсъ*: въ томъ и другомъ нѣтъ смысла. Разумѣется, — дѣло не въ названіи, а въ понятіи,—это уже давно признано; но если понятіе измѣняется — и старое имя противорѣчитъ новому понятію, — бросимъ это имя и дадимъ ему другое соотвѣтственное понятію. Если понятіе разумно, то имя само напрашивается. Намъ случилось, въ послѣднее время, замѣтить оплошность въ преподаваніи грамоты по гражданской азбукѣ: говоря ребенку *эль* (*л*) да *я*, будетъ *ля*, мы остановились надъ тѣмъ, что́ сказали, и увидѣли свою ошибку. Странно: цѣлыя столѣтія проходили, пока люди замѣтили это. Но пойдемъ дальше.

Увидѣвъ несостоятельность, или вѣрнѣе, безтолковость такого преподаванія, при преподаваніи употребляютъ одинъ только звукъ каждой буквы. Остановимъ вниманіе на этомъ звукѣ, и возвратимся за тѣмъ назадъ.

Азбука Кирилло-Меѳодіевская, должно-быть, имѣетъ какое-то мистическое значеніе, подобно азбукѣ греческой и коптской. Это значеніе брался объяснить г. Пл. Лукашевичъ, въ своемъ трудѣ: «Ключъ къ познанію.» Онъ, дѣйствительно, открываетъ смыслъ въ порядкѣ названія буквъ всѣхъ трехъ азбукъ; но насколько близко къ истинѣ его открытіе и точно ли въ этихъ азбукахъ есть мысль, на это мы не можемъ положительно ничего отвѣтить. Основываясь отчасти на толкованіи г. Лукашевича, но больше на томъ, что нужно же было Кириллу и Меѳодію дать буквамъ азбучный порядокъ, мы относительно находимъ этотъ порядокъ удовлетворительнымъ, и если убѣдимся въ мысли азбуки, то, можетъ быть, онъ былъ и необходимъ. Но все на свѣтѣ, а конечно, и эта азбука отъ времени теряетъ свою цѣну, и отживаетъ послѣдніе свои дни. Перейдемъ къ гражданской азбукѣ.

Если предполагаемая таинственная мысль породила имена́ буквъ и дала имъ извѣстный порядокъ, то ничего подобнаго не встрѣчаемъ мы въ гражданской азбукѣ: ея настоящій порядокъ объясняется порядкомъ славянской азбуки; что́же касается до именъ буквъ, то они отчасти позаимствованы у латинской азбуки,—а отчасти выдуманы,—еще разъ

повторимъ—по прямой необходимости. При прежнемъ преподованіи можно было удовольствоваться какимъ-бы-то ни было азбучнымъ порядкомъ, но когда рушилась система прежняго преподаванія и сдѣлалась звуковою,—то нужно ли оставлять въ новѣйшихъ учебникахъ старый азбучный порядокъ? Это вопросъ большой важности.

Хорошо намъ, научившимся грамотѣ, руководствоваться, при обученіи другихъ, собственнымъ выборомъ буквъ (звуковъ) и въ заключеніе прочитать азбуку по старому порядку; но каково ребенку! вѣдь онъ спутается и, какъ ребенокъ, не хорошо пойметъ, въ чемъ дѣло. Это одно;—другое: не всякій звукъ одинаково легко произносить ребенку; слѣдовательно, гдѣ основаніе придерживаться въ этомъ случаѣ стараго порядка?

Теперь мы не можемъ отвѣчать, почему непремѣнно такая–то буква (звукъ) стоитъ предъ такою–то; но если буквы будутъ разсортированы, прогрессивно идя отъ лёгкихъ къ труднымъ, тогда легко будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, и такая азбука будетъ имѣть смыслъ. Мы считали нужнымъ сказать нашу мысль, какъ предисловіе къ дѣтскому словарю, который ясно указываетъ на безосновательность азбучнаго порядка, котораго, къ сожалѣнію, придерживаемся до-сихъ-поръ. Азбука для дѣтей; вслушайтесь же въ ихъ дѣтскій языкъ: при постепенномъ переходѣ отъ звука къ звуку и вамъ (т. е. тому, кто пожелаетъ это сдѣлать) легко будетъ составить правильную азбуку. Съ этимъ мы обращаемся къ великоруссамъ и къ малороссіянамъ: порядокъ азбуки обоихъ языковъ долженъ быть одинъ и тотъ же; исключенія могутъ быть самыя незначительныя.

Предлогаемый словарикъ далеко не полонъ, но мы имѣемъ право надѣяться, что его дополнятъ читающіе малороссіяне; намъ, впрочемъ, кажется, что языкъ чисто–дѣтскій заключаетъ въ себѣ не болѣе 60 словъ.

Въ этомъ словарикѣ встрѣчаются только тѣ уменьшительныя слова, которыя прямо относятся къ ребенку; многія же другія изъ этого языка уже перешли въ языкъ народный и въ немъ получили право гражданства; такія слова (ихъ очень много) здѣсь совершенно лишнія, хотя они и входятъ въ дѣтскую рѣчь, напр. ніжечка, рученька, рученятко, ненечка, бабуся, голівонька, люлечка, и т. д. Малороссійскій языкъ больше всѣхъ другихъ языковъ обилуетъ такими словами. Многія дѣтскія слова употребляются также въ уменьшительномъ видѣ, но мы не будемъ здѣсь упоминать объ нихъ.

Бо́зя—Богъ, икона, церковь.
Би́ря—барашекъ, овца.
Биця—рогатая скотина.
Бубу́хъ—понятіе паденія.
Бу́сі—упадешь.
Бу́ба—бублики; всякое зерно.
Ва́ва—болѣзнь, боль, рана и все, что́ можетъ причинить боль.
Во́ва—волкъ и все страшное.
Гу́ля—голубь.
Дюдя—холодъ.
Дя́дя—всякій мужчина.
Дзень-дзе́нь — выраженіе металлическаго звука.
Істонькі, істкі—ѣсть, кушать.
Жи́жа—огонь, горячій уголь и, вообще, все горячее.
Зю́зя—букашка и, вообще, все крошечное.
Ка́ка—все нечистое, грязное
Ки́ця—кошка.
Кіть—кіть—понятіе; катить.
Ко́ко—яйцо.
Ко́ся—лошадь.
Ле́ля—рубашка.
Лю́ля—колыбель.
Лю́ли—спать.
Ля́ля—кукла, игрушка, дитя.
Ма́ма—мать.
Ма́—пѣтъ.
Мо́ня—молоко.
Не́ня—мать.
Ня́ня—нянька.
Ця́ца—хлѣбъ.
Пяця—поросёнокъ; свинья.
Пісі—мочиться.
Пи́ти— } пить.
Пи́тоньки— }
Сю́сі—см. пісі.
Спа́тоньки—спа̀тки—спать.
Та́то—(тятя) отецъ.
Тётя—всякая женщина.
Тю́тя—всякая птица, а преимущественно—курица.
Тпру́ті—(пруті) гулять.
Утя—утка.
Ці́ця—грудь.
Цю́ці—см. пісі.
Цю́ця—собака.
Ця́ця—игрушка.

11 августа 1861 р.

Л. Ященко.

ОДЪ РЕДАКЦІИ.

Въ августовской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*, въ отдѣлѣ *Современной Хроники*, г. Громека нашелъ почему-то нужнымъ напечатать, будто бы «*редакторъ Основы публично поссорился съ П. А. Кулишомъ.*» Въ-предупрежденіе недоразумѣнія нашихъ читателей, считаемъ полезнымъ заявить, что г. Громека вовлеченъ былъ въ непростительную ошибку чрезмѣрною своею поспѣшностью, но, повинившись, напечаталъ объ этомъ въ августовскихъ номерахъ *Сѣверной Пчелы* и *Русскаго Инвалида*.

Високоповажнімъ: *С—му*, въ г. Колу, *И. Кр—і*, въ г. Бобринець, *Петру Украинцеві* и *М. Н—каз—ві*, въ Київъ. Дуже жалкуемо, що не можна дать місця Вашимъ стихамъ увъ *Основі*: не підходящі.—Коли наша рада въ-ладъ зъ Вашою власною думкою, то вчітесь поэзії у нашого народу, въ его пісняхъ и думахъ, — вчитуйтесь, серцемъ и мислю, въ нашихъ и иншихъ правдивіхъ поэтівъ, и тоді вже приступайте до вишчої мови (поэзії); а до-того — виповідайте лучче свої думки простомовою (прозою).

Ст—ну Д—п—чу Н—су, въ Черніговъ. Дякуемо Вамъ и високоповажному М—сію Ст—чу Л—б—скому за рисунокъ Собору. Вибачте, будьте ласкові, що ваши «привісти» одложені до IX книжки: такъ було треба. Объ тімъ же наша прозьба и до високоповажнихъ *Тиміша Коломацького* и *Василя Тищенка*.

Двомъ Українцямъ, въ Варшаву. Рубъ и шість рублівъ, що прислані при листахъ безъ йменія, передали ми Михайлу Матвіевичу Лазаревському. Щира вамъ дяка за щире слово и діло.

Д—тру П—чу П—ч—ву, В—лю Ст—чу К—л—ку и *К—мі Ш—п—лу, въ Полтаву*. За все, про все, наша вічня дяка. Запомагайте насъ и діломъ, и радою, и щирою правдою, а ми до Васъ на все одпишемо.

Олександру Переходовцеві. Вашъ листъ зъ дороги буде напечатанъ незаборомъ; объ иншихъ речахъ одпишемо Вамъ особно. Не судіть насъ до-часу.

П—у И—чу Р—в—кину, въ с. Красне. — Щира Вамъ дя́ка за «Пасішниківъ.» Де́ жъ таки—забувъ! Ні, добре й досі памьята́ю, якъ вчились ми разомъ у школі. Не забувайте й насъ; засилайте вісті объ собі,—объ тімъ, що́ на-вкруги́ у васъ дієтця.

П. Б—л—аву Рудн—му, на Волинь. Ваша одповідь *Р. Вістникові* не буде напечатана, хоча бъ ми й не того бажали. Не забувайте объ *Основі*; нагадуйте объ Волині.

Карпу И—чу Ш—р—гр—му, въ Харьковъ. Редакція была бы весьма благодарна Вамъ за доставленіе собранныхъ вами матеріаловъ для изученія Украинскаго языка, и съ удовольствіемъ исполнила бы Ваши порученія.

М—р—ну О—ль—к—чу, въ с. Калиту. Мы были бы весьма благодарны за дальнѣйшее доставленіе народныхъ пѣсенъ, въ-особенности историческихъ и былевыхъ, указаніемъ — гдѣ, кѣмъ и отъ кого онѣ записаны.

Г—ну Езучевскому, въ Кременчугъ. Благодаримъ Васъ за письмо. Ваше требованіе не было доселѣ исполнено по-ошибкѣ.

Г—ну Харченку, въ Верхнеднѣпровскъ. С. петербургскій Почтамтъ оффиціально увѣдомилъ редакцію, что въ полученіи 2-ой книжки *Основы* есть собственноручная росписка г-на Харченка и хранится въ Газетной Экспедиціи.

Г—ну Аствацурову, въ Тифлисъ.—Основа Вамъ выслана; слѣдуетъ доставить въ редакцію 10 рублей.

«ОСНОВА»

будетъ издаваться и въ 1862 году, по прежней программѣ и при содѣйствіи всѣхъ сотрудниковъ, принимавшихъ участіе въ нашемъ вѣстникѣ съ начала нынѣшняго года. Подробное объявленіе напечатается въ IX книжкѣ.

ПОПРАВКИ.

1) въ VI-ой книжкѣ замѣчены слѣдующія ошибки:

			Напечатано:	*Должно быть:*
стр. 125,	— 3-я	—	перво зданными	*первозданными*
— —	— 9-я	—	соль. Въ иныхъ...	соль; называются они *нептуническими*. Въ иныхъ..
— —	— 17-я	—	Нептуническая осадочная	Нептуническая или *осадочная*.
— 128,	— 29-я	—	раковины. Кромѣ...	раковины: *продуктъ гигантскій и спириферъ московскій и кораллъ амплексъ*. Кромѣ...
— 129,	— 1-я	—	комочій	*колючій*.

2) Т. И. Комаровъ, которого *слово* на могилѣ Шевченка — напечатано въ VI книжкѣ *Основы* (стр. 27), пожелалъ указать здѣсь такія поправки:

вмѣсто	— *далеко-далеко*,	читать	— *далеко, за Дніпромъ широкимъ*,
—	— *проволочивъ*	—	— *протягнувъ*,
—	— *до самої могили*	—	— *до самої труни*,
—	— *стежку*	—	— *стежку ажъ до батьківъ нашихъ*,
—	— *и душа*	—	— *ії душа*,

выпустить *по* въ первой строчкѣ.

3) Въ V-й книжкѣ *Основы*, въ статьѣ *Гоголь*, на стр. 23, вмѣсто *театральнаго паяса*, напечатано, по недосмотру, *театральнаго пажа*.

4) Въ статьѣ: *Отвѣтъ на статью Вс. Крестовскаго* (страница 11-я, строка 10-я) вмѣсто — *стремиться* обличать — должно быть — *страшиться* обличать.

ПОПРАВКИ.

1) В кн. VI-ой книжки журнала следующия опечатки:

Напечатано:	Должно быть:
стр. 125, — 3-я — перво-зданным	первобытным
— — — 9-я — сотр. Въ инвал...	сотр. въ инвал...
— — — 17-я — Центральная осадолога	Центральная или осадолога.
— 128, — 20-я — раковины. Кровь...	раковины; кровь...
— 129, — 1-я — комоля	комоля.

2) Т. II. Словарь, которое стоило на полках Шлиссельбурга — изъ-

за VI книжки Основы (стр. 27), пожалуйте указать эдесь

такия поправки:

вместо — далеко-далеко, читать — далеко, за Тибром они прочли,

— — кровотечения — — — проникнуть,

— — до самой полуночи — — до самой трубы,

— — снежку — — снежку даже до конюшен конюхи,

— — и убила — — и убила,

выпустили во вторую страницу.

3) В V-й книжке Основы, въ статьѣ Голова, на стр. 23, вмѣсто мозгопро-

нало нужно, напечатано, по недосмотру, мозгопрялило нужно.

4) Въ статьѣ: Отвалить на сколько Ея Кровососнаго (страница 11-я, строка

10-я) вмѣсто — спрежимися оглядать — должно быть — спрежимися оглядать

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

Переведено подъ редакціей

Н. ЧЕРНЫШЕВСКАГО.

Томы 1 до 4 — древняя исторія.
« 5 до 8 — средняя исторія.
« 9 до 18 — новая исторія (до 1815 г.).
« 19 — подробный алфавитный указатель.

Цѣна за томъ 1 р. 50 к. (безъ пересылки.)

Первый томъ поступитъ въ продажу въ первыхъ числахъ октября, въ Конторѣ **Современника.**

Издатель **А. Серно-Соловьевичъ.**

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 20 Августа 1861 г. Цензоръ Веселаго.

Въ типографіи Іосафата Огризко.